

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 2.

Миттельшпиль

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД Том 2. Миттельшпиль

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

Одиссей покидает Итаку
Бульдоги под ковром
Разведка боем
Вихри Валгаллы
Андреевское братство
Бои местного значения
Время игры
Дырка для ордена
Билет на ладью Харона
Бремя живых
Дальше фронта
Хлопок одной ладонью
Скорпион в янтаре (в 2 тт.)
Ловите конский топот (в 2 тт.)
Скоро полночь (в 2 тт.)
Мальтийский крест (в 2 тт.)
Не бойся друзей (в 2 тт.)
Большие батальоны (в 2 тт.)
Величья нашего заря (в 2 тт.)
Para Bellum
(в соавторстве с Геннадием Хазановым)

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 1. Дебют
Том 2. Миттельшпиль

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ФАЗОВЫЙ
ПЕРЕХОД

Том 2.
Миттельшпиль

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

3-45 **Звягинцев, Василий Дмитриевич.**
Фазовый переход. Том 2. «Миттельшпиль» : [фантастический роман] / Василий Звягинцев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-88432-2

Операция «Мангуста» по свержению существующего режима в Российской Федерации предотвращена. Подача отбита. Отныне тайные «боевые действия» будут вестись на территории стратегического противника, и фокус внимания «Андреевского братства» сосредотачивается на Соединенных Штатах, где немедленно начинают происходить события, способные изменить двухвековой устоявшийся порядок на континенте и положение во всем мире. Снова Андрею Новикову и Александру Шульгину приходится вступать в большую Игру и вмешиваться в ход истории. Но иначе они уже не могут, потому что сфера их ответственности — Будущее..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88432-2

© Звягинцев В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Мы говорим, когда нам плохо,
Что, видно, такова эпоха,
Но говорим словами теми,
Что нам продиктовало время.

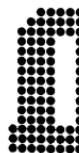
.....

Но мы не можем жить иначе,
Не променяем — мы упрямые —
Ни этих лет, ни этой драмы,
Не променяем нашей доли,
Не поменяем наши роли, —
Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя — за Время.

И. Эренбург

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

аже по столь серьёзному и, прямо сказать, не слишком частому во всей двухвековой истории Белого дома слушаю, как загадочная гибель главы администрации, Ойяма не поехал в Вашингтон. А следовало бы — с печальным видом походить по мосту, посмотреть на извлечённые с дна Потомака обломки, после чего «обратиться к нации» с призывом сохранять спокойствие и дежурными словами в стиле глуповского градоначальника: «Не потерплю!» и «Разорю!»¹.

Он решил хотя бы так для начала обозначить собственную позицию: президент — не шериф и не детектив полицейского отделения, ему не пристало суетиться и изображать служебное рвение, особенно в том случае, если от него ничего не зависит.

¹ См.: М. Салтыков-Щедрин. История одного города.

А для прочувствованных слов время ещё будет. Например — похороны.

Кроме того, следует отучать нацию от популизма. Настоящий правитель должен появляться перед народом (или обращаться к народу) только в предусмотренных церемониалом или, наоборот, действительно экстраординарных случаях. Вроде объявления войны или безоговорочной капитуляции¹. А тут — ну, что же, бывает. Все мы смертны или, как сказал Лютенс, цитируя какого-то русского писателя: «Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!»

Документов, доставленных ему Лютенсом от русских «экстрасенсов» (Ойяма предпочитал называть их в ходе внутренних монологов именно так, чтобы не забрести в такие дебри мрачной мистики, из которых, сохранив рассудок, выбраться сложно), было вполне достаточно, чтобы прекратить любые неуместные, на его взгляд, разговоры со своим «ближним окружением». Достаточно уже наговорили, в других странах и на массовые отставки хватило бы, и на судебные процессы.

Мысль о том, что разговоры могут прекратиться и не по его инициативе, он загонял в самые дальние уголки сознания. За истекшие полвека так и остался тайной подлинный сценарий убийства братьев Кеннеди. Неизвестно, например, велись ли с ними предварительные переговоры и делались ли какие-либо взаимоприемлемые предложения. Или

¹ Именно так поступили И. Сталин в 1941 г. и император Японии Хирохито в 1945 г.

вопрос был решен попросту, как на военно-полевом суде — без участия сторон. То есть с ним могут поступить быстро и чётко: пистолет в ящике стола и два человека, на которых он здесь в какой-то мере может рассчитывать, — не защита. А охрана из морских пехотинцев за деньги или по чьему-то приказу может просто отвернуться, пока его будут убивать или «увозить в неизвестном направлении». И в Древнем Риме так бывало, и в средневековой Японии, и в Европе в совсем уже близкие времена.

Правда, неведомый «друг», в совершенстве владеющий японским и знающий Конфуция (то ли сам господин «паранормальный Ляхов», то ли некто, стоящий над ним), обещал помочь. Но стоит ли верить представителям вражеской, в общем, стороны, наверняка ведущим собственную игру? Хотя ситуативно они сейчас, пожалуй, на одной стороне, а это уже немало для человека, которому собственный госсекретарь в лицо пообещала не больше трёх дней жизни. Или хотя бы не жизни в буквальном смысле, а жизни в качестве президента США.

Ойяма нажал кнопку селектора и приказал начальнику собственной службы безопасности (дежуре просто руководителю группы личных боди-гардов), коммодору Гедеону Брэкетту отвечать на любые телефонные звонки, от кого бы они ни исходили, что президент в курсе случившегося, но внезапно почувствовал сильное недомогание, врач сделал ему необходимые инъекции и до завтрашнего утра не велел будить. Причин для беспокойства нет, но с неотложными вопросами пусть обращаются к вице-президенту.

— А как же?.. — удивился коммодор, подразумев-

вая непреложные требования официального протокола и ханжеской морали — непременно лично за- свидетельствовать скорбь и негодование по пово- ду трагической гибели известной особы, к которой Брэкетт, впрочем, не питал даже тени «христиан- ских чувств».

— Именно поэтому, — ответил Ойяма. — Мисс Мэйден зачем-то летела сюда, хотя я её не пригла- шал. Возможно, она должна была сделать предло-жение, от которого трудно отказаться. Но карта легла не так. Пусть делают следующий ход. А мне немедленно сообщают все факты, что будут выяс- няться в ходе расследования. От моего имени по- звоните Генеральному прокурору, министру юсти- ции и директору ФБР. Ну, сами знаете, что сказать...

— Я понял, сэр.

Брэкетт, всю жизнь прослуживший в военно- морской разведке и приставленный к президенту его личным другом, начальником этой самой раз- ведки вице-адмиралом Шерманом, хорошо пони- мал, что началась Очень Большая Игра. В которой ему прямо сейчас приходится делать выбор, скорее всего означающий жизнь или смерть и сюзерена, и его лично. Нравы Белого дома и соответствующих служб он знал досконально. Что президент никак не может быть причастен к катастрофе вертолёта, он тоже понимал. Не было у него ни нужного вре- мени, ни соответствующих возможностей. В то же время — погибшая глава президентской админис-трации принадлежала к самым яростным его вра- гам. Значит, закручивается гораздо более хитрая интрига, чем можно было предположить понача- лу, и руководит ею опытная рука. Опытная имен-

но в сложных многоходовках, а таких способностей у известных ему «персонажей первого плана» коммодор не замечал.

— Может быть, стоит запросить подкрепления... у адмирала?

Это предложение сразу обозначило сделанный Брэкеттом выбор. Фактически он признавал, что Рубикон перейдён. И то, что президенту США придётся вопреки всем инструкциям, обычаям и действующей иерархической системе привлекать для своей защиты посторонние силы в обход *надлежащих процедур*, уже как бы подтверждает — они вдвоём решили, впервые за полтораста лет, переступить вроде бы невидимую, но всем очевидную черту.

Против президента его противники имеют *президентное* право использовать любые средства, от мягких увещеваний до импичмента и пули в затылок, он же — только те, что прописаны в Конституции. И попытка выйти из «мелового круга» опять же автоматически включает механизм морального или физического устранения строптивца.

Правда, заодно следует отметить, что давным-давно никто не представляет, а что же случится, если обречённая на заклание жертва всё же решит сопротивляться всеми доступными ей средствами? Не было на памяти ныне живущих политиков таких случаев.

Разбомбить столицу европейского государства или оккупировать страну на другом конце света президент США может, а вот использовать силовой приём против решившей его устраниТЬ компаний джентльменов из какого-нибудь гольф-клуба

с неприметным названием — ни в коем случае. Да большинству такое и в голову никогда не придёт, так же как, допустим, назвать с трибуны Конгресса лидера оппозиционной партии «грязным ниггером», а не «достопочтенным сэром».

— Спасибо, Гедеон, я обдумаю этот вопрос. А пока делайте то, что я уже сказал. И вот ещё — по любому транспортному средству, наземному или воздушному, разрешаю открывать огонь, «если покажется, что они представляют угрозу». Одна очередь трассирующими — предупредительная, следующие — на поражение. Да, запрет на пользование любыми средствами связи с внешним миром, кроме моих и ваших, остаётся в силе. Даже стоит его усилить. Служебную передающую аппаратуру тоже отключить. И приставить к радиоцентру наблюдателя из ваших людей. Понимающих в этом деле.

— Будет исполнено, сэр! Переходим на режим осадного положения?

— Считайте, что да. Фактически. Но постарайтесь, чтобы внешне всё выглядело... Прилично.

— Есть, сэр! Кстати, хочу, чтобы вы знали — охрана Кэмп-Дэвида способна отразить нападение не более чем роты противника, если она будет штатно вооружена и действовать всерьёз. Боеприпасов у морских пехотинцев — на час хорошего боя.

— Ещё раз спасибо, Гедеон. Надеюсь, до такого дела не дойдёт.

Со сразу посурковавшим и затвердевшим лицом коммодор вышел из кабинета. Вообще говоря, ничего экстраординарного в приказе президента не было: верховный главнокомандующий вправе, ни с кем не советуясь, вводить те меры безопасности,

что посчитает нужными. В «особый период», который он может объявить тоже единолично, *советоваться* с Конгрессом и Сенатом просто технически невозможно. А политически — зачастую нецелесообразно.

Имелась лишь одна тонкость — и отдавший приказ, и тот, кто его получил, прекрасно понимали, что случайных, заведомо принадлежащих преступным кланам и синдикатам «наземных и воздушных транспортных средств» в ближайшее время здесь появиться не может. Ну, не Колумбия всё же. Русский десант ещё менее вероятен. Прилетят или приедут такие же «государственные служащие» с чьим-то приказом. В крайнем случае — сотрудники частной военной компании вроде «Блэкуотера», тоже получившие «официальный заказ». В любом случае первый же выстрел будет подобием залпу по форту Самтер¹. То есть — началом второй Гражданской войны. Пусть поначалу совсем локальной. Но эпидемия чумы, от которой в четырнадцатом веке вымерло две трети населения Европы, тоже началась с укуса единственной, заражённой *bakterium pestis* блохи.

Могущественная сверхдержава на самом деле держится на нескольких, две сотни лет соблюдаемых по умолчанию правилах, и если от них вдруг отказаться, вся конструкция начнёт рушиться. Грохота и жертв, пожалуй, будет больше, чем при исчезновении советской власти. Русские, они к поли-

¹ Обстрелом «южанами» форта Самтер, занятого правительственными войсками «северян» 12 апреля 1861 г., фактически началась Гражданская война в САСШ.

тическим и военным катаклизмам привычнее, и инстинкт самосохранения у них включается вовремя. Особенно после опыта 1917–1922 годов. И к идее вовремя согласиться выполнять приказы тех, кто знает, что делать, они относятся без инстинктивного предубеждения. «Командовать парадом буду я!» — очень хорошая формула утверждения легитимности вождя любого уровня.

Пока президент инструктировал Брэкетта, а потом звонил адмиралу Шерману, Лютенс тоже не бездельничал. Ляхов заверил его, что за Кэмп-Дэвидом ведётся постоянное наблюдение, и никаких эксцессов исполнителей допущено не будет, причём аккуратно и по возможности без лишнего шума. В этом Лерой почти не сомневался, имел возможность убедиться, как в аналогичной ситуации это было проведено в Москве. Девяносто процентов даже руководящих работников о попытке государственного переворота узнали только задним чи-слом. Причём — очень задним!

«Зеркальность ситуации» его на самом деле не то чтобы слишком уж поражала, просто заставляла задумываться глубже, чем разведчик привык. Большую часть жизни удавалось обходиться стереотипами, штампами, приближающимися по своей твердокаменности к инстинктам. Имелся набор вариантов, могущих случиться на тех или иных уровнях его и коллег по деятельности. Сообразно им и стоило поступать — при работе в странах третьего мира, союзнических европейских, заведомо враждебных вроде Китая или России. И совершенно неважно, что эти стандартные реакции чем дальше, тем отчётливее демонстрировали свою несостоя-

тельность, несоответствие реалиям меняющегося мира.

В этом, наверное, и заключается суть англо-саксонского взгляда на мир: «Если действительность не совпадает с нашими о ней представлениями, то тем хуже для действительности». Десятки раз за послевоенные (после Второй мировой, естественно, ни одна другая война XX века права приниматься за точку отсчёта, «до» и «после», не удостоилась) годы тайные операции ЦРУ и Госдепа с треском проваливались, из вооружённых конфликтов разной степени интенсивности США выползали с сильно помятыми боками и выбитыми зубами, образно выражаясь, но здравых выводов из давних и совсем свежих поражений не делалось.

Что из Корейской, Вьетнамской, Иракской войн, что из операций «Фокус» и «Мангуста»¹, что из бесконечных «цветных революций», переворотов и контр переворотов, организуемых Штатами по всему миру без всякой, в общем, разумной цели. Виднейшие теоретики военного дела давно уже сформулировали: «Война имеет смысл, если послевоенный мир будет лучше дооценного». Геополитическое же и внутреннее положение Америки с каждой новой попыткой ощутимо ухудшалось. По всем параметрам — от коллапса экономики и стремящегося

¹ Операция «Фокус» — попытка антикоммунистического фашистского мятежа в Венгрии в октябре 1956 г., замаскированного под «народное восстание». Закончился полным поражением и бегством более 200 тыс. его активистов за границу. Не успевшие эмигрировать руководители мятежа были казнены, в т.ч. «премьер-министр» Имре Надь. Операция «Мангуста», описанная в романе «Не бойся друзей», — попытка свержения действующей власти РФ данной реальности.

к бесконечности государственного долга до зашкаливающего антиамериканизма, государственного и бытового, по всему миру.

Действительно, при некотором напряжении воображения легко было представить, что неизвестным (как бы даже внеземным или потусторонним) силам для чего-то потребовалось учинить государственный переворот всё равно в какой великой державе. Точнее, не всё равно. Именно в России или в США. Китай и прочие, тоже якобы значительные государства, члены ЕС и БРИКС эти силы интересовали мало. Совсем как в старой русской поговорке (или просто — практическом наблюдении): «Сруби столбы, заборы повалятся сами».

Логика не совсем понятная, поскольку изменение государственного устройства или полная ликвидация одной из этих держав должны привести к совершенно разным последствиям для мироустройства планеты Земля. Но это если руководствоваться человеческой логикой, а никакой другой Лютенс не владел.

Значит, надо отвлечься от эсхатологических¹ проблем и заняться более конкретными.

Историю Лерой знал достаточно хорошо, заодно изучал разные философские учения и даже исторический материализм. Это не слишком помогало в практической работе по названным выше причинам, но позволяло считать себя мыслящим существом, способным к рефлексии. Он ведь по сути сво-

¹ Эсхатология — учение о конечных судьбах мира и человека. Различаются индивидуальная Э. — учение о загробной жизни индивидуальной человеческой души и всемирная Э. — учение о цели существования космоса и истории и об их конце.

ей был немец, а не «настоящий американец», тем более — вынужденный нередко выдавать себя за русского.

Но ничего выходящего за пределы всё тех же стереотипов Лютенс придумать не мог. Убрать с доски Ойяму могло потребоваться только силам, твёрдо взявшим курс на войну с Россией «до победного конца». Это выглядело крайне глупо в свете уже произошедших событий. Если только целью неизвестно кого не является полное уничтожение планеты Земля. Никакой иной исход просто невозможен в случае «*Reductio ad absurdum*»¹.

Но сразу возникает очевидное противоречие. Успех плана «Мангуста» к немедленной войне не вёл. Наоборот, он мог означать окончательное установление «однополярного мира» под властью США. То, что не получилось сразу, в 91-м и нескольких следующих годах. Тогда шансы были великолепные, да вот воображения «владыкам мира» не хватило. Решили, что «конец истории» сам по себе уже наступил. Когда сообразили, что всё не так, пришлось импровизировать, а в импровизациях англосаксы не сильны.

Зато Китай в этом варианте в расчёт мог не приниматься. Его превозносимое многими «экономическое могущество» было столь эфемерным, что несколькими точными ходами легко могло быть обрушено, со сведением Срединной империи к уровню

¹ Доведение до абсурда, нелепости, последней крайности — риторический приём, заключающийся в продолжении доводов противника до превращения их в полную бессмысленность. Может также использоваться для выявления скрытых смыслов в позиции оппонента.

заштатнейшей страны третьего мира, обладающей несколькими очагами более-менее технологических производств. Ровно в объёме бытовых потребностей тех же США. Остальные полтора миллиарда китайцев пусть хоть траву едят — их проблема.

А вот в случае краха «верхушечного заговора» в США (аналогично случившемуся с московской «Мангустой») и превращения конкретно Ойамы в полновластного, в российском стиле, президента, причём своей властью и даже жизнью обязанного этой самой России, возможны (как пишут в объявлениях) варианты.

Очень даже интересные и представляющие непосредственно Лютенсу широкое «окно возможностей». Как минимум — должность чрезвычайного и полномочного посла США в Москве. С последующим карьерным ростом как по дипломатической линии, так и по *основной специальности*. Чем плохо — в сорок с небольшим лет стать директором ЦРУ, АНБ, а лучше — единой, по типу российских НКВД и КГБ, организации? Да и распространяющей своё влияние на две Земли сразу. Игра безусловно стоит свеч. Риск же, если вдуматься, лично для него не так уж велик. Главное, раньше времени не засветиться в глазах тех, кто в силах его мельком, походя, *убрать с доски*. Сам ведь по себе он фигурка маленькая, с тех высот, где *решения принимаются*, почти незаметная.

Лютенсу сейчас крайне необходимо было переговорить с несколькими хорошими знакомыми, сидевшими на не слишком заметных, но достаточно важных постах в центральных аппаратах ЦРУ и ФБР. Связывали их давние, чисто служебные отно-

шения. Как говорится — ничего личного. Для совместных выпивок, поездок на рыбалку, охоту, партии в бридж или покер у всех имелись совсем другие приятели. А вот для того, чтобы работа шла успешно, каждому профессионалу нужны «верные люди» в самых разных организациях, с которыми приходится или придётся взаимодействовать. Поделиться неофициально информацией, свести с кем-то в обход стандартных процедур, переложить важную бумажку из «долгого» ящика в «быстрый» и наоборот — много чего могут сделать друг для друга «рыцари плаща и кинжала», почти вся деятельность которых проходит в балансируении на неуловимых границах между законом, целесообразностью, корпоративными и личными интересами.

И сейчас он рассчитывал получить сведения, жизненно важные для него и почти ничего не стоящие для других, не знающих об их ценности. И в благодарность поделиться собственной, крайне конфиденциальной информацией о ближайших перспективах. Его друзья — люди сообразительные, смогут ею воспользоваться правильно. Как биржевые игроки, своевременно получившие сведения о грядущем «чёрном четверг» 29-го года¹. В итоге с прибылью окажутся все. Даже в ближней перспективе, не говоря о дальнейшей.

Только связи у него не было. Обратиться к Брэкетту, раскрыв перед ним часть своих карт? Попробовать бы можно, но Лерой знал пуританскую

¹ 29 октября 1929 г. началось катастрофическое падение курсов ценных бумаг на Нью-Йоркской бирже, ознаменовавшее наступление Великой депрессии.

упёртость коммодора, унаследованную от предков-первопоселенцев. Это человек, которому невозмож но что-то объяснить с позиций логики и практической целесообразности. Он и президенту служит не потому, что разделяет его ценности и мировоззрение, а лишь в силу верности — подобию феодальной вассальной клятвы. И доказывать с фактами в руках тоже бессмысленно — раз приказано не допускать «гостя» до телефона и лэптопа, значит, приказ будет выполнен, невзирая на то, что этот запрет вредит сейчас самому «сюзерену».

Тогда уж проще к самому президенту обратиться, тот хоть способен на разумные доводы реагировать. Но вот этого Лютенс предпочёл бы избежать. До последней крайности. Наверняка придётся объяснять, с кем и о чём он собирается говорить, а там и до обсуждения дальнейших замыслов дело дойдёт. А это пока лишнее. Сказано ведь: «Не умножай сущности...» Нужно придумать что-нибудь попроще, сохранив при этом свободу воли и маневра.

Он всё же специалист в своём деле и должен суметь найти выход в этой, не самой сложной ситуации. Давненько он не работал полевым агентом, но не зря ведь русские говорят, что мастерства не пропьёшь. С момента прибытия в Кэмп-Дэвид Лютенс наблюдал и запоминал. Абсолютно всё. Это могло пригодиться на случай любого развития событий, придётся ли отсюда бежать или, наоборот, участвовать в обороне резиденции, если враги предпримут попытку штурма по той же схеме, что действовали в Москве противники русского президента.

Почему бы и нет, цель ведь похожа, и школа у исполнителей одна и та же. Пусть там действовали

русские боевики, а здесь будут американцы, сама операция планировалась по лекалам ЦРУ,aborигенам это ответственное дело не доверили. Сам же Лютенс не доверил, и, пожалуй, напрасно. Но тут ведь тот же самый психологический и оперативный тупик получался — доверь русским действовать по собственному усмотрению, и ты сразу потеряешь над ними контроль, не сумеешь среагировать, если что-то пойдёт неправильно и «партнёры» начнут решать собственные проблемы, а не те, что определены тобой. А работая по чужой указке, «из-под палки», как у них говорится, они, русские, то ли специально, то ли по ставшей уже генетической привычке обязательно начнут вредить, превращая самые безупречно проработанные схемы в их полную противоположность.

И так случается практически всегда за последнюю тысячу лет: как татаро-монголы в этом убедились, так и ныне ещё живущие «специалисты» по насаждению на российской почве «демократии» и «рыночной экономики». Обязательно любые намерения, хоть благие, хоть не очень, становятся поперёк горла их инициаторам. А сами русские, сплюнув и перекрестившись, продолжают жить по собственному разумению, как бы это ни бесило весь «цивилизованный мир».

Вот поэтому Лерой решил действовать так, будто сам сейчас тоже русский, согласно псевдониму и кое-какому опыту. Опять же памятая уроки, преподанные «куратором». Полностью, конечно, перенастроиться не удастся, не тот *исходный материал*, но по-любому американцы, организуя свои системы безопасности, исходили из собственных представ-

лений, значит, просто надо прикинуть, где оставлены «дырки», именно в силу разного восприятия реальности.

Лютенс непроизвольно усмехнулся. Интересная аналогия в голову пришла — по ассоциации с происхождением того, кого он пытается спасти и потом использовать в своих целях. Вот сидят у общего котла десяток самураев и торопливо хватают зёрнышки риса палочками, зная, что наесться всё равно не получится — риса мало, едоков много. И тут кто-то, раньше имевший дела с «северным соседом», выхватывает «из-за голенища» (условно говоря) приличных размеров деревянную ложку и начинает ею орудовать. Пока остальные сообразят, что происходит, он успеет насытиться. Второй раз такая штука может и не пройти, но в первый — наверняка!

Лютенс устроился с сигаретой на скамеечке в тени кустов, с видом на пруд. Хорошо, тихо — живи и радуйся. Так не дают. Неужели действительно можно организовать всё так, чтобы свою короткую жизнь прожить, если чем и рискуя, то только для собственного удовольствия? На маунт-байке с горы спускаясь или к акулам в гости с видеокамерой ныряя.

Наверное, можно, если то, что Ляхов со своей командой задумал, осуществится. Ну, несколько сотен или тысяч человек ликвидировать придётся, но не миллионы же. Вот разориться могут миллионы действительно. Но всё равно же не так обнищают, как в Нигере каком-нибудь или Сомали. Подумашь, беда: из совета директоров компании — на ав-

тосборочный завод, гайки крутить. Из Госдепа — в парикмахерши...

Лютенс засмеялся, представив себе нечто из придуманного, как оно наяву будет. Да нет, вряд ли упомянутые господа работать захотят, скорее в бандиты и проститутки подадутся. По профилю, так сказать.

С этими русскими пообщаешься — невольно в стихийные коммунисты потянет. Не зря каждый из них — пусть подсознательный, но враг свободного мира, даже те, кто с наших рук кормился и в вечной преданности клялся. Вроде как Волович — невольно снова вспомнился верный помощник и «почти что друг». Как он там сейчас, интересно? Ликвидировали его уже или ещё допрашивают в «пыточных подвалах»? Лютенс прекрасно знал, что никаких таких подвалов давно не существует, но стереотип есть стереотип. Как при слове «инквизиция» сразу представляются монахи в сутанах с капюшонами, «испанские сапоги» и аутодафе, так «Россия» ассоциируется с медведями, снегом, водкой и этими самыми подвалами. Что бы там ни было, но жизнь «независимому журналисту» сохранят едва ли. Слишком много знает и слишком подл, чтобы подвергнуться «перевоспитанию». Дали ему через скур мягко-сердечные товарищи одну попытку, и чем она закончилась?

Но тут же разведчик забыл об этом малопочтенном персонаже. Дело нужно делать, хоть и сидя в расслабленной позе и наслаждаясь щебетаньем и посвистами неизвестных экзотических птичек, порхавших в кронах деревьев.

Какие в поместье вообще есть средства свя-
зи? Кроме штатных, находящихся под постоянным
надзором операторов и охраны. Сотовые телефо-
ны у прислуги? То ли есть, то ли нет. Он никогда
не интересовался порядками на режимных объек-
тах вроде этого. Не было необходимости, да и не по
чину. Вполне возможно, что это общее правило —
сдавать любые гаджеты при входе на охраняемую
территорию. Ещё что? «Воки-токи» морпехов. Не-
серьёзно, едва на пару миль достают. Радиостанции
на служебных машинах. Те тоже под присмотром,
близко не подойдёшь, не то чтобы внутрь залезть и
начать настройки гонять.

Решение пришло быстро. Не зря он о «русском
стиле» подумал. Да почему обязательно о русском?
Это же Честертон, кажется, писал, где лучше всего
спрятать лист. Причём в том рассказе говорилось:
«Чтобы спрятать мёртвый лист, он сажает мёртвый
лес»¹.

Ему, слава богу, сейчас этого не нужно, но ни-
кто не может утверждать, что нечто подобное не
придётся проделать завтра. Логика событий вполне
может развернуться в ту самую сторону. Тем более,
очень похоже, что некто уже приступил к аналогич-
ной процедуре, иначе, что может означать внезап-
ная трагическая гибель мисс Мэйден? Потребова-
лось ли убрать именно её по той или иной причине
или сама она не представляет никакого интереса,
но для определённых целей требуется, чтобы её ме-
сто стало вакантным?

В то, что крушение вертолёта могло быть роко-

¹ Г. Честертон. Сломанная шпага.

вой случайностью (каковых случайностей из расчётов отнюдь не следует исключать), Лютенс как раз совсем не верил. Принять такое допущение — значит вывести партию за рамки дедуктивного или, наоборот, индуктивного анализа. Злонамеренная акция превращается в фарс. Что так оно очень часто и бывает, Лютенс отказывался признавать, и это стоит отнести на счёт теперь уже немецкой составляющей его личности. Русские весьма почитают знаменитую триаду: «Авось, небось да как-нибудь»¹, а немцу лучше стократно обыгранное и обхаянное: «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...»²

Значит, что мы имеем? Какой вариант попытки нарушения «радиомолчания» придёт в голову бензопасникам в самую последнюю очередь?

Правильно — что пресловутый запрет на связь с внешним миром захочет нарушить сам президент. Эта ситуация ими скорее всего вообще не принимается во внимание. «Хозяин барин, что пожелает, то и сделает», значит, всё внимание к остальным обитателям резиденции.

А у президента имеется весь комплект — и сотовые телефоны, и проводные, и специальная защи-

¹ См. у В. Даля. «Авось» — может быть, сбудется (с выражением надежды). «Небось» — сокр. «не бойся, не трусь, не опасайся». Иногда — вопрос, выражающий вероятность, предположение, угрозу («Небось, доедем. Небось, не даст он тебе ни гроша!»). «Как-нибудь» — или в смысле «небрежно», «спустя рукава» или — «так или иначе, но будет сделано, случится».

² «Первая колонна наступает сюда, вторая колонна наступает сюда...» — слова из приказа немецкого генерала Пфуля. Цитата из «Войны и мира» Л. Толстого, в которой автор пародирует систему прусского планирования боевых операций.

щённая линия, и оптоволоконный кабель, отводка от вашингтонской «горячей линии». Радиорубка с всеволновыми приёмопередатчиками, что-нибудь по линии Пентагона, как положено Верховному главнокомандующему. Лютенс раньше просто не интересовался этим вопросом, а сейчас начал считать и понял, что наверняка о многих деталях обычного понятия не имеет. Вон в дальнем углу парка двухэтажное здание виднеется, сплошь всячими антеннами утыканное, там и космическая связь наверняка, и вообще что-нибудь такое, о чём в популярных журналах не пишут. Да ему это знать и ни к чему. Самое лучшее решение — самое простое.

Не рисковать, пытаясь дозвониться до своих приятелей, которым придётся долго объяснять суть дела, да и то неизвестно, получится с одного раза или нет. А времени на обстоятельные разговоры у него не будет. Кроме наружной слежки наверняка есть и видеокамеры, прослушка во всех более-менее значимых помещениях. Сам по себе факт попытки связи с внешним миром не так страшен, сравнительно правдоподобное объяснение он всегда придумает, но вот содержание его разговоров посторонним знать нельзя ни в коем случае. Значит, проще сразу выходить на «куратора», одной кодированной фразой сказать, что нужно, а потом пусть сам думает, как довести его информацию, мысли и рекомендации до «друзей».

Ляхов оставил ему два телефонных номера для экстренной связи, в нью-йоркском и сан-францисском офисах своего «института», ещё чай-то мобильный и адрес электронной почты. Вот, наверное, к компьютеру бы проще всего подобраться. Тут

их наверняка несколько, для хозяина, жены — первой леди, возможно, и в других помещениях президентского дома есть стационарные аппараты или небрежно оставленные лэптопы. Никто же не готовился заранее к нынешнему «чрезвычайному положению». Осталось найти способ выяснить, где удобнее и безопаснее осуществить свой замысел.

Больше двух часов Лютенс бродил по аллеям, несколько раз обошёл президентский коттедж, прорабатывая способы замотивированного туда проникновения. Но ничего исполнимого в голову не приходило. Вспомнил даже русский фильм «Семнадцать мгновений...». Увы, воздушной тревоги, чтобы попасть в комнату связи, в ближайшее время ждать не приходилось, а часовой у входа наверняка проследит, чтобы «гость», по его словам, идущий к президенту «по делу», не отклонился от маршрута.

Проблема, как часто бывает, разрешилась почти что сама собой, «без» и даже «вопреки» потугам рационального мышления.

Лерою просто захотелось пить. День всё-таки был достаточно жарким, и обед слишком острым, в мексиканском стиле. Идти в своё бунгало, где имелся кулер с ледяной водой, не хотелось, да и вода не казалась подходящим к случаю напитком. Гораздо лучше бы выпить пива, а то и хорошего сухого вина. Калифорнийского, но можно и мозельского. На первом этаже гостевого дома, вокруг которого располагались несколько бунгало, в одном из которых жил он сам, Лютенс ещё утром заметил нечто вроде буфета или бара, и чёрный стюард там в глубине шевелился. Если и сейчас открыто — чего

ещё желать. Никаких ограничений в этом смысле на него не налагалось, сам он не «при исполнении», а размышлять и строить планы в культурных условиях куда приятнее.

Лерой снова подивился, что русская фразеология приходит ему на ум здесь даже чаще, чем в самой России. Причём эти «культурные условия» — это ж ещё с советских времён, когда выпивка в рюмочной противопоставлялась «поллитре на троих» в подворотне или в кустах на детской площадке.

Бар действительно функционировал, несмотря на то что, по наблюдениям Лютенса, никаких гостей, кроме него, в Кэмп-Дэвиде сейчас не было. Так он и спросил представительного негра лет сорока, одетого в нечто среднее между смокингом и ливреей.

— Вы совершенно правы, сэр. Гостей в доме сегодня нет. И вчера, кроме вас, не было. Я даже удивился, что вы не заглянули. Однако заведению полагается работать. Офицеры охраны после смены заходят, старший обслуживающий персонал... Здесь много людей, сэр, которые с удовольствием выпьют стаканчик кока-колы или чего-нибудь покрепче... Вам что предложить?

Мысль о том, что можно действительно позволить себе «покрепче», показалась ему привлекательной. Склонности ведь никуда не делись, невзирая на события последних дней, а сам факт того, что он «употребил», может сыграть на руку. Злоумышленник «в логове врага» никогда не станет вести себя подобным образом. Снайпер не курит в засаде, автогонщик не пьёт перед стартом...

— Пожалуй. Виски?

— Какой сорт предпочитаете? Вот карточка. Или — перед вами, — негр широким жестом указал на стойку у себя за спиной.

Выбор на самом деле был неплох. По пять-шесть шотландского и ирландского дорогих сортов, ромы и водки, включая даже непатриотичную теперь и особенно здесь «Столичную» из Москвы. Вин тоже хватало. Вот пива разливного не было, только бутылочное и в банках европейских стандартов по 0,33 и 0,5 л. Жаль, в России и в Германии он бутылок, а тем более жестянок не признавал. Всё время чувствовался привкус то консервантов, то металла.

— Двойную «Катти Сарк», «Кёниг Пильзнер» большую, фисташки...

Бармен посмотрел на Лютенса с уважением. Похоже, в Кэмп-Дэвиде работали люди куда более сдержанные. Или — слабые в коленках.

— У стойки желаете или за столик подать?

— За столик. Я вон там сяду, возле кондиционера... Курить можно?

— Президент у нас курящий, потому не возбраняется. Только по вечерам нельзя, когда людей, особенно женщин, много. Возьмите пепельницу...

Как раз в это время, переговорив с адмиралом Шерманом об усилении охраны и о том, как это сделать наилучшим образом, не привлекая излишнего внимания, Ойяма снова впал в задумчивость. Такое с ним случалось время от времени. Наверное, тоже что-то от генетического кода. За неимением цветущих вишнен, слив (не сезон), а также полной луны на небосводе приходилось довольствоваться подручными средствами. Он просто уселся на глад-

ко выструганные, теплые от солнца доски веранды, так, чтобы его нельзя было увидеть извне.

Место для резиденции выбиралось с умом, никаких «господствующих высот» вокруг него не было. Наоборот, основная территория, покрытая лесом с пересекающими её в разных направлениях аллеями и тропинками, с небольшим озером и гольфовым полем занимала обширное плато, плавно понижавшееся во все стороны. Но широких горизонтов тоже не открывалось, везде взгляд упирался в часто стоящие сосновые стволы и густые кустарники. Поэтому президент для фиксации внимания обычно останавливал взгляд на видневшейся в дальней перспективе странной металлической конструкции, считающейся крайне дорогой и имеющей глубокий смысл инсталляцией какого-то признанного гения, почитаемого одним из предшественников Ойямы, скорее всего Клинтоном.

Иногда «это» вызывало у воспитанного совсем на других канонах президента только раздражение, иногда — желание понять, что за смысл кроется в причудливо переплетённых бронзовых лентах, никелированных швейлерах и ржавых двутаврах. То есть выходило так, что мастер трудился не зря, какие-то мысли и эмоции его творение вызывало. И неплохо способствовало вхождению в медитацию, отвлекая от конкретностей окружающей обстановки.

Ойяма понял, особенно после разговора с Лютенсом, что рациональным образом принять судьбоносное решение ему едва ли удастся. Слишком большое количество факторов, часто — взаимоисключающих, пришлось бы учесть, к тому же ни-

как невозможно просчитать реакции и поступки огромного числа людей, тем или иным образом уже вовлечённых в водоворот событий, повлиять на которые кардинально не может никто, но зато способен давать свой импульс, только усиливающий общий хаос.

Не зря же столь достойный политик и полководец, как Наполеон, считал необходимым и достаточным просчитать любое своё начинание хотя бы процентов на тридцать, предоставляя остальное игре непредставимых случайностей.

С наполеоновских времён сложность общественно-политических систем неизмеримо возросла, как и число субъектов, способных оказывать на них воздействие. Просто за счёт увеличения общей численности дееспособного населения и скорости прохождения и обработки информации. Изучив карту, ознакомившись с донесениями нижестоящих командиров и данными разведки, Бонапарт мог принимать решение, исходя из того, что за ближайшие сутки в обстановке мало что изменится, а сведения о совокупных результатах начатой сегодня масштабной операции станут доступны анализу лишь через несколько дней, а то и на будущей неделе.

А вот сегодня обстоятельства могут меняться намного быстрее, чем обычный человек способен осмыслить происходящее, просто догадаться, что случилось нечто и мир вокруг уже совсем не тот, как минуту назад.

Поэтому единственный способ сохранить контроль за происходящим — перестать быть обычным, выйти за рамки общепринятых стереотипов, здра-

вого смысла, законов (в том числе и законов природы), правил, обычаев и традиций. В 1904 году японцы демонстративно и грубо нарушили принятые среди цивилизованных людей законы войны, напав на русских в Чемульпо и Порт-Артуре без объявления войны и вопреки международному праву. Это в конце концов и принесло им победу в неравной битве. А «мировое сообщество» спокойно проглотило потрясение основ, ибо совершено оно было нужными людьми, в нужное время и в нужном месте и, как тогда казалось, отвечало интересам большинства великих держав. Через тридцать с небольшим лет англосаксы, голландцы и прочая окрестная шваль сообразили, что едва ли стоило так уж радоваться поражению России, но было поздно. Старателю выкормленные из рук, вооружённые и получившие карт-бланш на реализацию любых планов в Китае, Корее и СССР японцы от всей души принялись уничтожать своих «благодетелей». Совершенно так же, как это делал Гитлер в Европе.

Кстати, сами американцы за шесть лет до «первой русско-японской» поступили не менее «остроумно» и подло. Формально ничего не нарушая, они создали «казус белли», взорвав на рейде Гаваны собственный крейсер «Мэн». Плевать на сотню своих моряков, зато Испания была объявлена агрессором и война началась «по всем правилам», с соответствующей нотой и формальным объявлением.

Вот и сейчас — Ояяма должен перестать быть тем, за кого принимает его американский истеблишмент и кое-кто повыше, а когда он сделает то, что смутно пока рисуется его воображению, тогда возмущаться будет поздно. Придётся *трагици-*

оналистам принимать новую реальность как данность. Был Вестфальский мир, был Ялтинско-Потсдамский¹, теперь возникнет... Никто пока не знает, как его назовут.

И неважно, что для этого придётся пойти на сделку с русскими, до сих пор кажущуюся немыслимой всем «сильным сего, свободного, мира». А главное — не с русскими как с государством Российской Федерации, а вначале с очень непонятными силами, выглядящими как русские и базирующиеся преимущественно в России. Будет ли это сделкой с дьяволом или пактом с богами — будущее покажет.

Внутренним взором Ойяма видел себя на вершине, в блеске и сиянии славы и могущества, мудрым и авторитетным правителем, далеко перешагнувшим границы так называемой демократии и тому подобной чуши. Надо только суметь выжить несколько ближайших дней, за которые всё и решится. А для этого...

Президент вернулся в реальность, освежённый, полный бодрости и внутренней силы. Внешней, впрочем, тоже. Каждая клеточка его организма просто переполнялась энергией. Ойяма пружинисто вскочил, сделал несколько упражнений боевой

¹ Вестфальский мир 1648 г., завершивший Тридцатилетнюю войну (1618–1648), установил «окончательные» границы в Европе и принцип их «нерушимости», признал полный суверенитет королей, князей и пр. над подвластными им территориями, «невмешательство во внутренние дела». В Ялте и в Потсдаме (1945 г.) лидерами СССР, США и Великобритании были подведены итоги Второй мировой войны, определены принципы послевоенного мироустройства, обозначены «сферах влияния» великих держав.

гимнастики. Всё великолепно, тело слушается его, как никогда. В таком состоянии можно приступать к великим деяниям.

Ойяма достал из кармана просторной куртки, напоминающей одновременно пижаму (не спальню, а курортную) и кимоно, телефон. Он любил на отдыхе свободные одежды, в отличие от Рейгана, например, который и в старости расхаживал дома в узких джинсах и ковбойских сапогах на повышенном каблуке.

Хотел было вызвать к себе Лютенса, но тут же вспомнил, что «курьер» тщательно обыскан и избавлен от всех предметов, могущих исполнять функции средств связи. Не только мобильных телефонов, но подозрительно выглядевшего массивного хронометра с многими дополнительными циферблатами и кнопками, и портсигара с встроенной зажигалкой. Вскрывать и изучать эти предметы специалисты пока не стали, всё же раздражать раньше времени человека с неопределенным статусом не хотелось. Просто заперли в номерную ячейку на проходной и выдали на руки ключ.

Тогда президент набрал трёхзначный номер Брэкетта и велел найти и доставить в библиотеку «коллегу из ЦРУ», то есть, конечно, мистера Лероя из нашего посольства в Москве. Этими словами Ойяма обозначил коммодору статус, который он считает нужным пока что сохранять за «гостем».

Выпив за два приёма очень неплохое виски, Лютенс не торопясь потягивал пиво, тоже отличное. Американцы, честно сказать, в пиве, как и в кофе, ничего не понимают, и то, что подают в обычных

барах, как правило, редкостная дрянь, адаптированная под вкусыaborигенов. Но здесь пиво было настоящее, сваренное и разлитое в Германии, без дураков.

Изредка затягиваясь в меру крепкой, ещё в Москве купленной сигаретой «Русский стиль», Лерой перебирал варианты. Пока что ничего не получалось. Подняться здесь на второй этаж и пошарить по комнатам в поисках компьютера, лэптопа или просто подключенного к внешней сети телефона мешал бармен. Никакого повода попасть в административный корпус тоже не было. Любой замок он вскрыл бы за полминуты подручными средствами, но и этой полминуты у него не будет. Поскольку ещё день на дворе и все его передвижения наверняка отслеживает не одна пара глаз. Стоит свернуть с естественных маршрутов — сразу подойдут и вежливо спросят, куда и зачем сэр направляется.

Ночи ждать ещё долго, и тоже не факт, что бунгало, любые другие помещения и вся территория не напичканы ноктоворизорами, тепловизорами, масс-детекторами и прочей охранной электроникой. Это не считая собак, с которыми после захода солнца предпочитают патрулировать парк и внешний периметр охранники. Значит, что, тупик?

Лютенс был уверен, что нет. Выход обязательно найдётся, и лежит он на поверхности, только пока ещё не виден. А если вот так?

— Стоун, — обратился он к бармену, прочитав имя, обозначенное на бейдже. — У вас есть лэптоп?

— Есть, сэр, — ответил тот, ничуть не удивив-

вшись вопросу. — Разумеется, есть. А у вас разве нет?

— И у меня есть. Только в нём батарея села. Забыл зарядить, когда из дома уезжал...

Говорить о том, что ноутбук у него изъяла охрана, он не стал. Зачем личный гость президента (а кем он мог быть ещё?) будет терять лицо в глазах прислуги. Дела джентльменов лакеев не касаются. Обычно.

— Можно в сеть включить... — теперь в голосе Стоуна прозвучал намёк на недоумение. Мол, неужели господин не понимает таких простых вещей?

— Можно, — согласился Лютенс. — Но для этого придётся вставать и идти в своё бунгало. А мне лень. Одолжите мне свой, буквально на несколько минут. Я не сбегу с ним, честное слово...

Нормальная шутка в устах чуть подвыпившего, добродушного белого господина.

— Нет проблем, сэр. Но имейте в виду, вай-фая в Кэмп-Дэвиде нет. Только по оптоволоконному, и только для тех, кому положено...

— Мне Интернет не нужен. Мне с флэшки кое-что прочитать срочно надо...

— Тогда нормально. Сейчас принесу, сэр, — закивал головой и расплылся в улыбке негр. Прямо Дядя Том какой-то. Долго тренировался, наверное, чтобы избранному имиджу соответствовать. А в душе, небось, совсем другое прячет! До первого подходящего случая.

«А случай очень скоро может представиться, — незаметно передёрнул плечами Лерой. — Очень даже скоро».

Стоун скрылся за дверью позади барной стойки

и через минуту вернулся с приличных размеров ноутбуком в блестящем алюминиевом корпусе.

— Благодарю. И налейте ещё пива...

Лютенс откинул крышку, включил аппарат. Всё же профессионализм сотрудников охраны резиденции оставляет желать лучшего. «Издергки демократии», снова усмехнулся он. Как быстро произошла перенастройка личности. Всего неделя общения с Ляховым, Рысью и их помощниками — и он уже полностью «on the other side»¹. Совсем недавно ему бы и в голову не пришло иронизировать по такому поводу. Обыскать-то его обыскали и изъяли всё, что сочли подозрительным, а вот на брелок от связки ключей внимания не обратили. Сочли изящную фигурку обнажённой девушки с выразительными формами, вырезанную из отполированной пальцами, чуть желтоватой слоновой кости, не представляющей угрозы «национальной безопасности».

Отчего-то в «тоталитарных государствах» вроде России или бывшей ГДР спецслужбы работали гораздо тщательнее и, так сказать, более творчески, чем в свободном мире. Или тут обратная зависимость — врождённая способность и даже почтительное уважение граждан к разведывательной и контрразведывательной деятельности предопределяет внутреннее устройство государства?

На самом же деле внутри брелока прятались сразу две флэшки — с памятью на двадцать гигабайт и адаптер для выхода в Интернет по сетям сотовых телефонов. Никакой вай-фай не нужен.

¹ На другой стороне (англ.).

Есть! Соединение установлено. Лютенс быстро набрал почтовый адрес (американский, кстати, не московский), оставленный ему Ляховым. Быстро набрал две фразы: «Нуждаюсь в связи помимо любых обычных способов. Крайне срочно. Влад.». Оперативный псевдоним получился из сокращённого имени, под которым он значился в фальшивом удостоверении репортёра одной из московских газет, совсем даже не оппозиционной, чтобы не привлекать излишнего внимания властных структур.

Вот и всё. «Дело сделано, сказал слепой». Лютенс произнёс эту цитату из «Острова сокровищ» вслух, на этот раз по-английски, как в первоисточнике.

И сразу переключился с Интернета на воспроизведение с обычной флэшки. Открыл на какой попало странице длинный отчёт о проделанной в Москве работе и углубился в него. Служба есть служба, и докладывать по начальству всё равно придётся, если, конечно, мир в ближайшее время не перевернётся с ног на голову, а возможно, как раз наоборот.

Так и будет он сидеть здесь, покуривая и прихлёбывая пиво, наслаждаясь прохладой и одиночеством, пока не получит какой-либо ответ от «куратора». На этот самый лэптоп или «помимо обычных способов», на что Вадим Петрович большой умелец.

Всё же интересно — на самом ли деле изучение всякой эзотерики и прочей мистики реально способно настолько расширять человеческие способности или дело всё же в чём-то другом? Разумных ответов напрашивалось только два. Нет, вернее, три, подумав, решил Лютенс.

Или это некие новые разработки русских учёных, не раз уже удивлявших мир совершенно неожиданными открытиями, неизвестным образом попавшие в руки безусловно частного лица, господина Ляхова. Что это именно так, Лерой не сомневался, «государственных людей» он, что называется, нюхом чуял, не такое уж сложное дело — отличить «вольного стрелка» от чиновника, тем более весьма высокого ранга.

Второе — проделки инопланетян. Сколько бы ни было написано трудов, опровергающих возможность существования внеземного разума, и сколько бы фантасты ни писали «за», Лютенс с чисто практической точки зрения в множественность обитаемых миров непоколебимо верил. С чисто научной точки зрения. Бесконечность остаётся бесконечностью, сколько раз её ни дели на что угодно, даже на самое себя. Если во Вселенной бесконечное число не только звёзд, но и целых Галактик, значит, бесконечно и число вращающихся вокруг звёзд планет. Среди них — бесконечное число землеподобных и столько же населённых разумными существами, в том числе и гуманоидами, обогнавшими землян в развитии. Другое дело, что они могут быть разнесены с нами по времени и находиться от Земли на бесконечно большом расстоянии. Но ведь тогда должно существовать бесконечное число способов преодолевать бесконечные расстояния за бесконечно малые отрезки времени...

Такая вот забавная умственная игра. Которая может быть опровергнута одним только способом — признанием единого для всего Мультивер-

сума¹ Господа Бога, который в неизречённой милости своей, а также с учётом неисповедимости своих же путей устроил мир таким образом, что в нём может существовать только одна планета, населённая разумными обитателями. Ему больше и не нужно, чтобы через созданных им людей осознавать смысл собственного существования и принимать положенные почести от существ, устроенных «по образу и подобию». Что за Нарцисс без зеркала и зачем другая женщина человеку, «влюблённому в одну особу страстно»?

Понятно, что появлением на Земле «пришельцев» можно объяснить практически всё, но смысла в таком объяснении немного.

Ну и третье: Ляхов и вся его команда — всё-таки пришельцы, но не из других миров, а из человеческого будущего. Причём — не очень далёкого. Этот вариант вполне универсален, позволяет ответить на любой почти вопрос, в том числе и насчёт «параллельной Земли». Мало ли, что наплёт Волович насчёт того, что там, «по ту сторону», — наше прошлое, тридцатые или двадцатые годы, даже двадцатидолларовую бумажку показал, очень убедительно выглядевшую. Рассказать всё можно для «прикрытия легенды», и дензнак отпечатать. Даже сегодня на хорошем принтере подобную изготовить можно, а что будут уметь люди через десять или двадцать лет? Год назад и о возможности создания «3D-принтера» никто не подозревал.

¹ Мультиверсум — гипотетическое устройство мицроздания, состоящего из энного в энной степени количества Вселенных, каждая с собственной уникальной конструкцией и набором «законов природы».

И какой из всех этих построений следует вывод? Конкретно для него, Лероя Лютенса. Как ему поступать в предложенных обстоятельствах? Конечно, так, как уже решил. Хоть люди из будущего, хоть всемогущие экстрасенсы знают, что делают, и знают, как и для чего. Ставший у них на пути заранее проиграет. Хотя бы только текущее мгновение своей жизни. А проиграв его — и всю партию, которая для самого Лютенса означает не более и не менее, чем вся оставшаяся жизнь. Будет ли она долгой и счастливой или короткой и отвратительной — зависит только от его поведения здесь и сейчас.

За окном бара он заметил вдруг возникшую суматоху. Только что на прилегающих аллеях и лужайках было тихо и безлюдно, и вдруг замельтили охранники, явно исполняя внезапно поступивший приказ. Явно кого-то ищут. А кого, если не его, «гостя»? Заглядывают в бунгало, которые видно отсюда, направляются к дому, где он сейчас отдыкает. С чего бы это вдруг? Засекли всё же его выход в Интернет? Или дело не в нём, а поступило некое сообщение о заложенной бомбе, например, или о том, что на территорию проник злоумышленник?

Непохоже, тогда тревога была бы всеобщей, с воем сирен и подъёмом всего личного состава.

Значит, первое.

Лютенс хотел было выдернуть флэшку, потом передумал. Зачем ломать легенду? Да, попросил лэптоп, нужно было кое-что освежить в памяти. А «исходящее письмо» он сразу стёр. Могли, конечно, и записать, если у них подходящая аппарату-

ра была наготове, ну, как-нибудь перед президентом оправдается. У них ведь кое-какое взаимопонимание уже достигнуто. Вот в этом ключе и будем строить линию поведения.

На пороге бара появился секьюрити в штатском в сопровождении сержанта морской пехоты. Тот — с коротким «Хеклер-Кохом» на плечевом ремне¹.

— Мистер Лютенс? Вот вы где. Пойдёмте, вас немедленно хочет видеть президент.

— Пойдёмте. Только сейчас пиво допью. Не люблю оставлять. Сколько с меня? — повернулся он к бармену, одновременно закрывая лэптоп и выдергивая флэшку.

— Ничего, сэр. Для гостей — бесплатно, — самой широкой из своих улыбок расплылся Стоун.

«Неужели такие громадные и белые зубы — собственные?» — не совсем к месту подумал Лютенс. А вслух сказал: — Спасибо. Было очень вкусно и мило, — и, чуть понизив голос, добавил: — Настоящий коммунизм.

¹ Скорее всего — «H&K MP 5А3», популярный германский пистолет-пулемёт кал. 9Пар, с выдвижным плечевым упором.

---

*—————
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ютенс, направляясь к выходу из бара, услышал сзади и слева, почти возле самого уха тихий голос Ляхова:

— Не торопись. Сначала загляни в туалет...

Разведчик уже ничему не удивлялся, раз и навсегда согласившись, что в этом мире существует много такого, о чём он раньше не подозревал. Так и коренные обитатели Америки понятия не имели, что рядом с ними, буквально рукой подать, располагается Старый Свет, населённый людьми, умеющими творить чудеса ничуть не менее удивительные, чем Лютенсу сейчас демонстрирует русский «профессор необъяснимых явлений». Обо всех этих чудесах индейцы узнали, только когда на континент хлынули толпы, а скорее даже — орды переселенцев. И очень быстро научились использовать изобретения белых людей. Прежде всего — виски и огнестрельное оружие.

Так что и за себя Лютенс не опасался — научится всему, что сам Ляхов и его помощницы умеют. Если, конечно, ему будет предоставлена такая возможность. Но пока вроде ничто не говорило об обратном.

В обширном «предбаннике», как мысленно он назвал по-русски помещение перед туалетными

кабинками, кроме четырёх раковин умывальника помещался низкий стол вроде журнального с нескользкими пепельницами и кубическими, обтянутыми пластиком банкетками вокруг. А на стене висел большой плоский плазменный экран. Очевидно, здесь так заботились о посетителях, что предусмотрели желание курящих посетителей не отрываться от просмотра футбольного или бейсбольного матча даже на несколько минут. Или — слушать комментатора, сидя на унитазе. Даже диарея не в силах помешать настоящему болельщику.

Лютенс убедился, что сопровождающие за ним следом не пошли, остановился напротив телевизора, догадываясь, что «куратор» вновь использует оный в качестве транслятора. Удобно, ничего не скажешь, если есть техническая (или мистическая) возможность «садиться на волну», как говорят радисты.

Действительно, экран тут же и осветился, появился Вадим Петрович, выглядевший, как нормальный диктор новостного канала. За его спиной имелась даже карта Соединённых Штатов, рельефная, от пола до потолка. Хорошая маскировка, если вдруг кто внезапно и войдёт, сразу ничего не поймёт, а дальше уж Ляхов наверняка придумает, как выходить из ситуации. Да просто отключится, перебросив сюда картинку с любого подходящего американского.

— Что у тебя случилось, зачем связь просил? — без предисловий осведомился Вадим Петрович.

Лютенс объяснил, тоже предельно кратко, сложившуюся обстановку и необходимость войти в

контакт со своими коллегами, которые могут помочь...

— Хорошо. Связь тебе сам президент организует, когда ты передашь ему то, что я тебе сейчас скажу. Кое-что продемонстрируешь и потом передашь. А для полного твоего спокойствия и вашей с «шефом» безопасности я направлю к вам несколько своих ребят. Особо подготовленные специалисты в любой области. В том числе и паранормальной. Умеют предвидеть ближайшее будущее, владеют всеми приёмами охранной деятельности и контртеррористической борьбы. Заодно — обеспечат постоянную связь с «Институтом». Или эвакуируют в случае крайней необходимости — есть с ними нужная аппаратура. Два мужчины и девушка. Симпатичная, хоть и не «Рысь». Легенда, она же — чистая правда — сотрудники моего института, прибывшие на помочь тебе и президенту. Так ему и доложишь. Задача — объяснить Ояяме, что тебе необходимо предоставить полную свободу действий, с правом выезда за пределы «лагеря»¹.

— Не знаю, получится ли. У меня всё отбирали, не только телефоны, секьюрити по пятам ходят. Сейчас — за дверью стоят.

— А ты ему вот так примерно скажи: «Господин президент, не мешайте мне, поскольку только полная свобода маневра поможет должным образом защитить и ваши, и общенациональные интересы. Даже в строгой изоляции я могу многое, но на свободе — намного больше. Вот первое доказа-

¹ Кэмп-Дэвид — буквально «лагерь Давида». Назван в честь внука президента Эйзенхауэра.

тельство — ровно через пятнадцать минут, по моей команде, сделанной помимо всех ваших предосторожностей, антипрезидентская кампания в прессе и эфире прекратится. Ещё через полчаса, если договоримся, телевидение и радио начнут вещать то, что МЫ С ВАМИ им прикажем. Газеты в силу технических причин сделают это только завтра в утренних выпусках». Можешь добавить: «Хотите жить и править дальше — больше мне не мешайте. И увидите, как мимо вас начнут с пугающей многих регулярностью носить трупы ваших врагов...»

Ляхов закончил свою тираду и как-то многозначительно усмехнулся.

— Всё запомнил? Пора идти, сопровождающие уже забеспокоились...

— Как вы сказали, — в некотором обалдении переспросил Лютенс, — вся кампания во всей прессе? Антипрезидентская и антироссийская? И как это будет выглядеть?

— Мне самому интересно, как именно такой пируэт будет оформлен. Но что будет — гарантирую. Антипрезидентская прекратится сразу, — он посмотрел на часы, — уже через восемь минут. Антироссийская сойдёт на нет постепенно. Наверняка найдутся гораздо более интересные темы...

— Звёзды подсказали? — съязвил Лютенс.

— Скорее — чьи-то внутренности. Как там в Риме назывались гадальщики на потрохах? Не авгуры?

— Не помню точно. Кажется — гарусники, если память не подводит. Читал, что это был один из самых надёжных методов...

— Вот видишь. Мои ребята будут ждать связи

в близких окрестностях. Телефон — три шестёрки, три девятки. Назовёшь себя, они подтвердят готовность. Дальше — по обстоятельствам. В общем — до скорого. Главное, с шефом порешительнее держись. За тобой я, Россия и все потусторонние силы...

Экран погас. Лютенс сполоснул руки, вытер бумажным полотенцем и ногой толкнул дверь. Охранник и морпех отклеились от стенки, которую они подпирали по обе стороны двери.

— Подслушивали? — с противной улыбкой спросил Лерой, испытывая острое желание хамить этим парням, слишком явно изображающим из себя тюремщиков. Могли бы и поделикатнее с гостем президента. — Что-нибудь интересное услышали? Вряд ли, — ответил он сам себе, — кишечник у меня работает аккуратно. Ну, пойдёмте, что ли, президент заждался...

В нём билась сейчас весёлая сила. Он поверили Ляхову. Врать в таких делах никто не будет. И никто на свете не в состоянии из Москвы подключиться к телевизору в резиденции президента США. Захотелось как-то обозначить и свою со-причастность к явлениям, превосходящим человеческое понимание. Пожалуй, думая о должности посла в Москве, он чересчур занизил планку притязаний. Место, конечно, публичное и почётное, Спасо-хаус¹ пошикарнее, чем Белый дом в Вашингтоне, но всё же не то. Надо будет подумать...

¹ Спасо-хаус — разговорное название резиденции посла США в Москве (особняк Второва), производное от адреса — Спасопесковская площадь, 10.

И ёщё он чувствовал себя, как янки при дворе короля Артура, возложивший все свои надежды на предстоящее солнечное затмение. Случится — он жив и на коне. Ошибочка вышла — придётся уз-нать, каково оно: гореть на костре. От чего раньше умрёшь — от удушья или от болевого шока? Интересная тема.

Президент выглядел, на взгляд Лютенса, не совсем соответствующим обстоятельствам образом. Любой здравомыслящий человек, особенно такого уровня информированности, как Ойяма, должен был сейчас пребывать в состоянии сосредоточенном и в некотором роде подавленном. Потому что окружающая действительность не создавала никаких причин для оптимизма. Даже самый благоприятный вариант развития событий не сулил ни малейшего просвета. В наилучшем раскладе — сохранение статус-кво. А в этом самом «кво» не было ничего приятного. Ни собственное окружение, ни правила игры он поменять не мог, да, кажется, не очень и хотел. Так, по крайней мере, это выглядело со стороны, с точки зрения достаточно стороннего, но искушённого в политике и психологии человека. Такого, как Лютенс.

А то, что президент если и поверил письмам, полученным от Ляхова, и словам самого Лютенса, то они не пересилили заложенный в него стереотип, было достаточно очевидно. Усилить свою охрану и на время укрыться в Кэмп-Дэвиде — согласился, но на что-то большее — едва ли. Наверное, с его точки зрения, пойти против двухсполовиновековой традиции — почти то же самое, что искренне верующему

ради спасения своей земной оболочки отречься от Христа и Грядущего Царствия Небесного.

Да ведь и действительно, если вдуматься, от него, достигшего этого поста не собственными усилиями и достоинствами, а поставленного на него волей людей, даже и к так называемому «американскому народу» имеющих весьма косвенное отношение, трудно ожидать воли и решительности Наполеона или великих диктаторов XX века. Те, с каким бы знаком ни оценивать их деяния, все как один демонстрировали качества, которых не было ни у одного нынешнего правителя — и достигали поставленной цели. А если и терпели неудачу, то только потому, что сталкивались с умом более изощрённым и волей ещё более несгибаемой.

Такой вот случился в первой половине XX века каприз истории — поместить в тридцатилетний отрезок времени сразу десяток (а пожалуй, и больше, если считать деятелей «второго плана», вполне имевших шанс тоже стать «первыми») людей, с разной степенью результативности, но с равным упорством воплощавших в жизнь собственные представления о должном мироустройстве — и до неузнаваемости это мироустройство изменивших.

Не говоря о таких титанах, как Ленин, Сталин, Гитлер, Рузвельт, Черчилль (опять же безоценочно, только по факту степени воздействия на судьбы человечества), имелись в обойме Муссолини, Франко, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Де Голь, Салазар, Перон, а также персоны совсем уже местечкового масштаба, но всё равно не чета нынешним слабодушным

и продажным «менеджерам» бывших великих держав: Маннергейм, Пилсудский, Хорти, Антонеску...

Благодаря столь странной концентрации в одном месте и в одно время всех этих «пассионариев» первая половина прошлого века получилась более чем оживлённой и увлекательной¹.

Были — и вдруг все разом исчезли. Везде им на смену пришли люди, серые до неприличия, как раз такие, чтобы резко осадить человечество в его экзистенциальном порыве, аккуратно, почти без потрясений превратить борцов в жителей «города дураков»², мечты о «пыльных тропинках далёких планет» — в реальность корыта с паренными отрубями и селёдочными головами.

Ойяма тоже не принадлежал к лидерам, готовым со шпагой в руке кинуться на собственный «Аркольский мост»³. Однако сейчас он был не просто бодр, а как бы просветлён, глаза у него блестели, можно было подумать, что президент встряхнулся чем-нибудь вроде умеренной понюшки кокaina. Но данных о подобных пристрастиях Ойямы у Лютенса не имелось.

Президент не просто вежливо, но с явной благо-

¹ Русский поэт Н. Глазков по этому поводу писал: «Я на мир взираю из-под столика / Век двадцатый — век необычайный / Чем столетье интересней для историка / Тем для современника печальней».

² См. А. И. Б. Стругацкие. «Хищные вещи века».

³ Битва при Арколе (15 — 17.11.1796), один из эпизодов франко-австрийской войны. Штурм Аркольского моста, который генерал Бонапарт возглавил лично, со знаменем в руке, принято считать одним из «звездных часов», сделавшим из обычного генерала великого полководца и императора.

желательностью поздоровался с «гостем», или «посланником». Лерой не понимал, в каком качестве хозяин его сейчас воспринимает. Но первый же вопрос прозвучал отнюдь не безобидно:

— Мне доложили, что вы ведёте себя, как человек, сильно чем-то обеспокоенный. Вот этот фокус с лэптопом бармена — зачем он вам понадобился?

— Какой фокус? Мне действительно нужно было просмотреть кое-какие документы, а ваши сecurity лишили меня доступа...

— Хм! А мне показалось, что вы пытаетесь установить связь со своими сообщниками «на воле». Ну, будем считать, что имели место просто помехи в системах контроля. Это сейчас не имеет значения. Вы знаете, после длительных размышлений я решил, что помочь от ваших «знакомых» принять можно. Но, естественно, на моих условиях. Я в любом случае — сильнейшая сторона в переговорах, а русский президент блефует, пусть и достаточно талантливо. Условия будут простые: они обеспечивают мою безопасность, мы заключаем тайное соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи, но публично русские признают свою неправоту и соглашаются взять назад большинство тезисов, которые мой коллега изложил, не подумав, находясь в состоянии сильного душевного волнения. Никаких юридических последствий такое признание иметь не будет, мы всего лишь дадим нашим недоброжелателям кусок мяса, в который они вцепятся и не станут нам мешать в главном...

А мы тем временем продолжим наши тайные консультации и выйдем, в конце концов, на взаи-

моприемлемое соглашение, которое в нужное время можно будет и опубликовать.

Разумеется, то, что я сказал, — это самая грубая схема. Каркас. Над деталями можно будет поработать, если сойдёмся в главном.

Сможете вы исполнить роль моего спецпредставителя? Такие вещи нужно обсуждать лично — ни телефону, ни Интернету я не доверяю. Тем более, сейчас любой текст можно искажить как угодно.

— Вроде Гарри Гопкинса?¹ — усмехнулся Лютенс. Он сразу раскусил замысел Ойамы. Не так уж глупо. Он, в принципе ничем не рискуя, однократно получил бы от русских всё, что требуется, чтобы вновь взять ситуацию внутри страны и вне её под свой контроль, ничего практически не предлагая взамен, кроме «конфиденциальных» договорённостей. А цена им, как известно, копейка в базарный день. Америка и от подписанных по всем правилам договоров отказывалась, не моргнув глазом.

Тем более, такие «частные переговоры» могут быть в любой момент свёрнуты «без объяснения причин», и в любом случае Ойама, если даже вообразить его кристальной честности рыцарем, через два года перестанет быть президентом. И всё на этом. Америка вся в белом, партнёр, как всегда, в дерьме.

Междуд прочим — и Лютенс это хорошо знал — такие штуки регулярно проделывали каждый вто-

¹ Гопкинс (Hopkins), Гарри Ллойд (1890 — 1946), советник и спецпомощник президента США Ф. Рузвельта, которому в годы Второй мировой войны неоднократно поручались конфиденциальные контакты с руководством СССР.

рой из американских президентов, и очень немногим потом приходилось «отвечать за базар». Лерой машинально произнёс последние слова по-русски и вслух.

— Что вы сказали?

— Так, сорвалось с языка. Раз мы говорим о русских. У них это означает, что давать пустые обещания небезопасно.

— Да? А у них в данном случае есть выбор?

«Ты бы лучше подумал, есть ли он у тебя!» Но этого вслух он говорить не стал.

— Видите ли, сэр, мне кажется, вы недооцениваете серьёзность положения. Неужели вы не задумываетесь, что означает развязанная против вас кампания травли? С Никсоном и Клинтоном и то обходились помягче. Я предполагаю, это очень грубый намёк на то, что ваша судьба предрешена. И неприятность с мисс Мэйден — из того же ряда. Вам как бы демонстрируют варианты. Всего час назад я слышал по CNN такое, что...

— А я так не считаю! — перебил его Оияма. Голос президента приобрёл ощутимый металлический оттенок. — Если русские согласятся, на первом этапе мы обезоружим моих противников. А затем... Я не хочу говорить, что мы станем обсуждать дальше, но, уверяю, внакладе не останется никто. Ни русские, ни я, ни вы...

— Не смею с вами спорить, сэр... — Лютенс заметил, что они разговаривают стоя. Президент с порога взял быка за рога и не догадался пригласить «будущего спецпредставителя» присесть, к столу или в кресло.

Он слегка кашлянул и выразительно посмотрел

в сторону дивана, кресел и журнального столика между ними.

— Ах да! Простите, Лерой. Садитесь, конечно, возьмите сигару. Не желаете ли виски?

Лютенс пожелал. Разговор предстоял долгий, и он не собирался слишком уж демонстрировать президенту свою подобострастность. Не в том они сейчас положении. Если Ойяма этого до сих пор не понял (а похоже, что так) — тем хуже для него.

— Я только что получил сообщение...

— От кого и каким образом? — вскинулся президент.

— Вы правильно угадали. С помощью лэптопа бармена. У наших друзей есть методы. Да вы и сами это знаете. Так что ваши предосторожности оказались излишни. Не совсем, не совсем, — поспешил он успокоить собеседника. — Вся ваша охрана, в том числе и коммодор Брэкетт, остаётся в уверенности, что я надёжно изолирован и потому специального интереса не представляю...

— А на самом деле?

— На самом деле мне предложено довести до вашего сведения следующее: русские не собираются ни в чём извиняться и ничего уступать. Их позиция тверда и неизменна — или полностью равноправные отношения, или им придётся обсуждать эту тему несколько позже. И необязательно с вами.

— Это угроза?

— Ни в коем случае. Предложение действительно честного и равноправного сотрудничества. В результате лично вы получите всё, о чём мечтаете, даже пожизненное президентство, если оно вас действительно интересует. Меня просили также пе-

редать, что в их распоряжении есть средства настолько на своём, причём средства эти будут использованы отнюдь не ими, но в их интересах.

— Есть средства? Тогда зачем им я и вообще все эти разговоры?

— Они хотят, чтобы всё выглядело естественно. Нельзя слишком сильно расшатывать миропорядок. Сами подумайте: если даже не брать во внимание то, чем закончили своё существование Третий рейх и Японская империя — и я и вы имеем к этим странам некоторое отношение, и их судьба нам не безразлична, — стоило ли достижение первоначальных целей тех жертв, которые эти страны понесли в ходе войны? Да и антигитлеровская коалиция тоже. А ведь всё можно было решить совершенно иначе. Просто отойти от «общепринятых» методов дипломатии и поговорить на другом языке и с иных позиций. Думаете, Рузвельт не сумел бы договориться с Микадо, оставшись с глазу на глаз?

Как раз о чём-то подобном — о необходимости выхода из плоскости повседневных представлений — Ойяма и размышлял во время медитации...

— Интересно, — сказал он. — И о чём бы я говорил, допустим, с моим русским коллегой, если бы встреча состоялась? Прямо сейчас. Как нам не *расшатать миропорядок?*

— Для начала мне сказали: «Чтобы продемонстрировать наши возможности и одновременно морально поддержать господина Ойяму, мы отдаём команду прекратить развязанную против него «антиамериканскими элементами» кампанию диффамации. Когда президент убедится, что так и случится, разговор может быть продолжен».

Лютенс демонстративно посмотрел на запястье, где не было часов, перевёл взгляд на высокие напольные, напоминающие башню лондонского Тауэрса.

— Включите телевизор, сэр...

— Ну, это уж полная чушь. Они смеются над вами, а вы хотите сделать идиотом меня. Что значит — «отдаём команду»? Как? Кому? На это не способен даже я! Если я соберу здесь, у себя всех владельцев и главных редакторов медиахолдингов и прочих независимых СМИ и обращусь к ним с предложением изменить свою политику, согласно моим указаниям, мне сначала рассмеются в лицо, а потом окончательно смешают с дермом и грязью. Обмажут смолой и обваляют в перьях...

— А если в ответ им будет дано понять, что в случае саботажа часть из них будет расстреляна, а остальные сгниют в тюрьмах и лагерях? — с долей задумчивости спросил Лютенс. — И тут же найдутся люди, которые займут их место и начнут проводить правильную политику.

— Для этого нужно сначала совершить государственный переворот фашистского типа... — причём возмущения или негодования в голосе президента не было. Так, размышление по поводу. Или — мысли вслух.

— На нашей планете это такая редкость последние пять тысяч лет?

— А как же с идеалами демократии? Собственно, только их защита и оправдывает существование Штатов все двести лет...

— Демократия! — презрительно выдохнул Лютенс. — Я последнее время много думаю о ней. То,

что мы готовили в Москве, — это демократия? А то, что сейчас делают с вами в Америке? Какое это вообще имеет отношение к демократии? У нас что, как в Швейцарии или Исландии, проводят ежемесячные плебисциты по любому важному вопросу? Или вас выбрали свободные люди, свободно отдав за вас свои голоса, как за Эйба Линкольна в своё время? Я бы вам посоветовал хотя бы наедине с собой или с глазу на глаз между нами прекратить произносить апофатические¹ речи... Демократия — это просто название того мироустройства, которое удобно власть имущим в данный момент. Поэтому толпе внушается представление об её абсолютной ценности. Ради такой «демократии» мы уничтожили много неудобных для нас способов правления, образов жизни и даже цивилизаций. Ну, так теперь давайте ради этой же демократии уничтожим её саму (как термин, разумеется, а в идеальном смысле пусть она где-то присутствует) и установим нечто, более нас устраивающее.

— Да вы философ, Лерой. И довольно радикальный...

— Как там у Ремарка? «Пессимистом становишься, когда размышляешь о жизни, а циником — когда видишь, что с ней делают другие». Или в этом роде, точнее не помню. Кроме того, господин президент, разве я сказал, что Вы отадите приказ медиамагнатам? Его уже отдал кто-то другой...

¹ Апофатический — метод в философии, заключающийся в использовании словесных значений, противоположных требуемым по смыслу. Ср. катафатический — метод постижения какого-либо явления путём перечисления характеризующих его признаков и свойств.

— Красиво сказано, — это я о цитате из Ремарка. — И, как в большинстве случаев бывает с известными писателями, ради красного словца. Что же касается угрозы русских...

— Угрозы? — не понял Лютенс.

— Именно! Но мы всё время отвлекаемся. Что там с нашей прессой? Она уже забилась под диван от страха перед... Перед кем, Лерой? Давайте просто посмотрим.

И они посмотрели. По той самой CNN как раз шло представительное ток-шоу, на котором ОЧЕНЬ значительные аналитики и политологи горячо обсуждали тупик, в который загоняют Америку такие жалкие, ничтожные личности, как «этот парень в Белом доме». Говорили настолько горячо и в то же время *доказательно* для среднего налогоплательщика, что Лютенсу стало не по себе. Он снова посмотрел на часы. «Солнечному затмению» пора было начаться.

Вдруг экран телевизора пошёл рябью, мигнул, вместо изображения появилась заставка, тут же исчезла и возникла голова дикторши, с несколько растерянным видом пролепетавшая:

— По техническим причинам наша передача прерывается. Окончание можно будет посмотреть в записи позднее или на нашем интернет-портале...

И тут же пошла реклама средства для чистки ванн и унитазов. Очень к месту и по теме.

Президент, торопливо нажимая тангету пульта, пробежался по всем принимаемым в Кэмп-Дэвиде эфирным и кабельным каналам. Потом они молча повернулись друг к другу. Президент с горестным

недоумением в глазах, а Лютенс — со скрытым торжеством и одновременно с чувством облегчения. Такого действительно не могло быть, но тем не менее случилось. Окончательно доказывая, что мир перевернулся и никогда уже не будет прежним. А сам он вовремя успел поставить все свои фишki на «двойное зеро».

Внешне в телевизорном мире всё обстояло, как обычно. Шли кинофильмы, старые и новые, всяческие ток-шоу, юмористические программы со смехом за кадром, вполне авторитетно доказывающие инопланетянам, если они смотрят земные программы, что говорящая на английском часть человечества давно и окончательно впала в радостное слабоумие и эту планету можно брать голыми руками.

Попадались и очень приличные программы вроде «Дискавери» и «Мира оружия», географические, из жизни животных, для садоводов и кролиководов, домохозяек и безработных, для евреев, белых протестантов и белых православных, для латиноамериканцев и афроамериканцев. Не было только ни слова о президенте Соединённых Штатов.

О нём и раньше сообщали не так уж часто, больше в новостных программах или политических обзорах, если имелся весомый повод. Но на фоне вакханалии последних дней, когда на экранах одинаково часто возникали русский и американский президенты, всё более и более демонизируемые, теперьшая пустота выглядела почти ирреально.

Пустоты в буквальном смысле, впрочем, не было. Новостей со всех концов мира хватало: и про исламских террористов, и про пожары в Австралии, про бои в секторе Газа, про засуху в Мали... А где

свежего материала у редакторов под руками не оказалось, крутили повторы.

Обычный, среднестатистический зритель, скорее всего, ничего бы и не заметил, настроенный поглощать сиюминутные порции «пищи духовной» и мгновенно забывать виденное и слышанное вчера. Без такого свойства психики «хомо телевизионикус» существование этого жанра было бы по-просту невозможно, иначе политикам и обозревателям приходилось бы всё время держать в уме то, что они говорили и обещали вчера, позавчера, неделю и месяц назад, и половине из указанных персон пришлось бы подавать в отставку, а второй половине — идти по миру...

Но ни Оияма, ни Лютенс «среднестатистическими» не были и сразу осознали полную нереальность случившегося.

— Но как это возможно? — почти по-детски растерянно спросил президент.

— Очевидно, так, как я и сказал. У кого-то нашёлся способ объяснить тому (или тем), кто заправляет всем этим бедламом, что команду «Стой, стрелять буду!» нужно исполнять мгновенно и не раздумывая.

— Но как? — снова повторил Оияма. — Вы хотите сказать, что все американские средства массовой информации управляются из одного источника, как в самом тоталитарном государстве? — наивность пожилого уже человека и опытного политика привела Лютенса в умиление, смешанное с неясной тревогой. Как же человеку со столь примитивно устроенными аналитическими структурами моз-

га можно вообще управлять чем-то, кроме электромобильчика на поле для гольфа?

— Мне кажется, сэр, дело обстоит ещё хуже. В тоталитарных государствах хотя бы известно, кто именно управляет и откуда, а мы с вами вдруг узнаём совершенно случайно, что в своей стране понятия не имеем, кто *командует парадом...*

— Подождите, Лерой, — отмахнулся Ойяма. Он снял трубку прямой связи с пресс-секретарём Госдепартамента, ещё одной «мисс», Бэкфайр, не такой отвратительной внешне и внутренне, как её начальница Блэкентон, своей улыбчивостью и предупредительностью даже слегка симпатичная, но всё равно дура дурой. Несмотря на свою фамилию¹. Умный и честный человек на такой должности проработать больше суток не смог бы чисто физически.

— Добрый день, Лора, — президент постарался, чтобы голос звучал как можно более нейтрально. — Вы сегодня телевизор смотрели?

— Да, сэр, — с некоторой заминкой ответила она.

— И как ваши впечатления?

В трубке послышалось странное сопение. Нос у неё внезапно заложило, что ли?

— Ответьте мне, Лора. Не нужно пытаться одновременно включать скайп и мимикой и жестами объяснять мисс Блэкентон, с кем вы говорите. Я спрашиваю вас. Вы поняли?

Эту Лору приходилось постоянно переспраши-

¹ Backfire (англ.) — один из вариантов: «встречный огонь», пал, который пускают навстречу лесному пожару.

вать, поняла ли она смысл получаемых указаний, и всё равно их для неё дублировали на бумаге восемнадцатым шрифтом, потому что она была дальновидная, а очки надевать не желала из принципа. Ой-яма такую и в горничные бы не взял, но выбирал и тут не он.

— Да, сэр, поняла.

— Что поняли?

— Мне не нужно сейчас разговаривать с леди Госсекретарём.

— Правильно. Разговаривайте только со мной. А она пусть слушает, если вы её уже подсоединили. Что вам показалось необычным в сегодняшнем эфире?

Длинная пауза. Потом Лора ответила:

— Только что внезапно по всем каналам перестали упоминать вас и ваше имя...

— Для вас я и моё имя — разные вещи?

Тишина, сопение в трубке.

— Ладно, это вопрос философский. Давайте проще. Перестали, но должны были. А вы все нужные материалы передали информагентствам? Вовремя?

— Да, сэр. Весь новостной блок подготовлен ещё вчера вечером... И пожелания по дальнейшему... Ой!

Очевидно, Блэкентон, наверняка слушавшая этот сюрреалистический разговор, показала сотруднице кулак. Или ещё что-то, похуже. Но едвали к стулу пресс-секретарши был подведён электроток.

— Не стоит так беспокоиться, Лора. Вы всё сделали правильно и вовремя. От вас только это и тре-

бовалось. Теперь ответьте — вы уже озабочились узнать хотя бы в одной компании, почему материалы не поставлены в эфир вовремя. Почему прервались уже шедшие передачи?

— Да, я звонила в .... — Она назвала несколько наиболее крупных медиакорпораций с максимальным охватом аудитории по большинству штатов. — Со всеми имелись договорённости о сотрудничестве, планы публикаций, согласованы сетки вещания и всё, что положено...

— И что?

Каждый ответ из неё приходилось вытягивать буквально клещами, поскольку она и вообще была слабовата по части импровизаций в нестандартных ситуациях, а сейчас, с одной стороны, её донимал президент (всё же — президент!), а с экрана лэптопа жестикулировала, закатывала глаза к небу, стучала пальцем по виску и вообще пыталась донести непонятные, наверное, ей самой указания непосредственная начальница. Фигура зловещая, способная уволить без объяснения причин и выходного пособия, и судись потом, не с ней, а со всем Госдепартаментом. Процесс века: «Бэкфайр против Соединённых Штатов»!

Видимо, пресс-секретарь выбрала самый простой вариант. Она положила трубку, чтобы потом сослаться на сбой в системе и спокойно выслушать инструкции Блэкентон.

Лютенс усмехнулся и указал президенту на соседний аппарат. Прямая защищённая связь с госсекретарём. Тут не отмажешься ссылками на неполадки. Если только просто трубку не возьмёт, имитируя своё отсутствие на месте, но такие вещи

легко проверяются. Не вошёл же заговор в такую стадию, что государственные служащие, все, снизу доверху, уже начали полностью игнорировать своего президента. Но на такой случай тоже есть «кое-что с винтом», как говорят в России.

Госсекретарь трубку подняла. Тоже понимала, что не настало ещё время «бросать жребий и сжигать мосты». Хотя была очень близка к этому.

— Слушаю вас, господин президент...

Ойяма растянул губы в улыбке, которая наверняка показалась бы мисс Блэкентон очень неприятной, если бы она её увидела. Но включать видеосвязь президент не считал нужным.

— Это я готов вас выслушать. Что у вас пошло не так? И почему вы мне об этом не докладываете? Три дня ведь ещё не истекли...

— Я вас не понимаю, сэр.

— Не прикидывайтесь глупее, чем вы есть. Это уже будет перебор. Прощаюсь, вы сказали: «у вас нет трёх дней», чтобы разобраться в обстановке и принять решение, как поступить с русскими. Названный срок прошёл, и я решил спросить: что вы имели в виду? Если превентивный ядерный удар со стороны Москвы — то почему мне об этом не доложила военная разведка? Если что-то внутриполитическое — то где директор ФБР и мисс Прайс, кстати? Может быть, вы скрываете от меня какую-нибудь особо конфиденциальную информацию о намерениях русских? Это — как минимум ошибка с вашей стороны.

Когда Блэкентон прошипела то ли угрозу, то ли намёк, Ойяма не стал вступать с ней в диалог, голова была занята другим. Но сейчас, после общения с

Лютенсом и предъявленных им доказательств «открытой игры» со стороны русских, настроение у президента было совсем другое.

— Вы меня неправильно поняли. Я хотела сказать, что время не ждёт и любая задержка с самой решительной реакцией с нашей стороны может быть превратно истолкована противником. И не только противником. Конгресс и наши союзники в Европе будут разочарованы... А сейчас это крайне нежелательно.

— То есть и сейчас вы настаиваете, что я должен взять на себя всю полноту ответственности за развязывание как минимум очередного «カリбского кризиса»? При том что русские, кроме наведения порядка у себя в столице и нескольких заявлений, требующих исключения «двойных стандартов» из наших отношений, никаких однозначно враждебных действий так и не предприняли...

— В этом и заключается их *агрессия*! Они сорвали демократическое волеизъявление своего народа, подавили силой оружия очередной порыв к свободе граждан крупнейшей мировой державы, а это неизбежно вызвало бы переформатирование международной обстановки в нашу пользу. Более того, их президент в ультимативной форме объявил, что больше не признаёт самих основ международного права...

— Международное право — это когда мы делаем, что хотим, а остальные — то, что мы им прикажем? — заинтересованным тоном, будто эта мысль только что пришла ему в голову и очень его удивила, спросил Ойяма. На самом деле он и сам считал, что дела должны обстоять именно таким обра-

зом, и всякая попытка поставить этот постулат под сомнение — ересь не меньшая, чем 95 тезисов Мартина Лютера¹. Только у него хватало ума не начинать борьбу за заведомо проигранное дело, сколь бы справедливым оно ему ни казалось, а исходить из реальных обстоятельств и соотношения сил.

Кроме того, ему хотелось немедленно морально уничтожить мисс Блэкентон и всю её стаю. Физически бы тоже неплохо, но это уже задача второго порядка.

Госсекретарь издала сдавленное шипение. Она раньше президента догадалась, что обстоятельства изменились, но не могла найти в себе сил признать это и «сменить флаг». Хуже того — она не понимала, где, так сказать, «точка бифуркации». Вице-президент Келли, исполнявший роль «верховного координатора» их проекта, вдруг перестал отвечать на её прямые телефонные звонки, а когда она попробовала связаться с ним через помощника, получила ответ, что господин вице-президент «вне зоны доступа».

Это наводило на самые тревожные мысли. Плюс демарш *медиаобщества*. Никто не счёл нужным хотя бы поставить её в известность о причинах тщательно согласованной кампании.

¹ Мартин Лютер — доктор богословия и монах-августинец, в 1517 г. опубликовал знаменитые 95 тезисов, отрицающих основные догматы католичества, в т.ч. существование чистилища, практику торговли индульгенциями, непогрешимость папы римского и т.д. Опубликование тезисов знаменует начало Реформации и раскол Западной Римской церкви на католическую и протестантскую.

И теперь до чрезвычайности самоуверенный тон основного *объекта акции*.

— Вы так и не доложили мне, что всё-таки случилось и почему без всякого предупреждения и согласования со мной вы взяли на себя ответственность за изменение нашей политики? — продолжал нажимать Ойяма. — Информационная кампания дезинформации (интересный вышел каламбур, отметил про себя президент) развивалась вполне успешно, и вдруг... Вы получили какие-то новые сведения о реакции мирового сообщества? Или решились на это, посовещавшись в узком кругу? Такого стиля работы я одобрить не могу. Так объяснитесь же, наконец, дьявол вас раздери!

Ойяма придумал интересный ход, окончательно запутывающий мозги Блэкентон и тем, кто за ней стоял. Он никак не мог допустить, что сейчас «за него» вдруг начала играть та же сила, что позавчера была «против». Гораздо логичнее верить Лютенсу, что это его «друзья» каким-то образом надавили на неизвестный самому президенту «клан», сумевший тайно захватить контроль над всей американской прессой, радио и ТВ. Именно над всей, за исключением, может быть, мельчайших, действительно независимых (но не от «крутых парней» своего посёлка) FM-радиостанций и газетёнок с тиражом в сто экземпляров.

Поэтому он и давал понять госсекретарю, что с самого начала был в курсе «замысла», тот соответствовал его некоей многослойной интриге (японец же!), а сама она использовалась втёмную. Но теперь вот что-то поменялось, и её решили сделать виноватой. Повесить на неё всех собак, как говорится.

На такое фурия (а то и гарпия¹) американской дипломатии была категорически несогласна:

— Вот тут я, господин президент, совершенно ни при чём. Всё, что требовалось от моего ведомства, исполнялось точно и в срок. А отчего вдруг машина забуксовала — вопрос не ко мне. Я как раз немедленно связалась с господином Тафтом Хартли, как вы знаете, он контролирует большинство лояльных нам ресурсов, но его не оказалось на месте...

— Даже для вас? — не преминул воткнуть очередную шпильку Ойяма.

— Даже для меня. Его помощник, Джереми Свит, заявил, что шеф уехал на рыбалку, для него это святое с начала уик-энда, телефонная связь с ним в это время только односторонняя, он не терпит, когда его отвлекают звонками. «Нет в мире таких новостей, которые не могут подождать, пока он ловит рыбу».

Лютенс опять фыркнул. Он знал эту фразу, и не Хартли её придумал². Наверняка подсказал кто-то из русских. Да, у них действительно «всё схвачено».

— А что касается изменения информационной политики, то секретарь сказал, что мистер Хартли приказал циркулярно всем своим изданиям немедленно свернуть «это дело». Он, дескать, в таком уже

¹ Гарпии — в греческой мифологии отвратительные полуженщины-полуптицы, клевавшие свои жертвы железными клювами и поливавшие зловонными испражнениями.

² Лютенс имеет в виду приписываемый Александру Третьяму афоризм: «Европа может подождать, пока русский царь ловит рыбу».

в возрасте, что нужно о Боге думать и внуков воспитывать, а не втягивать мир в очередной виток войн и революций... Что касается денег, то они ему уже давно не нужны, жаль, что слишком поздно он это сообразил. Достроить дворец и сад из «Тысячи и одной ночи» в Калифорнии ему хватит, хватило бы времени...

— Вот как! Очень интересно, — протянул Ойяма. Ему и вправду было интересно, какие доводы нашлись у русских, чтобы буквально за несколько часов *перевоспитать* старика Хартли, человека желчного и неуступчивого настолько, что любой осёл или мул по сравнению с ним показался бы образцом толерантности и послушания. Он пережил девять президентов, и с любым из них разговаривал, как южанин-плантатор, не с рабами, конечно, но примерно как с надсмотрщиками на своих плантациях. А ведь кроме Хартли есть и ещё фигуры, калибром поменьше, но тоже цепко держащие свой *сегмент*. И если они вначале согласились делать одно дело со своим давним конкурентом, а потом так же дружно, тоже синхронно с ним, свернули программу...

На самом деле русские тут были совершенно ни при чём. Медиамагнату очень рано (не было ещё и пяти утра, но «*капо ди капи*¹» на такие пустяки внимания никогда не обращал) позвонил Сарториус и не терпящим не только возражений, но и вопросов тоном распорядился тему дискредитации американского и русского президентов, вообще взаимоотношений двух стран временно вычеркнуть

¹ «Главарь над всеми главарями» (сицил.).

не только из программ, но и из памяти главных и просто редакторов. Переключиться на проблемы внутриамериканские, Африки и Латинской Америки. Вплотную заняться популяризацией Доктрины Монро¹, которая не только молодёжью, а всеми ныне живущими американцами основательно подзабылась. Когда же Хартли по привычке всё же начал задавать *посторонние вопросы*, Сарториус без всякого пietета перед личностью и авторитетом собеседника впрямую намекнул, что мир полон случайностей, и привёл в пример всем известного Джека Лондона, строившего себе в начале XX века громадный «Дом волка» неподалёку от владений самого Хартли.

Писатель и левый журналист не внял вовремя намёкам владельцев Сан-Францисского порта, что лучше бы писателю продолжать свои увлекательные романы о золотоискателях Аляски и туземцах южных морей, чем лезть в совсем его не касающиеся профсоюзные дела. И как-то так совпало, что после очередного предупреждения в дом попала молния, и он сгорел дотла, всего за неделю до того, как хозяин собрался туда переселяться. До сих пор в поместье Глен-Эллен высятся краснокирпичные за-

¹Доктрина Монро — внешнеполитическая программа правительства САСШ, провозглашённая в 1823 г. в послании президента Дж. Монро Конгрессу. Декларировался принцип взаимного невмешательства стран Америки и Европы во внутренние дела друг друга. Подлинный смысл доктрины — «Америка для американцев», исключающий прежде всего влияние Испании и иных европейских держав на вновь образуемые латиноамериканские государства, которые САСШ рассматривал как своих будущих сателлитов и «полуколонии», полностью подчинённые диктату «гринго».

копченные стены и тянутся к небу трубы 18 каминов, внутри которых так и не загорелся огонь. Только снаружи.

Тафт Хартли строил свой сказочный дворец уже почти полвека на вершине горы над шоссе Лос-Анджелес—Сан-Франциско, идущим по кромке океана, и назвал его по-испански «La Cuesta Encantada» — «Чарующая высота». Неизвестно, сколько сотен миллионов, а скорее, много миллиардов вложил магнат в это сооружение, приснившееся ему во сне в двадцатилетнем возрасте. Увидел, восхитился, задумался и начал строить. Из Европы вывозились купленные на корню и разобранные на пронумерованные кирпичи средневековые монастыри и замки со всей обстановкой; так же поступали с мавританскими дворцами и мечетями с минаретами стран Магриба. Римские статуи, фонтаны и термы воспроизводились один к одному с оригиналов или описаний. И всё это компилировалось на одной территории, в единый комплекс, да ещё с ощутимым влиянием собственных фантазий и предпочтений целой группы талантливых, но иногда «с приветом» дизайнеров.

Получалось нечто до ужаса эклектичное, но одновременно и чарующее соединением несоединимого. Все склоны и вершина горы покрывали дендропарки и вольеры с дикими животными пяти континентов. Доходчиво описать это невозможно, нужно хотя бы один раз увидеть. Но мало кому удавалось посетить 200 гектаров земного рая, 5 рыцарских башен, 7 минаретов, 156 комнат и залов, 6 бассейнов, 60 туалетов, 78 спален и много, много чего ещё...

И вот об этой прелести, достроить до идеала которую не хватало всего лишь десятка лет, которые Хартли был намерен прожить во что бы то ни стало, Сарториус отозвался более чем пренебрежительно и намекнул... Даже вообразить этот ужас был не в силах «владелец заводов, газет, пароходов». А что привести свою угрозу в исполнение таинственный и страшный человек был в состоянии одним движением бровей, Хартли нисколько не сомневался. «Против молодца — сам овца».

Поэтому, приняв прописанные для экстренных сердечных спазмов таблетки, Хартли за полчаса отдал необходимые распоряжения поднятым по тревоге 10 секретарям и 17 референтам, после чего отбыл на рыбалку в открытое море. А уже порученцы принялись за дело с обычным для них жаром. Каждый отвечал за свой участок головой и очень хотел её сохранить.

Аналогичные команды получила вся линейка магнатов меньшего калибра. А уже владельцы и редакторы в какой-то мере «независимых» изданий, услышав о «финте Хартли», сообразили, куда дует ветер. Вот и вся загадка.

— Такое изменение позиции мистера Хартли вас ни на какие мысли не наводит? — вкрадчиво осведомился Ойяма. — Остальные массмедиа, я так понимаю, совершенно добровольно последовали его примеру?

— Очевидно, так... Зато видели бы вы, что сейчас творится в Интернете...

— Мне это неинтересно. К Интернету я вообще не очень хорошо отношусь, а уж сейчас — особенно. Я думаю, найдётся кому обратить внимание на

поведение провайдеров и блогеров, представляющих собой нечто значимое. А в остальном — у нас ведь демократия, не правда ли? Поэтому в рамках лучшей в мире американской демократии, которая отнюдь не равнозначна анархии, я прошу вас немедленно заняться своими непосредственными служебными обязанностями, пока тоже не появилось непреодолимого желания посвятить уик-энд рыбалке. Или чем вы там увлекаетесь?

Например, неплохо бы для начала позвонить своему коллеге, русскому министру иностранных дел, и объяснить, что публикации в прессе и выступления отдельных конгрессменов и сенаторов не имеют никакого отношения к взвешенной американской внешней политике. Что правительство США расценивает последние московские события как исключительно внутреннее дело Российской Федерации и выражает удовлетворение быстрым и вполне соответствующим требованию момента наведением порядка.

Такими именно словами всё изложите. От себя можете добавить, что находите нужным, но не выходящее за рамки сути моего тезиса. И ещё — я надеюсь, что с этого момента вы полностью сосредоточитесь на том, что наши предшественники называли «разрядкой международной напряжённости». В ином качестве вы мне не нужны.

Ойяма аккуратно положил трубку на рычаги (аппарат был нарочито старомодный, повторяющий дизайн ранних тридцатых годов), даже не попрощавшись.

— Отлично провели партию, сэр, — не скрывая восхищения, сказал Лютенс. Он до последнего бо-

ялся, что Ойяма дрогнет, начнёт юлить и маневрировать перед агрессивностью своей ближайшей помощницы. А «самурай» проявил даже больше жёсткости, чем Лерой надеялся.

Президент приложил правую ладонь к сердцу и слегка поклонился.

— Простите, сэр, — поспешил извиниться Лютенс. Его ли дело — оценки главе сильнейшего государства мира давать? — Но держались вы действительно великолепно. Я представил себя на месте «простого американца», которому вы и служите, и подумал: «Да, именно такой президент и нужен сейчас Америке!» А что касается некоторой доли несогласных... Думаю, большинство из них поведёт себя подобно мистеру Хартли. Это наиболее разумные. А для остальных как раз и существуют наши многочисленные *демократические учреждения*. От финансовой полиции до Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Последние 25 лет о ней как-то подзабыли. Но она ведь существует, люди получают зарплату и чем-то, наверное, занимаются? Если вы не против, я бы мог взять на себя задачу максимальной активизации её деятельности.

— Займитесь, Лерой, займитесь. Это очень интересная мысль. Свежий, так сказать, взгляд на проблему...

— Немедленно. Только вы отдайте приказ Брэкетту, чтобы прекратил считать меня «подозрительным объектом». Мы с ним равны по воинскому званию, пусть поймёт, что равны и по положению. Просто каждый в своей отрасли. И мне нужен телефон. Требуется связаться...

- С кем? — насторожился Ойяма.
- Всего лишь с сотрудниками американского отделения «Института паранормальных явлений»...
- Русскими агентами, проще говоря?
- Не знаю, чьи они агенты — русских, Бога или Сатаны. Но в данный момент эти люди располагают не доступной никому больше информацией и умеют влиять на текущую действительность... Я бы сам никогда в это не поверил, но вы только что имели возможность убедиться. Мисс Блэкентон изменилась, не правда ли?

Ойяма потёр пальцами подбородок, после чего рука сама потянулась к коробке с сигарами. Так часто курить вредно, он это понимал, но что поделешь — осязательные ощущения от тугого, шершавого свёртка табачных листьев между пальцами и ароматного, горьковатого дыма во рту ускоряли мысль и помогали сохранять душевное равновесие. Лиши его этого сейчас — и он просто не сможет думать так, как требуют обстоятельства.

— У неё нечеловеческое чутьё, — задумчиво сказал президент. — Именно — нечеловеческое...

— Простите, но, пожалуй, вам сейчас, не теряя времени или, точнее — темпа, нужно переговорить с советником по национальной безопасности, директорами ФБР, ЦРУ и АНБ. Не вступая в какие-либо дискуссии, поставить непосредственные задачи на сегодняшний день. Обстановку обрисуете сами, а им поручите принять все меры к недопущению массовых беспорядков, прежде всего в столице, исключить возможность несанкционированных заседаний Конгресса и Сената, просто не дать им

возможности собраться «в числе более восьми человек».

— А почему именно восьми? — удивился президент.

— Не знаю. Вспомнилась статья из российского, ещё царского времени, «Уложения о наказаниях». Там везде присутствует эта сакральная цифра. Любые беспорядки, устроенные восемью и менее единомышленниками, — это просто беспорядки, произошедшие, возможно, случайно и без злого умысла. А больше восьми — уже бунт, мятеж, революция...

— Чушь какая-то, — недоумённо поднял брови Ойяма. — Вечно эти славяне придумывают не пойми чего...

— Да едва ли славяне. Ещё древние философы, не то Зенон, не то Сократ, задавались вопросом, с какого количества зёрен начинается куча? И не могли дать ответа. Эта апория даже во все учебники вошла. А неизвестный русский законник взял и установил: «С восьми!» И попробуйте с ним спорить...

— Достаточно, — махнул рукой президент.

— А начальнику военно-морской разведки и председателю комитета начальников штабов прикажите поднять по тревоге и иметь под руками, в их личном распоряжении, хотя бы несколько полностью боеготовых рот, а лучше батальонов. На всякий случай...

Лютенс распоряжался, а Ойяма только кивал, будто так и надо.

— Я сейчас попробую связаться и договориться о встрече с этими сумасшедшими учёными или колдунами, не знаю, что правильнее, и буду пос-

тоянно держать вас в курсе дела. Смелее, сэр, возможно именно сейчас мы с вами поворачиваем руль истории, как ни напыщенно это звучит. Если всё удастся, с завтрашнего утра мир не будет прежним. Извините, если в чём-то превысил свои полномочия и вторгся в область ваших прерогатив...

— Ничего, Лерой. В такие моменты не до субординации. Но вы уверены, что мы поступаем правильно? Всё же это очень отдаёт государственным переворотом... Традиции американской демократии...

— *Salus populi suprema lex esto!*¹ — торжественно, будто вообразив себя римским трибуном, произнёсил Лютенс. — Я не думаю, что новая мировая война такое уж благо для американского и всех прочих народов в сравнении с некоторой корректировкой утративших сейчас подлинный смысл понятий двухсотлетней давности.

Паттерсон с Келли, немного увлекшись, перевалили уже за половину графина. Виски действительно было неплохим, а тема разговора — настолько заумной и, попросту говоря, опасной, что оба высоких должностных лица дружно согласились бы с точностью русского присловья: «Тут без поллитры не разберёшься». Если бы его знали. Но, и не зная, пришли к аналогичной мысли инстинктивно.

Вице-президент, раскрасневшийся и распустивший узел галстука, стараясь не выходить за рамки подробностей совсем уже секретных и, безусловно, не называя имён, растолковывал генералу систему

¹ Благо народа пусть будет высшим законом! (лат.)

управления Соединёнными Штатами, сложившуюся на текущий момент. Как сам её представлял. Представлял достаточно верно, но в самых общих чертах, поскольку и ему никто не сообщал значимых подробностей.

Для него, например, мистер Сарториус был тоже неким передаточным звеном между официальными властями страны и группой анонимных «акционеров», владеющих *всеобщим* контрольным пакетом, выражаясь в терминах Маркса «Капитала» — «Треста трестов»¹. То есть для него оставалось неизвестным, что «Система» работает не только в пространстве — финансовом, политическом и географическом, но и во времени тоже. Более того — между временами. Аналогично «Хантер-клубу», где умершие полтора столетия назад члены имеют право решающего голоса и участвуют в моделировании и формировании будущего. И наоборот, естественно.

Но и того, что рассказал Келли, для генерала было откровением. Он всю жизнь мыслил категориями, расположенными как минимум двумя уровнями ниже. В понятных ему терминах — как штаб батальона или бригады воспринимал решения штабов корпуса или армии. Их воля, воплощённая в боевом приказе, не обсуждается и священна, а ход

¹ Трест — одна из форм экономических объединений, в рамках которой участники теряют производственную, коммерческую и юридическую самостоятельность. Реальная власть в тресте сосредотачивается в руках правления или совета директоров. Соответственно «трест трестов» — такая структура, где любое количество высших экономических объединений «первого порядка» оказывается лишённым самостоятельности и подчиняется некоему центру, часто — анонимному.

мысли вышестоящего оператора, составившего этот приказ, доступен лишь «в части, непосредственно касающейся». Иначе успешно служить просто невозможно.

Сейчас же Келли приоткрывал ему тайны именно «корпусного или армейского звена», в масштабе которых и власть командира батальона, непререкаемая для солдат и офицеров, ничтожна, и реальная роль этого же батальона на генеральной стратегической карте — в лупу не разглядишь. Хотя, конечно, без согласного действия множества таких батальонов и рот любая, самая гениальная операция потерпит крах, едва начавшись.

Сначала, в процессе ещё трёх или четырёх глотков, Паттерсон всё сказанное вице-президентом осмысливал, а потом начал задавать вопросы, иногда наивные, а иногда бьющие в самую точку, как раз в те детали, которых с «горных высот» не видно. Это в Российской армии в служебное время даже за лёгкий алкогольный запах можно поплатиться очень жестоко, а в американской вести заседание военного совета или командовать боем, то и дело прикладываясь к фляжке, — вполне нормальное дело. В последнее время «общественность» стала обращать на взаимоотношения должностных лиц с алкоголем чуть больше внимания, но — за счёт повышения толерантности к наркотикам. Трудно сказать, что лучше.

— Сложность в том, дорогой Дональд, что у меня в распоряжении практически нет подразделений или соединений «постоянной готовности», как называется это у русских. Те, что есть, — далеко

отсюда, и их очень мало. А те, что близко... — Генерал обречённо махнул рукой.

— Разве кто-нибудь собирается воевать? На всякий случай вывести на улицы Вашингтона два десятка бронетранспортёров, набитых вооружёнными парнями. Стрелять им в любом варианте не придётся. Просто обозначить, что сила — у нас. А махать дубинками и стрелять патронами с перечным газом умеют полиция и национальная гвардия...

— Так-то оно так, — начал Паттерсон, и тут в кармане его рубашки особым образом, сразу обозначающим вызывающего, загудел телефон.

— Президент, — почему-то шёпотом сказал генерал и поднял палец к потолку.

★ ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Мне кажется, что ситуация созрела до нужной кондиции, — сказал Шульгин после того, как Сарториус, заглядывая в предложенные ему конспекты, переговорил с десятком своих клиентов и контрагентов. — Похоже, как мы с РСФСР и Югороссией тогда вопрос решили. И сейчас есть ощутимый шанс, что без чрезмерных мировых потрясений американцы сами всё у себя сделают. Причём так, что подавляющее большинство из них будет довольно случившимися переменами. «Отнять и поделить» — это мощный лозунг. Мобилизующий. Если до крайности не доводить, конечно. Получив солидную прибавку к доходам и увидев, как правительство о народе заботится, означенный народ непременно в умиление придёт. За исключением законченных паразитов, разумеется. Да и тех к делу пристроить можно будет, опять же, если народ этого захочет... Машина запущена, пусть работает. Если там найдутся несогласные и с твоими ребятами вендетту затеют — «делу мира и социализма» только на пользу.

— Вы что, на самом деле социализм в мировом масштабе возрождать решили? — очень сильно удивился Сарториус. Пока что из тех разроз-

ненных фрагментов мозаики, которыми являлись только что отданные распоряжения и указания, никак не вырисовывалась для него общая картина. А картина, судя по всему, намечалась монументальная, грандиозная даже. Так выходило, когда своим изощрённым умом *пантократора*¹, каковым Магнус Теофил считал себя «на полном серьёзе», он пытался экстраполировать последствия того, что начали реализовывать его теперь уже *партнёры*.

Применительно к Новикову и Шульгину термин этот казался ему вполне подходящим. Как бы могущественны ни были люди, сумевшие без видимых усилий согнуть его «в бараний рог» и «заставить плясать под свою дудку», Сарториус был уверен — править миром без его солидарного и равноправного участия они не смогут. Слишком много его элементов, находящихся в неустойчивом динамическом равновесии, необходимо постоянно учитывать, слишком много будет постоянно возникать новых коллизий, с которыми человек, не знающий конструкции десятилетиями сплетаемой трёхмерной паутины, не справится. Не справится просто от нехватки турбулентной, многоразрядной информации, сколь бы выдающимися общими способностями он ни обладал.

Так, самый лучший пилот неминуемо разобьётся, если вдруг в ночном полёте отключатся все системы управления и контроля. Какое-то время ещё будет сохраняться состояние «равномерного и пря-

¹ Пантократор — дословно «всевластитель». Обычно так называется иконографическое изображение Христа, как Небесного Царя и Судии, но Сарториус применительно к себе подразумевал земную трактовку этого термина.

молинейного движения», но первое же изменение любого из тысяч возможных внешних воздействий неминуемо вызовет катастрофу, более или менее растянутую по времени.

И Сарториус при всём желании или под какими угодно пытками не сможет передать новым хозяевам положения все свои бесчисленные связи со множеством людей, знание их сильных сторон и слабостей, научить способам эффективного воздействия на каждого, а главное — поделиться способностью безуказненно точно реагировать на хаотическое, броуновское движение миллионов пар «причина — следствие», из которых, как и из атомов и молекул, состоит весь реально существующий и воображаемый мир. Воображаемый до тех пор, пока одно из воздействий не переведёт некую возможность в реальность, превратив тем самым сколько-то не менее перспективных реальностей в неосуществившиеся, а значит, как бы и иллюзорные варианты.

Подобными умствованиями Сарториус занимался всегда, сколько себя помнил, и очень рано научился какую-то часть своих эманаций разума переводить в плоскость принятия и осуществления решений, а большую — сохранять в качестве питательного субстрата¹ для последующих идей и свершений.

Похоже, что хотя бы на данном этапе Новиков и Шульгин априори придерживались такого же мнения. Им собственными средствами, даже с помо-

¹ Субстрат в философии — общая основа многообразных явлений, общности и сходства неоднородных понятий. В биологии — питательный слой, вещество, на котором обитают животные, растения, микроорганизмы.

щью Шаров и Арчибальда, элементарно не хватит времени, чтобы найти и перехватить все системы управления и каналы связи, которыми легко и свободно манипулирует Сарториус.

Так же Новиков не смог бы почти полгода руководить СССР в самые тяжёлые предвоенные и первые военные дни, если бы не имел в распоряжении всю полноту памяти и личных способностей Сталина.

Но признавать их нынешнюю взаимозависимость с пауком-магнатом Сарториусом «братья» отнюдь не собирались. Много чести. Более чем на шаг-другой ему «план боя» раскрывать необязательно.

— Что мы решили, а к чему только присматриваемся — это сейчас вам знать совершенно ни к чему, — ответил Новиков. — Умножая знания — умножаешь скорби. А также свою от них зависимость. «Социализм» же в данном случае всего лишь фигура речи. Был такой международный журнал лет 30 назад — «Проблемы мира и социализма». Да вы, наверное, помните. Довольно интересный. Так мы пока только первой частью этой формулы заняться намерены. По каковой причине вас сейчас покинем. Обещаю, что ненадолго. А если вам вскоре звонить начнут те, у кого доступ есть, с информацией о текущем моменте, кляузами друг на друга, вопросами, предложениями и претензиями — выслушивайте в присутствии Арчибальда, пристойным способом обещайте принять решение и в нужный момент дать необходимые «ценные указания». Не мне вас учить. А «указания» подскажет мистер Буллойз. В случае затруднения доло-

жит нам, а мы уже определимся и спустим директивы. Доходчиво?

— Вполне. Только... — Сарториус замялся.

— Ты снова о своём здоровье? — усмехнулся Шульгин. — Помирать экстренно расхотелось? Не переживай... — Он снова пристегнул на руку «властелина мира» браслет. Показал на слегка расшившийся за последние часы зелёный сектор. — Видишь? Динамика положительная. Организму дан позитивный толчок, и он, избавившись от патогенных факторов, мобилизует имеющиеся ресурсы. В ближайший месяц точно не умрешь и даже бодрее себя почувствуешь. Аппетит, предупреждаю, резко повысится. Моментами — до неприличия. Надо же потери массы и энергии возмещать. А через сколько-то времени повторим. В зависимости от результатов текущей деятельности. Публике вроде тебя поводок слишком отпускать нельзя, сразу в голову дурацкие идеи приходить станут. Пробверено.

— Чтобы не скучали здесь — получите задание на дом, — сменил тему Новиков. — Вместе с Арчibalдом нарисуйте нам несколько динамических карт мировой экономики. У него образование вполне подходящее, и все справочные материалы в голове. Рассчитайте, исходя вот из этих соображений, — протянул Сарториусу лист бумаги. — Таким образом без катастрофических последствий, но быстро и крайне решительно следует начать переход к реальной, согласующейся с Марксом схеме. «Количество бумажных денег в обращении равняется сумме стоимости имеющихся товаров и услуг, делённой на скорость оборота платёжной едини-

цы». Так, кажется? Я политэкономию давно сдавал, но кое-что помню. То есть экономика должна быть в обозримое время приведена к состоянию равновесия. С чётким разделением на наличные и безналичные, «инвестиционные» деньги и последующим переходом на всемирный золотой стандарт... Чтобы, значит, никаких больше долларов, фунтов и прочих деривативов...

Разумеется, при этом полностью исключить, с использованием ваших и наших возможностей, межгосударственные вооружённые конфликты высокой интенсивности. Гражданские беспорядки при этом, — Сарториусу показалось, что Новиков ему слегка подмигнул, возможно, намекая на известные события трёхлетней, кажется, давности¹, — следует пресекать со всей решительностью. Не останавливаться перед изъятием из обращения единиц ради блага миллионов.

— Ваша идея в принципе не слишком расходится с моими долгосрочными проектами, — кивнул Сарториус, ободрённый диагнозом и прогнозом в части собственного здоровья. — Я тоже предполагал в ближайшее десятилетие перестройку мировой экономики с выходом на уровень практически простого воспроизводства. Вплоть до перехода большинства стран и территорий к почти полностью натуральному хозяйству. При этом управляемость мира повышается до бесконечности. Сугубая монетарность обращения, кредиты только под залог реальных ценностей...

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

— Или — фунт собственного мяса, — вставил Новиков.

— Что? Ах да, Шекспир, «Венецианский купец»... Там, кстати, Шейлок прогорел на том, что не учёл ограничительного параметра — при изъятии мяса не пролить ни капли крови и взять ровно фунт, не больше и не меньше. Ваши условия похожи...

— Отчего же? Мы таких ограничений не ставим. Если десяток-другой миллионов офисных сидельцев вынуждены будут заняться производительным трудом — это не катастрофа...

— Вы очень недооцениваете грандиозность потрясений, что ждут человечество, — вздохнул Сарториус. — Это будет ненамного легче новой мировой войны...

— Удивительная заботливость. Вы всю жизнь были таким альтруистом или стали им только сейчас? — заинтересованно спросил Новиков. — Не помню, кто сказал: «Мы начинаем раздавать добрые советы, когда теряем способность подавать дурные примеры». Помнится, всего неделю назад вы старательно сплешествовали возникновению третьей мировой войны... Она как способ решения ваших проблем не вызывала столь острой реакции отторжения? Наверное, потому, что расплачиваться сейчас придётся вам и всему вашему классу, в марксовском опять же смысле...

— Вы, оказывается, ничего не поняли, — с осторожным торжеством в голосе ответил Сарториус. — О мировой войне речи не шло. Это могло показаться только со стороны, при беглом взгляде. Идея состояла в том, чтобы с минимальны-

ми потерями сменить власть, а потом и государственное устройство как в России, так и в США. В два этапа. А уже потом... Кстати, «Мой класс», как вы выразились, в целом как раз потеряет гораздо меньше прочих, живущих *собственным трудом*. — Сарториус явно вступил на привычную стезю. — Он, конечно, значительно сократится в размерах, но какое дело коралловому рифу в целом, — он указал рукой на океан, где многокилометровая дуга прибойной пены обозначала границы рифа, — до потери какой угодно своей части... Пятнадцать миль он длиной или две — это всё тот же дезинтегрированный надорганизм. Для уцелевшей части ничего не изменится. Велика ли беда — потерять четыре дворца из семи и девять миллиардов из двенадцати. Сохранив остальное не в сомнительных бумажках и реальной звонкой монете. Это ведь далеко не то же самое, что лишиться возможности обедать каждый день в привычном ресторане или кафе и перейти на благотворительную похлёбку.

— Сравнения у вас чересчур книжные, господин *бывший триллиардер*. — Андрей постарался вложить в голос максимум язвительности. — И вы просто пока не осознали степень своего падения. Жить на жалованье, пусть и достаточно большое, — совсем не то, что повелевать царствами... Не задумывались, почему во времена Великой депрессии разорившиеся бизнесмены, ещё не успев узнать вкуса той похлёбки, что вы упомянули, тысячами выбрасывались из окон небоскрёбов или кончали с собой иным способом? А вот рабочие, уволенные с заводов Форда, спокойно отправ-

лялись строить автостраду через Долину смерти, на рузвельтовское пособие, ухитряясь при этом радоваться жизни доступными им способами?

Сарториус задумался. И, очевидно, плодотворно, поскольку заметно погрустнел.

— В общем, как поётся в «Интернационале», — добил его Шульгин, — владыкой мира будет труд! Неважно какой, но всё же труд, а не надувание финансовых пузырей. Ох, предвижу я весёлые времена. Так что не скучай, бывший горский князь, а ныне трудящийся Востока. Распишите с Арчибалдом всё, как надо. Чтоб и овцы сыты, и волки целы. Если получится.

Отозвав в сторону Арчибальда и коротко с ним переговорив о чём-то наедине, Шульгин приглашающее махнул рукой Новикову.

— Сейчас без Левашова и Воронцова обойдёмыся, — сказал он, с некоторой как бы печалью осматривая вершину острова со всеми строениями и безбрежность океана и неба за парапетом. Как будто бы ему вдруг захотелось задержаться здесь на неопределённый срок, отстранившись от нестихающего потока мировых и личных проблем. — Воспользуемся любезностью Замка, его методики, говорят, стопроцентно надёжны и мировой континуум не сотрясают, поскольку не имеют к нему никакого отношения...

По подсчётом Новикова, предлагаемый Замком в лице Арчибальда вариант пространственно-временных перемещений был вроде бы четвёртый — кроме левашовского СПВ, агрианского блок-универса-

ла и вылетов в астрал по методике Константина Васильевича Удолина.

То, что изобрёл Маштаков, скорее всего являлось неким вариантом одного из трёх первых способов, но могло оказаться и чем-то совершенно оригинальным. Ни времени, ни образования на то, чтобы вникать в подобные тонкости, у Андрея всегда не хватало. Но то, что по технологии Маштакова удавалось попасть не просто в ближайшую параллель, а именно в «боковое время», наводило на размышления.

— А зачем нам сейчас в Замок? — спросил Новиков. — Вроде бы у нас были несколько другие планы.

— Посоветоваться надо...

Ясно, с кем посоветоваться. Андрей спорить не стал. У Замка с Шульгиным сложились в некотором смысле гораздо более «близкие» отношения, чем с остальными и даже Воронцовым, первооткрывателем. То ли Александр сумел одной из созданных мыслеформ войти в резонанс с какими-то составными частями личности Замка, то ли, наоборот, — во время нескольких реинкарнаций, пережитых Шульгиным, его «молекулярная копия», случайно или запланированно, приобрела некоторые несвойственные человеку, но имманентные¹ одной из сущностей Замка черты.

— Ну, надо так надо...

Переход в сферу действия Замка, хоть с помо-

¹ Имманентный (от лат. *immanens* — свойственный) — нечто внутренне присущее какому-либо предмету, явлению, процессу. Противоположность И. — трансцендентный.

щью Антона, хоть «по-удолински», через астрал, происходил без всяких эффектов, театральных или физических. Просто в момент одного из движений век, пресловутый «миг» — реальность вокруг менялась, как кадр на киноэкране. Моргнул — и вокруг уже не островной сад Сарториуса, а один из каменных крепостных двориков, неотличимо похожий на те, где друзьям доводилось бывать не один раз.

Опять здесь, как накануне отплытия «Валгаллы», — щемящее прекрасное «индейское лето». Густо-синее, но одновременно и чуть выцветшее небо. Почти неподвижный, чистый и прозрачный во всех смыслах воздух, с неуловимым холодком, будто принесённым с Севера, где уже выпал снег. Истёртые, словно по ним действительно ходили сотни лет тысячи людей, большие плиты белого камня, выстилающие двор, усыпаны жёлтыми с красной изнанкой листьями канадского клёна.

И тишина — глубокая, почти невозможная во «внешнем мире», но живая, не пугающая, как в затхлом воздухе бетонного бункера, а, наоборот, умиротворяющая. Такая, что в самый раз, усевшись на грубо вытесанную каменную скамейку, отдаваться неконтролируемому полёту воображения и эмоций, вдыхать этот воздух и ждать, когда ветерок, пробравшись между зубцов высоких стен, шевельнёт сухие листья и они с шуршанием поползут, опираясь на свои пятипалые кончики. Пока не упрется в основание сложенной из гранитных блоков стены и замрут там. А к ним будут присоединяться всё новые и новые, и за недолгое время наберётся их це-

лая куча. И тогда её можно будет поджечь, чтобы насладиться непередаваемым запахом осени. Как в далёком-далёком детстве.

— Опять мы одни тут, на миллионы лет и миллионы километров вокруг, — со странной интонацией сказал Шульгин.

— В первый раз, что ли? — пожал плечами Новиков. — Пришли — ушли, когда по своей воле, когда по чужой. Советоваться где собираешься? В твоём баре или...

— Да ты не торопись. Дай в настроение прийти. Воздухом подышать. Хорошо тут, спокойно. Покурим без спешки. Можно на берег океана прогуляться. Здесь поблизости я в тот раз «Виллис» оставил. Интересно, цел ли?

— А куда денется?

В ответ на риторический вопрос Сашка только пожал плечами. Может, стоит, где стоял, с ещё тёплым после поездки мотором. А то — растворился, как исчерпавшая свою функцию иллюзия.

— Теперь у нас времени много, бесконечно много, — продолжил он прошлую фразу. — И, дай Бог, — в нашу пользу. Когда захотим, тогда и вернёмся...

Что-то в интонациях Шульгина показалось Андрею странным. Он будто бы не своей волей говорил, а транслировал чужие слова, спокойно и равнодушно, при том что мимика оставалась прежней, живой. В небо Сашка смотрел с интересом, доступные взгляду закоулки Замка, лестницы, переходы и балкончики осматривал профессионально, будто искал признаки засады или просто чужого здесь пребывания.

Что-то эта метаморфоза наверняка значила, как и достаточно внезапное Сашкино предложение переместиться с острова Сарториуса сюда. Попутно мелькнула мысль, неуместная сейчас, пожалуй: «А есть ли у того острова собственное имя, зафиксированное в лоциях или хотя бы присвоенное нынешним хозяином, или так он и остаётся Островом? Так же как Замок — Замком, без дополнительных обозначений».

— У тебя с головой и нервами всё в порядке? — без околичностей спросил Новиков. Это в книжках и кино любят по каждому пустяковому поводу разводить массу догадок и домыслов, часто выливающихся в полноценную мелодраму, в то время как достаточно было бы просто задать прямой вопрос. Намного бы проще стала жизнь персонажей, но гораздо беднее — кино и литература. Пьеса «Отелло» из трагедии превратилась бы в бытовую драму, а то и фарс, вроде «Двенадцатой ночи».

— Почему вдруг спрашиваешь? — повернулся к Андрею Шульгин. Они настолько давно и хорошо знали друг друга, что обычно понимали настроения и состояния без лишних слов, уточняя лишь некоторые, внезапно возникшие обстоятельства. Или — если существенное значение вдруг приобретали события, случившиеся с одним из них в другое время и в другом месте.

— Выглядишь несколько не от мира сего. Говоришь не с теми интонациями. Или думаешь о чём-то сильно постороннем, или...

— Или я — это вдруг снова не я? Ну, не совсем я. Так подумал?

— В этом роде. Вдруг Замок опять взял управление на себя...

— Это — вряд ли. Хотя ничего утверждать не берусь. На этих уровнях *естества* может происходить всё что угодно, и мы никогда ничего не заметим, если нам не разрешат специально. Как внутри Ловушки. Превратись мы сейчас в головоногих моллюсков — и без разницы. Так и будем на дне морском сидеть, или плавать, обмениваться информацией доступными нам способами, считая, что всё идёт самым естественным образом...

— Нет, тебя точно в дебри чёрной меланхолии потянуло. Так ведь раньше у вас депрессивная фаза циклотимии называлась? — уточнил Новиков, имея в виду основную (или первую) профессию друга.

— Не в меланхолии дело. Просто вот вернулись сюда, и как-то сразу прежнее настроение нахлынуло, ну, сам помнишь... Перед самым первым уходом отсюда. Когда я тебя в «спецквартиру» повёл...¹

— Ну, тогда повод был, — сразу вспомнил те дни Новиков.

— Сейчас, наверное, тоже есть, — пожал плечами Сашка, — только в глаза не бросается. А вот ощущение, что мы — почти Держатели, в Замке сразу пропадает. Очень мы с ним несовместимые величины. Давай наверх поднимемся, — указал он на узкую каменную лестницу без перил, четырьмя маршрутами идущую вверх вдоль крепостной стены. — Грамотно сделано — если отступать по ней спиной вперёд, правой рукой с мечом удобно рубить, ещё и сверху вниз, а противнику, наоборот,

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

никак не размахнуться. Трупы атакующих будут на идущих позади валиться, вдобавок ступени положены с небольшим наклоном наружу, а тёсаный камень от крови скользкий...

Кто же это, создавая Замок, такими мелочами озабочился? Едва ли просто копировали существующие на Земле образцы — чувствуется чужая архитектурно-фортификационная мысль. Значит, и за неизвестно сколько парсеков отсюда и феодализм имел место, и гуманоиды, штурмовавшие твердыни соседей-баронов...

С высоты стены в одну сторону виден был кусочек океана — остальное заслоняли две ближайшие башни и высящийся посередине центрально-го шестиугольного двора донжон. Зато материковая часть видна на десятки километров во всех направлениях. Вьётся среди невысоких, заросших вереском холмов мощёная красным кирпичом «дорога в никуда», на которую некогда прямо с балкона своей абхазской дачи переставил Воронцова Антон.

Горная гряда, почти перпендикулярная океанскому берегу. Горы низкие, сильно выветренные, покрытые пятнами дубовых рощиц посередине лугов, похожих на альпийские. Пейзаж, постепенно подёргиваясь синеватой дымкой и теряя отчётливость, у самого края горизонта сливался с ещё одной скалистой грядой, отбескивающей снежными шапками на самых высоких пиках.

— Вон там, — Шульгин указал рукой в сторону ложбинки между холмами километрах в пяти от стены, — мы с Антоном вскоре после моего возвращения с Валгаллы сидели, за жизнь беседовали. Он

меня начал вербовать, с Сильвией предложил поработать... Тогда всё и началось...

— Почему тогда? А не с первого выхода на Валгаллу? Или даже с моего знакомства с Ириной?

— То само собой. А это уже нынешняя конкретика пошла. Отказался бы я, подзадержаться решил — и по-другому всё получилось бы...

— Забывать ты начал, братец, — ничего б ты не задержался, — возразил Андрей. — И мы все. Помнишь, как нас отсюда в шею выталкивали? Спасибо, пароход разрешили Диме построить, а то бы — «с вещами на выход»: на Валгаллу снова высадили или прямо в Москву...

— Да, действительно, — каким-то пустым голосом ответил Шульгин. — Сейчас у меня похожее настроение. Или — ощущение, чёрт его знает.

— Тогда зачем ты меня сюда тянул? — Андрея начал раздражать бессмысленный, как верчение педалей на велотренажёре, разговор.

— Почувствовал, что надо. Замку, наверное, хочется пообщаться без свидетелей, — ответил Сашка. — И даже не то что без свидетелей, а без всяких наведённых полей. Вариантов и теней реальностей. Сколько их за эти годы образовалось, прямо слоёный пирог, если считать каждый поворот сюжета и хроносдвиг. От нас ведь, по правде сказать, от тех, прежних, мало что осталось...

Шульгин присел на край парапета между двумя зубцами, вытащил из нагрудного кармана слегка помятую пачку. Тем самым, из молодости, жестом резко встрихнул, захватил губами за край фильтра на две трети выскочившую сигарету.

Андрей пальцами вытащил соседнюю, щёлкнул

зажигалкой. Опустился на тёплые камни рядом с Сашкой.

— Мало, кто спорит, — согласился он, выпуская струйку дыма в опять ставший неподвижным воздух. — Я недавно «Дневники» Симонова листал и сейчас вспомнил. Вот он, к примеру, весной тридцать девятого на Халхин-Голе воевать начал и до сентября сорок пятого так и оттянул, как медный котелок. И повидал больше, чем любой солдат и офицер действующей армии. На фронтах и в тылу. В нём, думаешь, много от того эстета осталось, кто с друзьями и подругой в «Метрополе», только что в форму переодевшись, прощался? Как раз когда «жить стало лучше, жить стало веселей»¹. Только что из этого следует?

— Наверное, то, что Замок понадеялся — вот зайдём мы к нему на огонёк, сядем рядом, поговорим ладком — и на что-то он нас опять подпишет. И не этих, тёртых-битых, а тех... — с какой-то неясной печалью в голосе ответил Шульгин.

— Об этом и размышляешь, прислушиваешься — превращаться начал или пока нет? — делая вид, что не принимает слова друга всерьёз, с усмешкой спросил Новиков.

— Вроде того. А ты?

— Я — в норме. Чуть зацепила ностальгическая грусть, так она у меня всегда появляется, когда в прежние места возвращаюсь. Из *раньшего времени*. Мне даже в последние те годы по Москве ходить

¹ «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее» — фраза из доклада И. Сталина на Первом всесоюзном совещании стахановцев в 1935 г.

было неприятно. Слишком уж грубо целые улицы нашего детства сносили. А оказывался там, где *старое* ещё оставалось, — печалился, что это уже не *отсюда*...

— У всех свои проблемы, — усмехнулся Шульгин. — Но так или иначе, а надо всё же узнать, чего он от нас хочет. Здесь — себя не оказывает. Так всё же — где он нас принять желает? Мы и это угадывать должны? Нет чтобы попросту сказать...

— Пойдём в бар. Мы с ним там последний раз разговаривали?

— Да кто его знает? Не упомнишь. Но сдаётся, всё же в кабинете...

— В кабинет не тянет, — признался Андрей. — Давай в твой, лошадиный... Сядем, растормозимся, вспомним, как впервые в него зашли. Глядишь, как раз и войдём в нужное настроение...

— Нам нужное или ему?

— А вот это как раз несущественно...

Бар был точно такой, как в тот день, когда Шульгин закончил оформлять его цветными витражами-ню. Те же драпированные стены без окон, неяркая подсветка замаскированных ламп, имитирующих свет зимнего пасмурного дня. Приподнятый над ковролиновым полом подиум, ведущие на него несколько низких, но широких полуциркульных ступеней. Деревянная, окованная старой, вытертой локтями медью стойка с многоцветьем этикеток на бутылках самых причудливых форм. Слева — несколько старинных пивных бочек, торчащие из них причудливой формы начищенные бронзовые краны.

Запах, который невозможно идентифицировать, но безусловно приятный и задевающий романтические струнки подсознания, — старым деревом немногого пахнет, дымком и воском догоревших свечей, разными, но одинаково волнующими духами нескольких только что вышедших отсюда женщин... И ведь не вспомнить сейчас — так ли пахло здесь прошлый, позапрошлый, все другие разы или букет составлен только что, под настроение. Или — для нужного настроения.

Шульгин в своё время добавил к предложенному антуражу несколько витражей, точнее — стеклянных фотопанно, где были изображены в натуральную величину очень симпатичные девушки в разных интерьерах и в разных степенях полуобнажённости. Одна так даже верхом на великолепном коне во время стремительной скачки по летней южнорусской степи. Все модели — из числа его бывших подружек, с полным портретным сходством, но, понятное дело, слегка идеализированные. Подлинный соцреализм — изображение не того, что есть на самом деле, а того, что должно быть¹. Тут убавлено, там прибавлено. Ноги чуть подлиннее, талии потоньше, груди твёрже и формой идеальнее, как у роденовских красоток, глаза больше, волосы пышнее. Кто был знаком с прототипами — узнает, не ошибётся. Но впечатление получит совсем другое. Ошеломляющее! Мол, где же были мои глаза *тогда*?! Или — знать бы, что под скромным платьем она — *такая*!?

¹ Формулировка приписывается А. А. Жданову, главному идеологу ВКП (б) (1896 — 1948).

Музыка... Ну, с музыкой всё нормально — микст из мелодий шестидесятых-семидесятых годов. Негромко и именно на тех инструментах, какие нужно — кларнет, саксофон, труба, — все на своём месте. Никто никого не заглушает, не подавляет дурными децибелами, сумасшедшими соло бас-гитары или ударной установки. Будто бы в соседней комнате собрался и наигрывает для своих оркестрик крепких профессионалов, решивших *тряхнуть стариной*.

Налили по рюмочке, кому чего захотелось, опять закурили. Ну, хозяин, мы к твоим услугам. Что ещё нужно для конфиденции, уж такой, что конфиденциальней не придумаешь? Вне всякого времени и пространства...

— Правильно всё поняли, — как они ни ждали, а всё равно внезапно зазвучал словно бы со всех сторон знакомый мягкий баритон, интонированный, как у профессионального чтеца-декламатора. Сильно усовершенствовался Замок, поначалу он своим синтетическим голосом напоминал только что научившегося говорить глухонемого.

— Я действительно хочу, чтобы вы вспомнили, какими были тридцать лет назад. До того, как мы впервые встретились.

— Тридцать? — одновременно спросили оба, а Новиков продолжил: — Да неужели тридцать?

— Календарно — да. А со всеми перемещениями, выходами в астрал, сменой эфирных, тонких и прочих тел — вообще сказать невозможно. Это вне обычной хронологии.

— Тогда нужно судить чисто биологически. Вы-

ходит лет пять-шесть, не больше, — возразил Новиков.

— Ничего не выходит, особенно если учесть, что вы гомеостатом бесконтрольно пользовались и более-менее продолжительное время абсолютно непоследовательно существовали в трёх разных веках. То плюс семьдесят, то минус сто двадцать, и ещё несколько континуумов, вообще не имеющих отношения к хронофизике данных пространств. Мотогонки по спутанным кольцам Мёбиуса — интересная аналогия?

Согласимся — физиологически вам по-прежнему нет и сорока, но это тоже не по-настоящему, психологически — даже мне неизвестно сколько. Поэтому единственно корректная точка отсчёта — год начала перемещений, реинкарнаций и трансмутаций. А с неё прошло как раз тридцать лет. Согласны?

Замок говорил тоном принимающего зачёт доцента, и опять не верилось, что они слышат голос не человека, вообще не «существа», хоть гуманидного, хоть нет, а некоей «субстанции», циркулирующей в хитросплетении узлов и струн Гиперсести. Отчего-то именно сейчас эта мысль пришла в голову сразу обоим друзьям, хотя за те самые «неизвестные годы» они по многу раз возвращались к теме Замка и их с ним взаимоотношений.

Очевидно, всё это как-то увязывалось с самим фактом их очередного сюда прихода и непонятного настроения Шульгина. Именно потому, что настроение Сашки показалось Новикову странным, он и взял на себя лидирующую роль в разговоре. Не в первый раз.

— Согласны, а куда денешься? Так оно в конце концов и выходит. Я, когда со своим дружком, Юрий Александровым, журналистом-политологом, в нынешней Москве впервые с *тех пор* встретился, он меня сразу просчитал. Ну не сразу, — поправился Андрей, — в начале второй бутылки. Я и залегендировался, и загrimировался, старался держаться, как интеллигентный «новый русский» из их сериалов. И всё равно прокололся. На взгляде. Как он на меня заорал тогда: «Ты что, бля, прямо из семидесят пятого явился, немым укором?»¹ Было у нас кое-что как раз с тем годом связано... Ну, ладно. Считай, мы из восемьдесят четвёртого так и не выкарабкались. Как Басманов из своего двадцатого. Сколько его ни пытались здесь «социализировать» — по нулям.

— Сейчас у него вроде девушка из валькирий появилась, — слегка улыбнулся Шульгин. — К свадьбе дело идёт, я слышал.

— Хочешь, поспорим, она к нему поедет, а не он в Гвардию Олега... — будто обычный «третий из компаний», поддержал тему Замок.

— Видно будет, — отмахнулся Шульгин. — Лучше бы кончал волам хвосты крутить. Что тебе опять надо, всемогущий ты наш? — повернулся он в сторону тех драпировок, за которыми, как ему казалось, прятался динамик, вещавший голосом Замка. — То Антон твой возвышенными идеями головы морочил, сейчас ты скоро час к снаряду подходишь, никак не разродишься. Ну?

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

— Вот этого и хочу, о чём сказал. Чтобы вспомнили, какими были тридцать лет назад.

— Так. Вспомнили. Дальше...

— Помните, вопросы у вас возникали, как можно левашовскую СПВ «на всю катушку» использовать?

— Помним, — опять вместо Шульгина ответил Новиков. — Хохмили в основном, чтобы крыша с места не сдвинулась от осознания грандиозности случившегося. Блок американских сигарет с оптового склада утащили, а не из спецбуфета, чтоб продавщице за « злоупотребление» голову не открутили. Тогда вообще с посягающими на пайку «власть имущих» не церемонились.

— Такие жалостливые были? — с оттенком иронии спросил Замок. — Тогда чего завскладом не пожалели?

— У того другие возможности. Усушка-утруска, путаница в накладных, недовложения в пункте отправления. Отмажется... — ответил Новиков. — Вернее, «отмазался», скорее всего.

Шульгин встал, подошёл к дверце «синтезатора», потыкал пальцами в кнопки, вернулся с двумя высокими бокалами чего-то зелёного и пузырящегося. Поставил на столик. Сделал глоток, задумчиво почмокал губами.

— Ты читать умеешь? — спросил он, явно обращаясь к Замку, поскольку на Андрея в этот момент не смотрел.

— На каком языке? — Замок, похоже, был удивлён бессмысленностью вопроса.

— На русском, на английском. Неважно. Был такой писатель... — Сашка пощёлкал пальцами, пыта-

ясь вспомнить. — Ну, рассказ назывался «Я — это другое дело». У нас напечатан в конце шестидесятых, в красненьком томе «БСФ»...¹ Вспомнишь?

— Не проблема. Том десятый. Автор — Фредерик Пол. Ты эти слова имеешь в виду? — Замок подтвердил свои актёрские способности. Будто великий Качалов или ведущий многих радиопередач «для детей и юношества» Борис Толмазов, он прочитал с выражением и с нужными интонациями: — «Кто может поручиться за человека, который вдруг почувствует себя богом? Предположите, что какой-нибудь человек стал единственным обладателем секрета, дающего ему возможность проникать сквозь любые стены, в любое закрытое помещение, в любой банковский сейф. Предположите, что этому человеку не страшно никакое оружие. Говорят, что власть разлагает. Что абсолютная власть разлагает абсолютно. Можно ли себе представить более абсолютную власть, чем та, которой обладал Коннот? Человек, который, не боясь наказания, мог делать всё, что ему взбредёт на ум? Ларри был моим другом, но я убил его совершенно хладнокровно, понимая, что человека, владеющего тайной, которая может сделать его властелином мира, нельзя оставлять в живых.

Я — это другое дело».

¹ «Библиотека современной фантастики». В 15 основных томах + 12 дополнительных. Самая полная (и единственная в СССР) антология лучших образцов советской и зарубежной фантастики 50 — 60-х гг. Издавалась с 1964 по 1972 г. Тираж 215 тыс. экз. Распространялась только «о подписке. Цена тома от 60 коп. до 1 руб. На «чёрном рынке» — в среднем «пять номиналов».

— Молодец, — похвалил Сашка. — Раз сразу нашёл цитату, значит, понял? Нас сначала было трое, сейчас — несколько десятков. И никто другой не убил. И никто не захотел стать властелином мира, хоть персональным, хоть коллективным. Имей в виду, мы ведь не только это читали. Много другого тоже. И «за», и «против». Выбор, как видишь, сделали...

— Потому я и решил иметь с вами дело. С самого начала. С Воронцовым познакомился, провёрил, кто он такой и чем живёт. Направил его к вам. Тоже неплохо получилось. Лариса, при всем её своеобразии и первоначально острой к вам неприязни, в первый же вечер с вами совпала. Наталья, наполовину придуманная Дмитрием, наполовину мною... Даже — Сильвия без особых душевных терзаний перешла на вашу сторону. А дальше уж вы сами систему выстраивали. Братство...

— Люди одной серии, — грустно усмехнулся Новиков. — Значит, всё правильно. Только смысла как-то маловато. Сами поразвлекались, да и то сомнительно, а человечеству с этого что? Спасали мы его? А может, без нас и спасать бы нужды не было...

— Глупость говоришь, — строго перебил Замок. — Люди на фронтах умирали, вообще не зная, чем через три года час или день, выигранный на безымянной высоте, обернётся...

— Возвышенно, — сказал Шульгин, опять закуривая, словно Штирлиц, для стимуляции специфического воображения. — Неужто сам так мыслишь или подобный психологический заход в набор стандартных программ входит?

— Мы эту тему, кажется, с самого начала обсуждали, — без обиды ответил Замок. — Впрочем, если ты всё же вернулся *туда*, то всё правильно...

Новиков, услышав эти слова, вдруг с удивлением ощутил, что на самом деле *поменялся*. Вот прямо только что. Ощущения стали ярче, впечатления от окружающего — непосредственнее, а воспоминания подёрнулись сепией времени, как фотографии на старинной бумаге «Бромпортрет». Механическое это вмешательство в его нервно-психическую деятельность или нечто вроде нейро-лингвистического программирования? «Вы бодры и веселы. Вы полны сил. Все ваши проблемы ничего не значат. Вы радостны, вы счастливы, вы здоровы!»

Не так грубо, конечно, но методика схожая.

Или всё же как с Натальей? Сначала Замок внутри себя её смоделировал, Воронцову предъявил для проверки степени соответствия, а потом эту идеальную матрицу на реально существующую, очень даже не идеальную женщину наложил. Внешность каким-то образом «подрихтовал», воспоминания подтёр, черты личности какие ослабил, какие усилил. А главное, внушил, что весь смысл её существования — это быть рядом с Воронцовым, верной женой и надёжной подругой на всю жизнь. А остальное, что она получила (Наталья ведь сама заметила, что спать легла самой обычной, перевалившей за всё те же роковые тридцать одинокой женщиной «нелёгкой судьбы», а проснулась доброй красавицей, в этот же день встретившей своего «капитана Грея»), — это как приложение к любви и награда за верность. Верность, тоже слегка придуманную. В настоящей жизни она отнюдь не мо-

нашествовала, но в зачёт пошло то, что в её памяти давнишний курсант Фрунзенки остался самым лучшим из всех бывших у неё мужчин.

А сейчас Замок начал манипулировать уже ими?

Впрочем, глупое слово, ставшее вдруг очень модным среди «кreakлов». Убедить человека, что правильнее служить и при необходимости голову сложить «за друга своя», чем сдаться в плен и пойти в полицаи, — это манипуляция?

Или манипуляция — это только когда «лоха разводят на бабки»? Но в любом случае очень многие на вид умные люди при любой попытке довести до них информацию, расходящуюся с общепринятой в их кругах, начинают тут же кричать о «манипуляциях». На самом деле речь идёт совсем о другом.

— Неужели вы так до сих пор и не поняли, что всё, что вы делали, в основном — по собственной воле...

— В основном? — тут же прицепился к слову Шульгин.

— Конечно, в основном. Часто обстоятельства вмешивались, но решения вы всё же сами принимали. Так я продолжу? Всё, что вы делали, в итоге оказывалось на пользу. Вам и людям. Те, что в Югороссии сейчас живут, могли бы вовсе не существовать, кто от голода и «испанки» умер бы, кто в эмиграции сгинул. А они благодаря вам живут, на благо Отечества и счастливо. Да и в оставшейся РСФСР сейчас получше, чем при «едином СССР». А это же вы создали те миры.

В Отечественную войну на сколько миллионов людей благодаря тебе, Андрей, и Берестину больше выжило? И насколько послевоенная история гу-

маннее будет? Ежова вовремя устранили... Сталину характер чуть поменяли... Не зря же его в нынешнее время даже на ГИП всё больше людей добрым словом вспоминают. И какого вспоминают? Тобой Андрей, и тобой, Саша, придуманного, а не того, что на самом деле жил. И так далее, по мелочи. Не могу сказать, что хоть где-то от вашего вмешательства стало хуже. С отдельными личностями, конечно, по-разному случилось, но история такими категориями не оперирует... Выходит, мы не ошиблись.

— Мы? — спросил Новиков.

— Мы, — согласился Замок. — Я и Антон. Перед тем, как Воронцова пригласить и в ваши разборки с агграми вмешаться, думали — стоит ли? Не лучше ли уничтожить изобретение Левашова, избавить тебя от общения с Ириной, вычеркнуть Берестина, застрявшего в парадоксе? Вся ваша литература утверждает, что самое главное — не допускать аборигенов до современных технологий. Ле Гuin, «Планета изгнания», и культовая — «Трудно быть богом»...

— Верно, — согласился Новиков. — Я когда «Трудно быть богом» прочёл, с нашим историком заспорил. Он тоже Стругацкими увлекался и с Руматой был вполне согласен. Нельзя, мол, лишать цивилизацию её собственного пути и выбора. Я его и спрашиваю: а как тогда с Монголией? С Киргизией, Казахстаном, Тувой? Мы ж их из самого глухого феодализма в социализм затащили, минуя целую историческую формацию, а то и две. Вооружили, свою систему управления установили, ненужным им наукам обучать стали, заводов понастроили и кочевников к станкам приставили, в космос запу-

стили — это можно? Он чего-то плёл-плёл, а потом закончил, как положено: «Не занимайся демагогией. Тут — исторический материализм, а там — фантастика»...

— И ты тут же вставил: «А там — базовая теория феодализма. Почему у нас «базовой социализма» нет?» — то ли спросил, то ли констатировал Шульгин.

— Верно, вставил. Но он на меня «стучать» не стал, махнул рукой и ушёл, прекратил дискуссию.

— Ну и почему же вы инструкции нарушили? — вернулся к исходной теме Новиков.

— Да потому что сами такие же. Антон среди своих «диссидент», за что и бессрочный срок получил, я... — тут он замолчал, не стал распространяться, но Сашка с Андреем вольны были догадаться, что на каких-то уровнях и Замок по отношению к другим... Замкам? Или иным каким структурам — тоже инакомыслящий.

— Молодцы. Значит — наверняка разумные существа, если поперёк инструкций и приказов идти умеете, — без всякой иронии сказал Новиков.

— Спасибо на добром слове, — поблагодарил Замок. — Решили мы, одним словом, оставить всё, как есть, и посмотреть, в какую сторону дела повернутся. Признаться, всем давно надоела эта бесконечная партия... Представляете — шахматная партия на тысячеклеточной доске, без ограничения времени.

— Представляем, — кивнул Шульгин.

— Не ошиблись мы, — со странной интонацией сказал Замок. — Намного интереснее стало. И не только нам. Главное — вы сумели ухитрить-

ся не использовать почти ничего, что могло бы кардинально перевернуть историю, точнее — её законы, и законы природы заодно. Почти всё время на краешке допустимого удерживались. Не повери-те — ни в одном из известных мне миров с таким не сталкивался.

— Так это ж не мы такие идеальные, — за-скромничал Шульгин, — это, наверное, просто национальный характер в его идеальном воплощении...

Новиков, не сдержавшись, хохотнул. Разговор получался интересный, и спешить было совершенно некуда. Что ли, пива какого-нибудь суперкласса взять, прямо из пивоварни? Впрочем, это успе-ется, лучше разобраться прежде, к чему Замок сей симпозиум затеял. Многолетняя привычка — страх опоздать. Неизвестно куда, неизвестно зачем.

— Ты тоже по собеседникам соскучился? — спросил Андрей. — Или действительно дело есть? Может, мы сейчас в чужие забавы зря ввязываемся? Фёст с Секондом, и кому ещё интересно, пусть про-должают, а мы в сторонку отойдём? На «Призраке», как собирались, вправду сплавляем кругосветку... А у них... Дайяна вот в игру на нашей стороне включа-ется. Девочек её полторы сотни, со всеми своими умениями и способностями такие интриги завер-теть могут... Что там Сильвия с Ириной...

— Не торопись. Каждому своих забот хватит. А вы, раз к собственному миру прикоснулись, до-вели бы дело до конца...

— До какого конца? Двусмысленно звучит, не находишь?

— До естественного. Наверное, с детства пом-

ните слова товарища Сталина. После пятьдесят шестого года вдруг забыли, что это он сказал, но всё равно повторяли от имени Партии: «Социализм, так сказать, победил у нас полностью, но не окончательно, поскольку до тех пор, пока существует капитализм, возможны всякие варианты... Необходимо избавиться от капиталистического окружения...»

— Прав товарищ Сталин оказался, — мрачно сказал Шульгин, а Новиков начал вспоминать, действительно ли тот такое говорил или это потом уже придумали «спичрайтеры»? Впрочем, у Сталина спичрайтеров не было, он и речи и книги сам писал.

— Так ты нам что, предлагаешь заняться реставрацией социализма? — удивился Андрей, так и не вспомнив. — Не потянем, точно знаю. Нету, как говорится, непримиримого конфликта между производительными силами и производственными отношениями. А также и «партии нового типа», способной возглавить такое мероприятие. А без партии — никак. Братство не потянет... — повторил он слово, очень в данном случае уместное.

— Нет такого у меня в мыслях, — если бы у Голоса были руки, он бы возмущённо замахал ими. — Социализм должен вырваться в недрах общества, а не экспортироваться извне. Сами видите, как некогда осчастливленные братья не только к социализму, но и к вам ко всем, к России относятся. Идея моя прямо противоположного характера. В рамках прямого противостояния социализма и капитализма социализм не выстоял. Почему — сейчас обсуждать не будем. А если наоборот? Сначала стать сильнее

всех на свете, а потом уже посмотреть, способен ли капитализм выстоять «во враждебном окружении».

— Во враждебном — это в чём?

— В вашем. Почему вы никак не можете выйти из дилеммы — капитализм-социализм? Создайте новую формацию, в которой вы окажетесь сильнее...

— «Что будет после коммунизма?» — мы дискутировали об этом в десятом классе, пока диспуты ещё поощрялись, — сказал Шульгин, но в глазах его что-то блеснуло. Замок сумел его зацепить...

— Сарториус старается возвратить феодализм, точнее — неофеодализм, — как бы продолжая мысль друга, сказал Новиков.

— Он может стать вашим помощником, — ответил Замок. — И Катранджи тоже. Всё, чем занимаются они, — это *Не-капитализм*, а значит, до поры до времени они на вашей стороне. А чем будет новая формация — я и сам сказать не могу. В тех мириах, что я знаю, не только законы физики другие, там и марксистское понимание истории отсутствует, как и сама история...

— Интересно. — Новикову немедленно захотелось выяснить, как может выглядеть мир, где не существует истории, пусть и не марксистской, пусть по Ясперсу или Тойнби... Но он решил, что актуальное сейчас другое. — Интересно, но я всё равно не врубаюсь, на что ты нас сейчас толкаешь...

— Вы же занимаетесь сейчас вместе с Фёстом и Сарториусом Ойямой и вообще Америкой?

— Так... Но...

— И ваша конечная цель?

— Как будто ты не понимаешь. Предотвратить

войну. В идеале — добиться полного равноправия. Как у Высоцкого «И что нам с Америкой драться? Левую нам, правую им, а остальное — китайцам», — улыбнулся Шульгин, вспомнив песню времён «культурной революции» и советско-китайского конфликта.

— Не получится. Америка с Россией на равных сосуществовать не могут. Россия бы смогла, но они — нет. А главное — не захотят. Вывод?

— *Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*¹, — словно на уроке латыни в институте отрапортовал Шульгин с великолепным произношением уроженца Палатинского холма. Восьмидесятилетний преподаватель-полиглот Василий Михайлович был бы доволен.

— Верно. Катон в конце концов своего добился. А вы чем хуже?

— Ну, я не знаю. Задачка сложновата будет, — ответил Новиков, соображая, что именно хочет от них Замок. Америку он мог бы уничтожить и сам. Ещё до её возникновения, ему это раз плюнуть.

— С какой стороны посмотреть. Я ведь не зря вам напомнил, что вы очень деликатно пользовались оказавшимися в распоряжении артефактами. В основном как средством транспорта, аптечкой «Скорой помощи» и бесплатным супермаркетом. Верно?

— Куда вернее. С одной стороны, опасались, как бы чего не вышло, а с другой — неспортивно

¹ «Кроме того, я считаю, Карфаген должен быть разрушен» — слова римского цензора Марка Порция Катона-старшего, которыми он заканчивал каждое своё выступление в Сенате.

как-то. Что за интерес велосипедную гонку на мотоцикле выиграть или значок альпиниста перед строем получать, поднявшись на Эльбрус вертолётом? — подтвердил Андрей.

— А если противник в засаде с пулемётом, а ты из спортивного интереса желаешь его працой поразить, как Давид Голиафа, хотя «Шмель» под рукой имеется? А рота на голом поле лежит и ждёт, попадёшь ты пулемётчику в лоб или он тебя положит, после чего начнёт твоих бойцов на выбор крошить, очередями и одиночными...

— Научился образно выражаться, — покрутил головой Шульгин и снова потянулся за сигаретой. — Я тебя правильно понял: «Мочите их всех, а я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью»?

— Мне с самого начала очень нравился твой стиль мышления. Иначе бы и начинать сотрудничать не стоило. Подумай сам — в состоянии сейчас нынешняя Россия при нынешнем руководстве и экономическом положении без войны поставить Америку на колени вместе со всеми её союзниками? — Замок как бы даже усмехнулся.

— Сомневаюсь, — вместо Шульгина ответил Новиков. — Думаю даже, что и теперешние противники Америки перебегут на её сторону, когда увидят, что вся мировая конструкция рушится. О чём останется мечтать угнетённым неграм Африки и московским интеллигентам, если исчезнет морковка перед носом? Выйдет — не выйдет, а надежда есть: вырваться из своей Уганды или «Рашки», переплыть океан, получить грин-карту, сесть на велфер и любоваться прибоем в Майами. Не

станет морковки, и что? До конца дней махать кет-менём на плантации, сидеть в офисе и сознавать, что именно ты «тварь дрожащая», и никакого «пра-ва» не имеешь и иметь не будешь...

— Совершенно верно. А раз Россия сейчас выиграть не может и Запад с ней не справится, то в лучшем случае сохранится зыбкое равновесие, «мирное сосуществование» до очередного «кубинского кризиса». Значит, вопрос надо решать кардинально. Всего-навсего использовать возможности Братства, оно у вас теперь вполне солидно допустило, а главное — всю вашу технику по полной программе. Сколько раз вы между собой обсуждали: «А что, если...»? — Замок опять «усмехнулся».

Новиков согласился, что да, обсуждали и не раз признавали, что почти любую проблему, встающую перед ними, вообще перед человечеством, способны решить с помощью СВП, дубликатора, Шаров и блок-универсалов. А их, с присоединением к Братству Дайяны и её контингента, у них теперь уйма. Андрей даже не знал, сколько именно, но несколько сотен — точно. Да роботы Валгаллы. А это значит... На самом деле хоть с Америкой, хоть со всей Землёй сразу можно сделать что угодно. Можно. А дальше?

Случайно ли и аггры, и форзейли, и сам Замок бог знает сколько столетий использовали только «Стратегию непрямых действий». Значит, предвидели непредсказуемые последствия и опасались их.

— А ты об этом не беспокойся. Как раз сейчас опасаться нечего. Я просчитал — это самый без-

вредный на данный момент вариант. Вы можете и угрозу войны ликвидировать легко, и всю мировую карту перекроить — сил хватит. Возьмёtesь?

— Взяться — проблем нету, — привычным жестом снова пожал плечами Шульгин. — Сколько раз нас Антон так разводил. Теперь ты лично взялся. Антону не доверил вербовку?

— Какая вербовка? Я вам разве что-то необычное или бесчестное предлагаю? Вы же без моего совета, как только вернулись, сразу в эти дела сами полезли. Довели ситуацию до кризиса...

— В чём кризис? — тут же спросил Новиков, просчитывая в уме свои последние действия и прогнозируемые последствия. — Ходов на пять-шесть вперёд партия смотрится хорошо. Конечно, если на той стороне играет Алёхин или Капабланка...

— А если просто сумасшедший? Или авантюрист вроде Остапа? Наберёт полную горсть фигур и... — Замок не хуже самого Андрея умел доводить до финала невысказанную мысль собеседника.

— Вариант, — согласился Новиков. — Так кризис-то в чём?

— Ойяма не справится с ролью. Всей помощи, что вы запланировали, не хватит. От покушений вы его прикроете. Сарториус подключит все свои каналы. И — без ощутимого результата. То есть, конечно, в пределах своей компетенции он сделает всё, что вы прикажете, но выстраивающаяся реальность уже за пределами его и всей его организации компетенции. У них же не получилось переиграть вас и ликвидировать Олега?

— Не получилось, — согласился Шульгин. — А мы ведь действовали только «в пределах возмож-

ности». Разве что корниловцев послали на помощь Великому князю «через два мира». Остальное — чистый реализм.

— И у вас «в пределах возможного» не получится. США — это ведь не Третий рейх какой-нибудь, и не СССР даже. У них я даже не знаю, что за личностью нужно быть, чтобы двухсотлетнюю «программу» поломать. Вы у дуттуров побывали. Всё поняли?

— Многое...

— Основное постигли — там с Высшими вы что-то решать можете, а с низшими — никак. Инстинкты убеждением не перебьёшь. Так и американцы. Как только их президент начнёт делать «не то» и его даже поддержат какие-то силы, у всех остальных включится другая программа, замкнутая, скажем, на «Билль о правах». Или на прецедент времён войны Севера против Юга. И получите вы гигантское гуляйполе с никому не подчиняющейся армией, сотнями баз по всему свету, с ядерным и термоядерным оружием. И...

— Я понял, — сказал Новиков. — Значит, если мы имеем дело с огромным роем человекообразных насекомых, нужно парализовать нервные узлы у каждого, не вступая в дискуссии?

— Образно говоря — так. Но как это будет выглядеть на практике...

— Я уже почти знаю, как, — встал с кресла Шульгин, как бы подчёркивая этим свою готовность и решимость. Походкой Юла Бриннера подошёл к бару, в его же манере налил две оловянные стопки виски. Толчком руки послал одну вдоль стойки, указал пальцем на неё Новикову.

Андрей тоже подошёл. Ему было интересно, что за ход изобрёл Сашка. Наверняка способный удивить даже Замок. Какая он ни суперличность с бесконечным объёмом памяти, а наверняка до полноценного Держателя, а может, даже и Кандидата в чём-то недотягивает. Иначе зачем бы он всё время возвращался к ним со своими идеями, не реализуя их лично. Не хватает ему самой некоей малости, чтоб ощутить себя на равных с человеком. Так здоровенный мастиф или «кавказец» без труда может загрызть любого человека, но под правильным взглядом успокаивается, прижимается брюхом к земле и дружелюбно машет хвостом.

— Только скажи сначала, как дальше быть с «Мальтийским крестом» и всем к нему относящимся?

— А в чём вопрос? Пусть всё идёт, как идёт. Ваши товарищи с Англией разобраться сумеют, а когда вы здесь закончите, объединение ещё легче пойдёт...

— Ну, тогда хорошо, — согласился Шульгин и выцедил свой «золотоискательский» стаканчик. — Мы с Андреем сейчас пойдём к себе, отдохнём немного и какой-никакой *плантик* набросаем. Нельзя же сразу, с бухты-барахты. Я так думаю, Ойяма, Лютенс, Арчибалд пусть всё, что мы уже наметили, делают. А мы из-за плеча станем партнёрам в карты заглядывать и прикуп менять, по обстоятельствам. Я всё же не люблю оглоблей крошить, когда можно финкой обойтись. А всё, что нужно, мы сделаем, не беспокойся. Только по-своему, ты уж извини...

— На это я, как вы наверняка догадались, и рас-

считываю, — снова изменившимся, спокойным и даже чуть-чуть просительным тоном ответил Замок. — Вам ведь только направление обозначить нужно, верно?

— Бывает, что и с «обозначением» не всегда хорошо складывается. «Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону»¹, помнишь? Но мы постараемся не заблудиться...

---

¹ Страна из песни «Матрос Железняк», 1935 г. Композитор М. Блантер, слова М. Голодного.

---

*—————

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

алеко Воловича не отправили. Десять маршей вниз по широкой чугунной лестнице с ажурными ступенями, накрытыми ковровой дорожкой, и изящными перилами в стиле «модерн». Но пролёт на уровне каждого этажа перекрыт частой металлической сеткой. При страховом обществе «Россия» такого не было, это уже новые хозяева устроили, чтобы, значит, подследственные вниз головой не бросались, уклоняясь таким способом от справедливого наказания пролетарского суда. А то поначалу имели место «прецеденты». Сам Савинков ухитрился, правда, не в пролёт бросился, а в открытое окно шестого этажа. Так с тех пор окна тоже снабдили небьющимися стёклами и следят, чтоб в основном запертыми были.

Десять маршей — это пять этажей, значит. И на первом — довольно просторная площадка, массивная дубовая дверь вправо, в общий коридор, а влево — тоже тяжёлая, прочная, но без резьбы и накладных украшений. За ней — явно недавно изготовленная, без всяких декадентских изысков решётка, причём не сварная из арматуры (это Михаил машинально отметил), а собранная из довольно небрежно выкованных прутьев квадратного се-

чения и полос в два пальца шириной, сквозь которые прутья были продеты. Что скажешь — тюрьма всё же, а не Оружейная палата, и век двадцатый в самом начале, весь пронизанный пережитками девятнадцатого и восемнадцатого тоже.

За решёткой вниз вела лестница уже обычная, каменная, с простыми перилами.

Сопровождающий нажал белую фарфоровую кнопку звонка в простенке между дверью и решёткой, после чего та не открылась автоматически, как ждал Волович. Видимо, это был просто условный сигнал, чтобы, к примеру, охрана не начала стрелять без предупреждения. Немолодой конвойный с четырьмя треугольниками в петлицах достал из кармана приличных размеров ключ, похоже, тоже кустарной работы, трижды провернул его в накладном, большом, как том энциклопедии, замке.

Волович вздрогнул. Верно писал кто-то: «Лязг тюремных запоров ни с чем не спутаешь и никогда не забудешь». Второй раз он вздрогнул и испытал приступ тошноты, когда за ним закрылась дверь камеры.

Вот и убедился он на личном опыте, что столь презираемый им «русский народ» гораздо более креативен, чем весь цвет «объединённой оппозиции», теперь уже «бывшей». «От сумы и от тюрьмы не зарекайся» — когда ещё догадались предки о наличии такой закономерности и облекли её в литературную форму. До сих пор к себе он эту поговорку не примиривал, да и вспоминал её не часто. Уверен был, что уж кого-кого, а «самого Воловича» власть тронуть не посмеет. Американский посол не

позволит. А вышло всё не по его, а согласно народной мудрости.

В «приёмном покое» его даже обыскивать не стали. Чего ради? Вешаться или вены вскрывать захочешь — дело хозяйственное. Без тебя здесь жили и дальше проживут. Чего-то, пригодного для рывья подкопа сквозь полутораметровые стены фундамента, в кармане не пронесешь. Это только в романе Хмелецкой героиня творит чудеса с помощью заколок и роет тоннель пилочкой для ногтей. И вообще новичок пока что не осужденный, не подследственный и не административно-арестованный, а так. Постоялец.

Корпусной¹ выдал ему тонкий, но почти новый матрас, набитый ватой, две серые простыни, тоже ватную подушку размером чуть больше среднестатистической головы в профиль, синее колючее одеяло с жёлтой надписью «ноги» с одного края. Забота, однако, а также указание на то, что предшественники могли, в большинстве своём, ложиться под это одеяло без простыни, с неизвестно когда мытыми ногами.

Впрочем, когда, кривясь от брезгливости, Михаил спросил: «А насекомых у вас тут нет?» — надзиратель глянул на него коротко и недобро:

— У нас — нет. А у тебя — сейчас проверим.

И Воловича отправили в так называемый «санпропускник», где фельдшер предпенсионного воз-

¹ Корпусной надзиратель — одна из низших должностей в системе тюремного ведомства, что-то между рядовым и сержантом. Ниже «корпусного комиссара» на пятнадцать ступеней, при сходстве звучания обозначается максимум одним треугольником, а не тремя ромбами.

растя с тремя кубиками в петлицах велел ему раздеться догола, грубо, но быстро и сноровисто, как цыган лошадь на базаре, осмотрел, и в рот заглянул, и в другие места. Ткнул пальцем в свисающий волосатый живот.

— Так и запишем — «зеркальная болезнь». Нуждается в казённой диете. Семён, — без паузы крикнул фельдшер, и на пороге возник парень явно из заключённых, судя по манерам — не исполняющий наряд, а пристроившийся здесь на постоянную должность.

— Как обычно. Постричь, побрить, если что — политанью¹ смазать. Мыла ему дегтярного плесни и ветошь кинь какую-нито. А ты, слышь, — повернулся он к Воловичу, — на волю передай, чтоб мыла хорошего прислали, мочалку, полотенце. А то у нас здесь не Сандуновские бани с пивом и девочками... Из собачки мыло-то у нас, дохлой причём.

Захохотал собственной шутке и тут же потерял к пациенту всякий интерес. Не стесняясь, полез в медицинский шкаф в углу, нацедил в мензурку прозрачной, характерно пахнущей жидкости.

— Это не тебе, — уловил он взгляд Михаила. — Ты своё надолго отпил, если, упаси бог, не навсегда...

Теперь журналист, выбритый «везде», распространяя вокруг себя действительно жутковатый аромат грязно-серого мыла и напоминающей об аде

¹ Политань — жаргонное наименование серо-ртутной мази, применявшейся в первой половине прошлого века для лечения сифилиса, других кожных заболеваний и чаще всего — против лобковых вшей.

и всём ему сопутствующем лечебной мази, сидел на узкой шконке, опершись локтями о железный, покрытый жёлтым линолеумом столик под полукруглым окном у самого потолка. Через частую решётку были видны край асфальтированного приямка, краснокирпичная стена и узкая, ровно в ладонь, полоска голубого неба над краем крыши. Да и то, чтобы увидеть эту полоску, надо было присесть и сильно вывернуть вбок шею.

Сама же камера была размером чуть-чуть больше вагонного купе. Как раз настолько, чтобы на цементном возвышении поместилась «чаша Генуя»¹, сильно пахнущая хлоркой, и медный водопроводный кран над полукруглой раковиной с обколотой эмалью.

Михаил тихо плакал, вспоминая об унижениях, пережитых в течение этого, так хорошо начавшегося дня, и думая о том, что ждёт его впереди. Вдруг да и придётся сдохнуть здесь, то ли завтра, то ли через много-много лет, и никакой аббат Фария не придёт скрасить его одиночество.

Слёзы текли по пока ещё полным и гладким щекам, попадали на губы, он чувствовал их вкус, но не вытирал глаз. Со слезами, говорят, горе быстрее уходит.

Действительно, минут через десять жизнь ощутимо повернулась к лучшему. Брякнула дверца «кормушки», и в камеру заглянул надзиратель.

¹ Чаша Генуя — изобретённый в XIX веке прототип унитаза в ватерклозете. Чугунная чаша с отверстием и рифлёнными площадками для ног. Над нею сливной бачок-автомат, спускавший воду без участия человека, по мере наполнения. В некоторых старинных зданиях встречается до настоящего времени.

— Фамилия? — заученно спросил он, хотя только что сам записывал Михаила в толстую амбарную книгу химическим карандашом.

Волович назвался.

— Инициалы полностью. И вставать надо, деревня, когда к тебе обращаются. Ну ничего, научишься ещё. На шконке днём сидеть можно, лежать нельзя. Тоже запомни. Передать тебе велено... — Он протянул в окошко коробку папирос, такую же, как лежала на столе у Агранова, и коробок спичек, непривычно большой, не картонный, а из тонкого шпона. С красной надписью «Доброфлот» и изображением кособокого биплана. И спички в нём были втрое толще обычных, с крупными красными головками. Терка на боках коробка похожа на наждак. Видать, фосфорный состав требует куда больше энергии для воспламенения, чем почти веком спустя...

— Слыши ты, Волович, — как-то понизив голос, сказал надзиратель, — дай папироску попробовать. Дорогущая, нам на такие не разориться. Только ты смотри молчи, что я просил. Сам угостил, и всё. А за мной не заржавеет, не боись. На прогулку пойдём, я на часы особо смотреть не стану...

«И здесь коррупция», — привычным штампом подумал Михаил и тут же сообразил, что вещь-то эта в его положении очень даже неплохая. «Коррупция» в смысле. Я тебе — дарёную папироску, ты мне — лишние полчаса прогулки. А если б строго по правилам всё — кому от этого лучше?

Корпусной удалился, чтобы покурить «господскую» папиросу сидя, со всей неторопливостью. Десять лет «пролетарской» власти для него ничего

не значили. Как были «чёрная кость» и «господа», так и остались. Кто-то из первых превратился во вторых и наоборот, иные остались при своих. Видел он бывших жандармских ротмистров с нынешними «шпалами» и ромбиками. А он, надзиратель с двадцатилетним стажем, как сторожил, кого пришлют «сверху», так и сторожит. И его уж точно с сидельцем хоть из восемнадцатой, хоть из любой другой камеры местами не поменяют.

Следующий раз, когда толстяку «настоящую» передачу принесут, нужно будет намекнуть, чтоб целой коробкой поделился. Хороши папироски, в меру крепки и духовиты.

Выкурив две папиросы подряд и слегка успокоившись, Волович начал размышлять конструктивнее. Что случилось — случилось, теперь надо в этой жизни устраиваться. Даже и в тюрьме одни живут хорошо, другие так себе, трети — совсем плохо. И Шаламова он читал, и Солженицына. Других — тоже. Правда, те о лагерях писали, а здесь — следственная тюрьма. «Внутрянка». Особо не развернёшься. Хотя, слышал он и такое, — специальных соседей в чужие камеры подсаживают. Когда из заключённых «стукачей», когда «сотрудников». Или просто послушать, о чём люди говорят, или на психику в интересах следствия повлиять. Выгоду и здесь получить можно. Правда — и это он тоже слышал — убивают иногда таких «наседок», так совсем дурных, наверное. Кто его здесь, с такой внешностью и такими манерами, за банального стукача примет?

Но это — предложить должны. Самому напрашиваться — заведомо продешевить.

Тут же мысль соскользнула на параллельную

тему. «Продешевить» — это из области товарно-денежных отношений. А как тут вообще с этим? Кроме одной-единственной двадцатидолларовой бумажки из «параллельного мира», у него не было совсем ничего. Ни часов золотых (их теперь Агранов, наверное, носит), ни обручального кольца. Если даже на волю выйдешь — двадцать долларов не деньги, новую жизнь с ними не начнешь...

И вдруг Михаила как кувалдой по голове стукнуло! Какие двадцать долларов, о чём он?

Те, что он на Столешниковом утащил и Лютенсу показывал, — да, из «другого мира»! Но — этого ли? Там уже двадцать первый век идёт. И история двадцатого какая-то другая. Насколько он успел узнать, никаких «двух России» и красного диктатора Троцкого в мире Вяземской и её подруг не было. Император был. Олег Первый. А здесь — наша «настоящая» история, персоны всё известные, просто небольшая развиличка на исходе Гражданской войны образовалась. Так с какого же... здесь та бумажка из «будущего» деньгами окажется?

Волович, торопливо докурив и бросив окурок на пол (пепельницы ведь не дали), снял туфлю, извлёк из-под стельки вчетверо свёрнутую купюру. Развернул, просто так уже, для очистки совести.

Стоп! Это что такое? Денежка была явно не та. Ту он тщательно рассматривал, и сам, и с Лютенсом. А эта походила на прежнюю только размером. Цвет — серовато-белый. Дизайн — примитивный, можно сказать. Как на коленке делали. Никакого президентского портрета, даже просто картинки какой-нибудь, типа как на евро — нету. На вексель банковский больше всего похоже. Но — номинал

тот же — двадцать! И вот написано — «Подлежит размену на золото по цене 0.1 тройская унция за один доллар САСШ». Это ж что получается? Подменили купюру, когда сюда выбрасывали? Позабочились, чтобы был у него капитал, основной и оборотный? Не просто мстили, значит, а операцию внедрения проворачивали? Оч-чень интересно!

А второй вариант? Если в квартире на Столешниковом — выходы в три разные реальности, и в совершенно одинаковых кабинетах стоят одинаковые секретеры, но набитые разными валютами, «имеющими хождение» за пределами этого странного помещения, так, может, при переносе Воловича и деньги под нужную реальность подстроились? Автоматически. Или — магически.

Абсурд вроде бы. А всё остальное — не абсурд?

Лучше вот что прикинем. Если это — настоящие здешние деньги и «Торгсин» их принимает, как упомянул Ляхов и как описано у Булгакова, например, то какой выходит курс?

Насколько Волович помнил, царский золотой рубль содержал что-то около ноль восьми десятых грамма. Советский золотой червонец нэповских времён — старому был равен. Весил, значит, тоже восемь граммов. Будем считать — и здесь так же. Зачем иначе? А тройская унция — это примерно тридцать два грамма? Тогда один доллар — три и две десятых. Значит, какой получается курс? Да, почти три доллара за червонец. Двадцать долларов — почти семь золотых. Само по себе звучит. Но, не зная текущих цен, нельзя понять, много это или мало. А чего гадать-то?

Перевернул папиросную коробку. Всё есть, мар-

ка, где изготовлены, когда... Ишь, ты! Ростов. Дон-табак. Товарищество на паях. Ну да, Ростов ведь здесь вроде у белых? Импорт, значит. Да и откуда в средней России хорошему табаку взяться? Самосад да махорка. А вот цена не указана. Ну да, конечно, НЭП, свободное ценообразование...

Постучал в «кормушку» на двери.

— Эй, корпусной...

Послышались неторопливые шаги.

— Чего вам?

Ишь ты, на «вы» теперь, значит. Тоже хорошо.

— Возьмите, любезнейший, ещё папироску. Даже две. Только подскажите, совсем запамято-вал, сколько такой «Дюбек» сейчас стоит? Я вообще другие курю. Вроде и незачем знать, а зудит... В тюрьме о чём только не думается.

— Это верно, — согласился надзиратель, прихватывая из коробки три. Мол, кто считает.

— Чего ж не подсказать, подскажу. «Дюбек», значит, этот — сорок, смотря, где брать. Да тут только за коробку с бумажками золотыми — полцены. А в россыпь не продаются. Заграничный товар, чего хотите? Желаете, как сменюсь, приобрету для вас? И курева, и чего там ещё нужно. Если денег дадите. Да вы не сомневайтесь, у нас без обмана. И инструкция позволяет. Если не изъяли — можешь тратить, на запрещённое нельзя, да. А так можно...

Волович отметил разговорчивость надзирателя. Вроде б ему по должности молчать больше полагается. А с другой стороны — правила внутреннего распорядка разъясняет. Обязанность, наверное.

— Денег нет пока. Но, может, с воли передадут. Дозволяется?

— Можно, если не «лишенец» вы. Пять рублей в месяц можно.

— Благодарю. А сколько, к примеру, сейчас самые дешёвые папиросы стоят? Я, сам понимаешь, дешёвых не курил, а сейчас... Пятёрка всего, говоришь, в месяц. Не разгуляешься.

— Можно и разгуляться, — хмыкнул надзиратель. — Смотри, к чему кто привык. У меня вон жалованье — двадцать шесть целковых с двугривенным. Да двенадцать за выслугу. При казённой кормёжке и одёже. Вот и считай — что много, что мало. А папиросы самые дешёвые — рассыпные «Ира» — три копейки десяток. Только горлодёристые больно, и табак сыпется. А если для экономии, но чтоб вкус хоть какой — «Север» рекомендую. Сам их курю. За полтину сотня. А если кто уважает — махорка. И духовито, и карману не накладно. Копейка — четверть фунта.

«Чёрт его знает, — подумал Волович, — пропрёт — и до махорки скатимся. Копейка всего!».

— Спасибо, уважаемый. А прогулка у нас когда?

— Прогулка вам сегодня не положена. Только завтра. Когда сопроводиловка с литерой режима содержания придёт. А пока просто отдыхайте. Ладно уж, до отбоя разрешаю на шконке полежать. Только если услышите — засов на входе гремит, — сразу вставайте. Налетит проверка со шмоном, то есть — карцер могут прописать. А мне — замечание. Совсем нам это не надо.

Надзиратель оглянулся, хотя в коридоре никого не было, и ещё понизил голос:

— У нас в случае чего и водочкой разговеться можно. Но только в выходной, когда на допросы не зовут и проверок не бывает. Целковый бутылка.

Волович удивился странному соотношению цен на табак и спиртное. Но спросил иначе:

— А чего ж так дорого-то?

Ясно, что надзиратель цену загоняет «по обстоятельствам», а настоящая-то какова?

— За риск, барин, да за услугу. Как в кабаке хорошем — вдвое от магазинной. По-божески, я так считаю...

— Да-да, по-божески. Но пока денег нет, говорить нечего...

— Тогда отдыхайте, барин.

Михаил с облегчением улегся на жесткую шконку и принял размышлять о причудах нэповского ценообразования и тюремной экономики. Надо же — главная тюрьма страны, а такие вольности! Впрочем, он вспомнил: двадцатые годы, после конца Гражданской, вообще были достаточно вегетарианскими. На Соловках вон, журнал зэки издавали, и подписаться на него можно было в любой точке страны. И, тоже читал у кого-то, там передовикам и политическим в лагерном ларьке водку по выходным продавали.

Просидел в своей камере Михаил ровно трое суток, бросаясь, словно циклотимик¹, из отчаяния в надежду и обратно. Часто плакал от жалости к себе и несправедливости этого мира, вдруг повернувше-

¹ Циклотимия (циклофrenия, аффективный психоз) — то же, что маниакально-депрессивный психоз, заболевание, характеризующееся аффективными нарушениями, возникающими периодически в форме сменяющих друг друга маниакальных и депрессивных фаз. Обычно эти фазы разделяются периодами ремиссии, иногда весьма длительными, но описаны случаи, когда фазы чередуются без светлых промежутков. (См. соотв. литературу.)

гося к нему своей омерзительной харей. Будто забыл, что неоднократно в своих статьях и выступлениях в «той жизни» неистово хаял безвыходность российской действительности, то болото, в которое погрузилась страна и выбраться из которого поможет только очистительный огонь всенародного бунта. Неважно, что «бессмысленного и беспощадного», главное — единственno способного смести ненавистную власть.

А иногда ни с того вдруг веселел, убедив себя, что терзания его долго не продлятся, ибо справедливость на земле всё же есть и такой человек, как он, не только не сгинет в пучине безвременя, но будет возвышен и чем-нибудь облечён, а враги, на-против, *посрамятся и расточатся...*

Раньше никогда бы он не поверил, но на второй день вдруг вспомнил знаменитую «молитву Серафима Саровского»¹ и твердил её часами, до полного отупения.

На допросы его отчего-то не вызывали, хотя прочих соседей по коридору — постоянно выводили. С шести утра и до отбоя по коридору гремели сапоги конвойных и гораздо более тихие шаги подследственных. Голосов почти не было слышно — надзиратели говорили шёпотом и в основном — внутрь камер, через кормушки, чтобы остальные не слышали. А заключённым на переходе между камерой и кабинетом следователя запрещалось не толь-

¹ «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Согласно наставлению св. Серафима, эту молитву следует творить круглосуточно, на параллельной, так сказать, «дорожке сознания», независимо от того, что ты при этом говоришь и о чём думаешь.

ко говорить, но и поднимать глаза выше задников сапог идущего впереди «выводного».

На прогулки Михаил ходил в специальный загон на крыше, обнесённый решёткой, перемотанной колючей проволокой. Домов выше «Лубянки» поблизости не было, разве что с колокольни «Иван Великий» в бинокль можно было бы сам этот забор рассмотреть, а за ним — просто смутные колеблющиеся тени человеческих фигур. Гулял он всегда один, час перед обедом и полтора, а то и два перед ужином.

Кормили в принципе сытно, но пищей, какой Волович не ел, считай, никогда. Припахивающие гнильцой мутные щи из квашеной капусты и прошлогодней картошки, перловая или гречневая каша с кусками хрящей и отдельными волокнами неизвестно чьего мяса. Чёрный, кисловатый хлеб, далеко не «Бородинский», фунт к обеду. Утром и вечером ещё чай, жидкий, конечно, но с куском рафинада в половину спичечной коробки. Хочешь — в кружку бросай, хочешь — так грызи. И опять тот же хлеб, но — по полфунта.

Папирос ему больше не передавали, и на второй уже день красавая жизнь кончилась. Раз или два удавалось стрельнуть у корпусного тот самый «Север», просто так, а на третий мужик предложил сменять на две папиросы пустую коробку от «Дюбека». Михаил сначала удивился, потом вспомнил из читаных книг, что в нынешние времена, да и попозже такие коробки, как и спичечные этикетки, имели у пацанов определённую меновую стоимость. Вот и этот решил подарок детям или внукам сделать. А что — вещь! Одна золотая фольга как

красиво блестит и шуршит! Волович не растерялся и запросил пять. Корпусной помялся, но согласился.

Довольный первым коммерческим успехом в этом мире, журналист растянулся на шконке и не спеша закурил, растягивая удовольствие. Дрянь порядочная, если вспомнить тот же «Давидофф», но куда денешься, если «уши пухнут»?

После завтрака четвёртого дня замок камеры лязгнул в неурочное время.

— Волович? — соблюдая ритуал, уточнил корпусной и, убедившись, что клиента за минувший час не подменили, объявил: — На выход. С вещами.

«С вещами» — значит, сюда он больше не вернётся. На волю, на этап или в расстрельный подвал, как повезёт, но данный жизненный цикл завершился.

Вещей у Михаила не имелось никаких, но ритуал есть ритуал.

Идя по коридору, Волович посетовал, что не оказалось в тюрьме «бытовой комнаты». Его кое-как выстиранный, жёваный костюм очень бы неплохо было проутюжить как следует, глядишь, прибавилось бы респектабельности. А так — не бомж, не бродяга, а чёрт знает что. «Бывший интеллигентный человек», как раньше выражались, коротко — «бич».

Ничего не объясняя, вывели в передний, примыкающий к воротам «на волю» двор, не то чтобы втолкнули, но не очень деликатно подсадили в тюремный фургончик на базе какого-то здешнего «Форда» или «Ганомага», установленный на такие

хлипкие колёса со спицами, что было удивительно — как «это» вообще может ездить, не рассыпаясь на составные части.

Стенки у «чёрного ворона» были фанерные, правда, стянутые изнутри железными полосами. Но всё равно — не впечатляло, несмотря на то что на таких именно «самобеглых колясках» людей вполне успешно довозили до расстрельных полигонов. Или «полигоны» — это из другого будущего, сталинско-ежовского? Как бы там ни было, но Михаилу стало очень не по себе. Слегка успокоило, что сопровождающий сел вперёд, рядом с водителем, оставив «узника совести» наедине со своими страхами и этой самой «совестью», на узкой деревянной скамейке перед зарешеченным окном без стекла. Чтобы не задохся, наверное, и не угорел от выхлопных газов, которые ощутимо натягивало в «салон».

Ехали с полчаса. Экипаж нещадно тряслось на неровном булыжнике, сменившем брускатку центральных улиц. За окном тянулись ряды одно- и двухэтажных домов, причём среди вторых было много «комбинированных» — низ каменный, верх бревенчатый или из тёса, крашеного или простого, посеревшего от дождей и времени. Замоскворечье.

Волович плохо представлял, где в двадцать седьмом году кончалась Москва «с нижнего края». У Калужской заставы, кажется. А дальше что? Варшавское шоссе, Чертаново, Бирюлёво — в те времена глушь едва ли не домонгольская. Не зря улица, которой они сейчас ехали, называлась Ордынкой. Дорога в Орду, то есть!

Однако машина вдруг свернула направо, и Михаил увидел далеко впереди плохо гармонирующие

с прочим ландшафтом конструкции Крымского моста. Не доехая, свернули налево, примерно вдоль границ будущего Парка имени Горького (если его надумают здесь построить).

Проехали ещё с полверсты и остановились возле краснокирпичного пятиэтажного дома-громадины, похожего на гигантский сундук и за счёт высоты потолков сравнимый с современными Воловичу десяти-, двенадцатиэтажками. Дом был вплотную окружён всё теми же райцентровского вида строениями, на многих из которых видны вывески вроде «Моссельпром», «Мясная лавка», «Керосин и сопутствующие товары». Последнее слегка Михаила развеселило. Он все же был стилист. Какие товары сопутствуют керосину? Движки трактора «Фордзон-Путиловец»? Лампы? Фитили? Жестяные бидоны? Или бензин, лигроин, соляр, прочие продукты перегонки нефти?

Надо будет зайти, узнать, если представится возможность.

«Воронок» объехал дом по периметру и остановился у одного из подъездов.

— Выходи, — бросил конвоир, отпирая снаружи обычный висячий замок.

— И где это мы? — осведомился Волович, тщетно пытавшийся вспомнить, видел ли он здесь этот дом в своё время. Это сейчас он господствует над местностью, а потом мог и потеряться в новой застройке. Или — снесли. И не такое сносили в «эпоху реконструкции». Сухареву башню, например, храм Христа Спасителя. Хотя — зачем? Дом он и есть дом, добротный, стены кирпичей в пять, да, пожалуй, и больше. Века простоят.

— Третий Дом профсоюзов. А на верхнем этаже — общежитие сотрудников. Велено там разместить...

— Это что ж меня к сотрудникам вдруг причислили? — удивился Михаил. — Неужто заслужил? Без собеседования, без отдела кадров?

На отвлечённые темы конвоир, несмотря на рубиновый кубик в петлицах, рассуждать, очевидно, не умел.

— Ага, как же! Держи карман. Вот тут в пакете всё про тебя расписано. Кому надо — прочитают. А на словах сказано, что «поселяется под гласный надзор». Чтобы, значит, не заморачиваться. Всегда под рукой будешь...

Волович вздохнул. Надзор так надзор. Он помнил, что в «старое время» был ещё и «негласный». Но всё же по-любому не тюрьма. А, можно сказать, первый шажок вверх по неизвестно куда ведущей лестнице. Будет правильно себя вести — глядишь, в писари произведут. Хотя рукой он писать давно разучился, да и на «Ундервуде»¹ практики никакой.

Ладно, нужда научит.

Сам по себе «гласный надзор» оказался вещью совсем не страшной. Комендант общежития, бойкий румяный парень с лёгким акцентом коренного московского татарина: «Товарищ Хурматулин, можно просто Фёдор, Фетхулла вам не выговорить» — отвёл его в самый конец коридора, отпер крашенную ядовито-синей краской невысокую дверь. На

¹ «Ундервуд» — распространённый в начале XX века тип пишущей машинки. В разных модификациях выпускался с 1895 до 1959 г. Вспомнил именно о нём Волович, очевидно, по ассоциации с записками С. Довлатова «Соло на «Ундервуде».

жестяном овале номер — «77». Надо же — счастливый!

За дверью оказалась комната настолько странная, что Михаил сразу и не понял. От двери к полукруглому окну — проход метра четыре длиной и полтора шириной. Чуть выше, чем в рост человека. А по сторонам — крутые скосы, повторяющие форму крыши, по бокам от слухового окна¹ спускающиеся почти до самого пола. В одной из образованных скосом ниш, правой — казарменная тумбочка и узкая железная солдатская кровать, без всякой пружинной сетки. Просто на поперечных прутьях — настил в три доски, поверх — матрас типа тюремного. Правда, подушка попышнее, не пуховая, конечно, но и не ватная. С пером. И одеяло приличное, двойное байковое, оранжевого какого-то цвета, с синими полосками.

Слева в такой же нише — навесной фанерный шкафчик, фанерный же канторский однотумбовый стол и обшарпанный венский стул.

Чтобы лечь на койку, нужно сначала сесть на неё, потом повернуться и ноги вытянуть. Тюремная камера даже поудобнее была, полных двенадцать квадратов, успел шагами измерить, потолок хоть и сводчатый, но трёхметровый, а здесь полезной пло-

¹ Слуховое окно — вентиляционное окно с треугольной или полукруглой пристройкой на двускатных кровлях не-жилых чердаков, или осветительное для встроенных в чердаки жилых помещений по типу мансард. Считается, что название пошло от фамилии мастера Слухова, впервые применившего такие окна при постройке московского Манежа для вентиляции пространства над беззопорным потолком, чтобы избежать его тепловых деформаций.

щади восемь едва наберётся. А ходить — как трамваю по рельсам — от двери до окна и обратно.

— Что, не нравится? — весело спросил коменданта. — А на двенадцать коек номерок не желаете ли? Однако велено в отдельной поселить. И ещё удобно — сортир и умывальник как раз напротив, не придётся до другого конца полста саженей лупить, когда припрёт. — Фёдор весело рассмеялся. Похоже, его всё в этой жизни радовало. — И не воняет совсем, у нас чистота, в очередь все дневают. Твоя очередь не скоро дойдёт, аж в конце того месяца. Повезло тебе, тот, кто перед тобой здесь жил, — успел отдежурить. Ладно, пошли со мной...

В кабинете коменданта Волович получил две бязевые простыни и наволочку, с чёрными инвентарными номерами, оттиснутыми, наверное, Кузбасс-лаком¹, а также пропуск на вход в общежитие. Он уже обратил внимание, когда только вошёл, что у толстенной дубовой двери стоял часовой с кавалерийским карабином без штыка. Да и коменданта был при пистолете неизвестной Воловичу модели, в большой бурой кобуре толстой, почти подошвенной кожи.

— У нас строго. Раз ты не сотрудник, а поднадзорный — выход разрешён с семи утра, возвращение — не позже восьми вечера. Опоздаешь — на первый раз наряд вне очереди, потом можно и в карцер. Совсем ночевать не придёшь — найдут и обратно вернут, откуда привезли. Дошло?

¹ Кузбасс лак представляет собой раствор каменноугольной смолы в органических растворителях. После высыхания весьма прочен и водостоек.

Волович грустно кивнул. Имея в виду перспективу возвращения в тюрьму. А ночная московская жизнь его пока не интересовала.

— Да ты не бзди! — утешил его Хурматулин. — Жизнь у нас клёвая. А тебе так особенно. На службу неходить. Гуляй, жри да спи. «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон!»

Волович уставился на коменданта в полном изумлении.

— Чего пялишься? Думаешь, ты тут один умный, а прочие пальцем ковыряются? Сам знаешь, где. Я два класса медресе и три класса ремесленного кончил. Пушкина многое чего наизусть знаю. Теперь смотри сюда. Вот талоны на питание. — Он протянул с десяток скреплённых вместе листов голубой рыхловатой бумаги, из которой в давние, едва сохранившиеся в памяти времена делали билеты в кино. И с такими же отрывными полосками «Контроль» по правому краю. Даже с перфорацией. Но нанесённой вручную, специальным зубчатым колёсиком на деревянной ручке.

— Завтрак, обед, ужин. Время указано. И число. Опоздал — голодный. И назавтра не отоваришь. Померла так померла. — Снова жизнерадостный смех. — Столовая на первом этаже, со стороны Москва-реки. Вот это — талоны на махорку. Десять пачек в месяц. Бумага для закрутки — своя. Лучше всего — с отрывного календаря. Курительная — дорого. Газетная — горло дерёт, и вредно — свинца много.

Волович подивился такой заботе.

— И — вот тебе. От товарища Менжинского на мелкие расходы. Ежемесячное пособие.

Комендант протянул три жёлтые рублёвые бумажки, похожие на те, советские, только в два раза больше и вертикального расположения реквизитов.

— В каком смысле? — не понял Михаил.

— В том самом. Заботится о тебе председатель ОГПУ. Как раз месяц два раза в день на трамвае проехать хватит. Это рупь восемьдесят. Газету почитать захочешь — ещё по две копейки в день. Ну и попить вдруг в городе потребуется. Три стакана в день без сиропа или один — с сиропом «Свежее сено». — Фёдор опять чему-то засмеялся. — Из реки пить не советую, из уличных фонтанов — тоже. А ты же не верблюд, так?

Пришлось согласиться, что именно «не верблюд». В каком угодно смысле. И подивиться чётко отмеренной заботе Вячеслава Рудольфовича, товарища Менжинского.

— А здесь у вас КВЧ¹ есть?

— Есть, как без этого, — удивился комендант.

— Газеты, журналы получают?

— Обязательно. Названий не меньше десяти...

— Вот, выходит, тридцать копеек я уже сэкономил. На пиво, скажем. А?

— Хорошо сообразил, — хлопнул ладонью по столу комендант. — Только смотри, сильно не напивайся. Так-то можно, а на рогах приползёшь... Сотрудникам — гауптвахта, а тебе даже и не знаю. Карцера недельку можно отвесить? — предположил он.

¹ КВЧ — культурно-воспитательная часть в тюрьмах и лагерях в советское время. В гражданских учреждениях и воинских частях «Ленинские комнаты», «Красные уголки» или просто «читальни».

— Много на тридцать копеек напьёшься... — нейтрально сказал Волович.

— Да на Хитровке самогоном два раза в хлам нажраться можно.

— Два раза не выйдет...

— Почему? Как раз, — проявил знание предмета комендант.

— Один раз напьёшься, на второй раз денег не оставят. Отнимут, — вспомнил очерки Гиляровского Михаил.

— Тоже верно соображаешь. Тогда там купи, принеси, а здесь, дома, и выпьешь, чтоб никто не видел...

В общем, содержательно поговорили. Волович напоследок спросил: можно ли где-то здесь погладить костюм?

— Да, он у тебя, как из вошебойки. Рядом с сортиром бытовая комната. И сапоги почистить, подшиться, погладиться. Прям счас и иди. Утюги с утра, наверное, ещё горячие.

Таким образом, Волович узнал, что такое «паровой утюг», тяжеленное сооружение, раньше виденное только в Политехническом музее, да и то очень давно. Угли внутри на самом деле остыть не успели, и кое-как «интеллигент» справился с этим чудом технической мысли прошлого века, а не позапрошлого, как было бы ещё вчера. Поучил гладить через мокрую тряпку его совсем молоденький парень с двумя кубиками в васильковых петлицах, надравший пуговицы «Асидолом» через картонную полоску с прорезями, защищавшую сукно от ядовитой, резко пахнущей нашатырём мази.

Посмотрел на себя в зеркало, скривился от вида

остриженной «нулевой» машинкой головы и отсутствия привычных усов, прошёлся сапожной щёткой по туфлям и отправился «покорять Москву». Решив, что первым делом нужно купить кепку или фуражку, бугристой лысиной сверкать неудобно, да и не ходят здесь без головных уборов.

Агранов эти же три дня тоже маялся, хотя и по-своему. Загадочный *подарок* ему покоя не давал. К тому, что «Андреевское братство» ему зла не желает, он давно привык. Какое уж тут зло? Сначала не убили, хотя могли целых три раза, и вполне за дело. Пощадили, перевербовали, возвысили, гарантировали, при сохранении лояльности, все возможные жизненные блага и удовлетворение любых разумных потребностей, как материальных, так и духовных, карьерных в том числе. Даже организовали несколько поездок в Югороссию, на отдых в Крым и Кавказские Минеральные Воды. В деньгах не ограничивали.

Вот в *свой мир*, мир далёкого будущего, не пускали. С самого начала Андрей Дмитриевич объяснил, что свойства мироздания таковы, что, попав к ним, обратно он уже вернуться не сможет. А это Якову было совсем ни к чему. Здесь он на месте, достиг всего, чего мог возжелать в самых бредовых мечтах тогда, до революции. А в будущем что? В качестве музеиного экспоната жить прикажете? Пьесу Маяковского «Клоп» он прочитал, одобрил, разрешил к постановке и для себя соответствующие выводы сделал.

«Каждый человек необходимо приносит пользу,

будучи употреблён на своём месте». Вот именно, на своём.

Но с появлением Воловича устоявшаяся жизнь словно бы дала трещину. Агранов не понимал смысла происшедшего, и это беспокоило, как периодонтитный зуб, словно бы выступающий из десны и при каждом удобном случае, при разговоре даже, цепляющийся за противостоящие и за язык, отчего простреливает болью, не очень сильной, но изматывающей своим постоянством.

Стоит ли верить Ляхову, сказавшему, что журналист ссылается в прошлое навечно и поступить с ним Яков может по своему усмотрению. Найдёт в изгнаннике какую-нибудь для себя пользу — хорошо. Нет — пусть хоть под забором сдохнет.

Как раз в это опытный чекист поверить не мог. Даже и на собственном примере видел, что «кадрами не разбрасываются». Каким бы негодяем на самом деле ни был опальный журналист, едва ли «Братство» стало так заморачиваться, хоть из гуманных соображений, хоть из прямо противоположных. Если не посадили и не расстреляли, значит — имеют на него определённые виды.

Сослали сюда. Зачем? Просто «укрепить» кадровый резерв? Нам он на хрен собачий не нужен, а тебе пригодится? Верится, но с трудом. В качестве агента «глубокого залегания»? Бессмысленно. Агранов и так «с потрохами» принадлежит «Братству», ни следить за ним не надо, ни держать при нём «серого кардинала».

Не вникая, есть ли вокруг другие, работающие независимо от него агенты «Братства», начальник ГУГБ знал, что во всех его делах полностью осве-

домлена Лариса Юрьевна, аппарат которой, гласный и негласный, пронизывал всю систему управления РСФСР. Даже к товарищу Троцкому она входит «без доклада».

Как и её муж, «товарищ Левашов». Но тот занимается лишь «особо важными делами», да и то словно нехотя. Без азарта. Однако — до невозможности умный человек. Недавно представил проект первой в мире радиостанции «Новый Коминтерн» с круглосуточным вещанием на весь мир, а сейчас, говорят, подумывает над передачей с Шуховской башни движущегося изображения. Целый институт создал во главе с инженером Зворыкиным, за большие деньги выписанным обратно из Америки.

Кстати, и военную форму для Красной Армии и ОГПУ вместе со знаками различия предложил Троцкому тоже Левашов. А в политику совсем не лез, хотя Агранов знал, что он входит в самую верхушку руководителей «Братства».

Якова вдруг осенило — девушка с карточки, что носил с собой Волович, неуловимо похожа на Ларису Юрьевну. Лицо, вроде совсем другое, прочие статьи, но если раздеть Левашову и посадить в той же позе рядом с Вяземской — не ошибёшься: по глазам, по повороту головы — из одного гнезда птички. Да и взгляд, не сказать чтобы совсем уже... но скромности в нём — абсолютный ноль.

Агранов, как уже говорилось, обладал богатым (моментами даже слишком) воображением и, представив себе Ларису Юрьевну в позе Вяземской, немедленно её возжелал, причём со страшной силой. Тут в нём, видимо, сказалась кровь «двоюродных братьев», саудовских арабов-салафитов, именно так

реагирующих на каждую европейскую, да и любую другую женщину без хиджаба, паранджи и прочих деталей туалета, защищающих нравственность мусульманских мужчин.

Вот где, наверное, недостижимый предел его возможностей — днем, при солнечном свете, хотя бы даже в этом кабинете, неторопливо раздеть смутно улыбающуюся и щурящую свои глаза дикой пантеры «товарищ уполномоченную» и приступить... Чтобы она от страсти визжала, кусалась и царапалась. А потом посадить её, укрупненную и расслабленную, с растрёпанными волосами и сумасшедшими глазами, на колени, и поить своей рукой северянинским «шампанским с ананасами».

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро...

Как там дальше?

Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!
В группе девушек нервных, в остром обществе
дамском
Я трагедию жизни претворю в грэзофарс...

Если бы такое случилось, Агранов наверняка избавился бы от единственной занозы в душе, мешавшей ему в полной мере наслаждаться отпущеной ему жизнью. Потому что Лариса Юрьевна была красивейшей женщиной из всех, что он знал, и единственно совершенно недоступной. Точно как полная луна на полночном небе. Совсем вот рядом вроде бы, а нет.

Когда тяга к Левашовой становилась непреодо-

лимой, а это случалось каждый раз, когда им приходилось встречаться, по делу или случайно где-нибудь в кабинетах Совнаркома, Коминтерна или ЦК, Агранов вызывал по телефону для доклада в личный конспиративный номер гостиницы «Савой» (всего полсотни шагов вниз по Пущечной от Главной конторы) известную Лилию Брик-Каган, подругу и музу всё того же Маяковского, пятнадцать лет посвящающего ей все свои стихи и отдающего почти все гонорары. Не зря поэт перед смертью признался: «Мне и рубля не накопили строчки!»

Эта женщина, против чар которой не мог устоять почти ни один «богемный» человек в обеих столицах и далеко за их пределами, сначала передавала чекисту накопившиеся материалы к досье добрых двух десятков выдающихся деятелей литературы и искусства, на словах излагала свежие слухи и сплетни. А уже после этого он с ней воплощал в жизнь самые раскованные фантазии, что вызывала у него роковая Лариса Юрьевна. Брик ни от чего не отказывалась, знала, на сколь тонкой ниточке держится её благополучие.

А вот, оказывается, существует на свете и ещё девушка, пособлазнительнее Левашовой. Глядя на снимок, телом и лицом — безусловно «да», но вот интересно, способна ли она при личном общении пробуждать тёмную, безумную, колдовскую страсть? Судя по поведению Воловича и замусоленности фотографии — очень даже вполне. И она там наверняка не одна такая. Не бывает, чтобы все — обычновенные, затрапезные, и вдруг среди них неизвестно откуда расцветает такой бутон...

Агранов хрустнул суставами пальцев, выругался, отгоняя наваждение, подошёл к раскрытыму в сторону Китай-города окну. Прикурил от пляшущего в руке огонька спички. Чёрт, разволновался, хоть опять сексотку вызывай. Нельзя так распускать воображение! Но постой-ка, братец, сказал он сам себе. Что-то в неуместных, казалось бы, не по чину и возрасту даже мыслях промелькнуло рациональное. Очень какая-то тонкая, вроде осенней паутины зацепка. Потянув за которую, очень осторожно, можно... А что можно?

Разобраться, кто и что есть «товарищ Волович» и для чего его сюда сунули. Главное — не спешить. Мысль не спугнуть. Что тут за связь вдруг возникла — Волович, его девка на карточке, Лариса... Лариса! Вот. И совсем не в том смысле, что обычно, она пришла сейчас на ум. Совсем даже наоборот.

Но пока нужно хоть приблизительную картинку происходящего выстроить. Что мы на данный момент имеем?

В качестве шпиона Волович «Братству» здесь не нужен. Других хватает. И по характеру на «полевого агента» не тянет. Трус. Слабохарактерный. В камере часто плакал, причём не на публику, а будучи уверен, что его никто не видит. Хорошие агенты, напротив, в подобной ситуации моментами сбрасывают маску, выходят из образа. Поганеньского, честно сказать, в данном случае образа. Трудно даже и вообразить, как и для чего подобный можно использовать.

Но как бы там ни было, он сейчас здесь. Итак?

Не шпион. Да и те, кто его забрасывал, отлично знали, что с его легендой свободы, нужной для

результативной разведработы, не получить и через годы. Всегда будет и на примете и на крючке.

Агент-провокатор? Опять не годится. Кого и как он может провоцировать? Если бы действительно имело место противостояние между РСФСР и Югороссией, тогда да, «агентура влияния» нужна. А если налицо кукольный театр, напоказ Западу и для удержания в узде собственных слишком рьяных «коммунистов». На самом деле Троцкий запросто встречается с Врангелем лично, часто общается по специальной телефонной линии, и любые скользнибудь серьёзные внешне- и внутриполитические шаги, включая повестки партийных съездов, тщательно согласовываются и с ОСВАГом¹, и с представителями «Братства»...

Размышления с торопливым хождением вдоль и поперёк необъятного кабинета, прерываемым остановками у конторки в углу, за которой Агранов, как это было широко распространено в девятнадцатом и начале двадцатого века, любил работать стоя. Считалось, что это полезно для позвоночника и спасает от геморроя. Яков бегло набрасывал толстым синим карандашом одному ему понятные схемы и писал обрывки каких-то фраз, просто для

¹ ОСВАГ (Осведомительное агентство) — в отличие от реальной истории, где так назывался «отдел пропаганды» ВСЮР, здесь — наименование разведки и контрразведки Югороссии, практически точный аналог ОГПУ, тем более что и то и другое создавалось по проекту Шульгина и полностью контролировалось «Братством». В Югороссии — Басмановым и его личным аппаратом, в Москве — Ларисой и «Коминтерном».

фиксации мелькающих на разных уровнях сознания идей и образов.

Он ведь действительно был очень умным человеком — Новиков с Шульгиным в нём не ошиблись с самой первой встречи. Начальник ГУГБ из Якова получился прямо отличный, не хуже того же Берии или германских коллег — Гейдриха с Шелленбергом. Причём фантазии у этого было даже больше, плюс глубокая любовь к искусствам, своеобразно преломлённая. Да и Удолин по своей линии не стал бы водиться, с кем попало. И сейчас Агранов выстраивал интересную и непротиворечивую схему предназначения и использования Воловича, рассуждая одновременно и за Ляхова, приславшего сюда журналиста, и за себя.

Конструкция вырисовывалась до крайности интересная. Весьма многослойная. Если всё сойдётся, у Агранова появятся исключительные возможности контролировать само «Братство»! Не в том смысле, конечно, как «Братство» контролировало его, но — хотя бы быть в курсе многих вещей, которые от него скрывают или просто не доводят до сведения.

Глядишь, в итоге и он сможет повести дела так, что ему предложат должность *внутри* организации, а не послушного исполнителя *вне* её, пусть и сколь угодно высокопоставленного.

Примерно такая же разница, как между капитаном британской разведки и курируемым им магараджой Джайпуря. Хотя, с другой стороны, магараджой быть, пожалуй, всё же приятней. Но это можно обдумать позже.

Агранов, наконец, отбросил карандаш, собрал все исписанные и исчёрканные листы и убрал их

в сейф, оставшийся от прежних хозяев. Изготовленный в 1897 году на заводе Крейтона в Або¹, он был настолько просторен, что в него нужно было входить, чтобы воспользоваться одним из десятка «несгораемых» шкафов поменьше, похожих на вокзальные автоматические камеры хранения будущего. В сейфе имелись освещение, вентиляция и, как современное дополнение — спецтелефон. Гораздо более секретный и «прямой», чем тот, что стоял у него на приставном столике у письменного стола.

Для смелости, точнее, чтобы унять внезапно возникшую внутреннюю дрожь, он открыл крайнюю дверцу, где был спрятан небольшой бар, или, как принято говорить здесь — буфет. В отличие от своего несостоявшегося преемника — Ежова, Яков считал дурным тоном прятать бутылки со спиртным в книжном шкафу, за томами Маркса и Ленина. Налил чуть больше ста граммов тоже получаемого из Югороссии армянского коньяку, «дёрнул» без закуски, закурил. Два вентилятора в потолке мгновенно вытягивали дым. Присел к откидному столику, снял телефонную трубку. Набрал на передней наклонной панели с большими квадратными кнопками три цифры.

Пошли гудки, низкие и мелодичные, совсем не те, что в московской городской и кремлёвской сетях.

После пятого абонент ответил.

— Здравствуйте, Лариса Юрьевна, — сказал

¹ Або — город в Великом княжестве Финляндском (ныне Турку).

Агранов, предварительно сглотнув слюну. — Вы меня извините, что я так, по собственной инициативе...

— Ничего страшного, Яков, в чём вопрос? — от её журчащего, низковатого для местных женщин голоса у главного чекиста ёкнуло сердце и бриджи стали тесными. Привычно, как много лет подряд.

— Мне кажется, что нам с вами нужно встретиться. Немедленно. Лучше — прямо сейчас. Вы позволите, я к вам подъеду?

До её резиденции в бывшем особняке одного из богатейших купцов старой России и одновременно мецената не хуже Третьякова или Щукина, на углу Гоголевского бульвара и Сивцева Вражка, ехать было минут пятнадцать всего. Агранов несколько раз там бывал и всегда восхищался великолепными интерьерами и коллекцией картин и скульптур. Особняк этот, не разграбленный в первые послереволюционные годы, а, наоборот, находившийся под усиленной охраной, Троцкий широким жестом подарил Левашову и Ларисе под представительство «Союза друзей РСФСР» (была и такая «крыша» у «Братства»).

— Это так срочно? — в голосе Ларисы прозвучали, как показалось Агранову, игривые нотки. Этим она всегда его поражала и ещё больше возбуждала. Посередине крайне серьёзного, даже жёсткого разговора вдруг могла как-то двусмысленно улыбнуться, состроить глазки, полностью сбивая собеседника с мыслей и настроения. Или — наоборот, шутить, улыбаться и неожиданно сказать такое, от чего прошибал холодный пот и хотелось спрятаться под стол.

— Мне кажется — да. Я...

— Если «кажется» — это серьёзно. Креститься не нужно. И ко мне ехать не нужно. Я сейчас не дома. Сама приеду. Минут через сорок. Устроит?

— Конечно, Лариса Юрьевна. Ещё раз простите, что осмелился...

— Кончай вы... Яков, — отчётиво выговорила непечатное слово Лариса. Именно — в своём стиле. Приведя собеседника в замешательство. Лицом к лицу такой приём ещё лучше действовал. Свободным и совершенно непринуждённым (правда, только с глазу на глаз) употреблением непечатной лексики она как бы ставила себя перед начальником ГУГБ в положение римской аристократки, не стеснённой по отношению к нижестоящим абсолютно никакими условностями.

— Ты не приказчик и не лакей. Ты — сам знаешь, кто. И веди себя, исходя из этого. Я буду не одна. У меня к тебе тоже вопросы есть...

И положила трубку.

Агранов криво улыбнулся и вернулся в кабинет. Позвонил в комендатуру и распорядился о переводе Воловича в общежитие и неусыпном за ним наблюдении не менее трёх опытных «филёров», по старорежимному выражаясь.

— А то своей головой его голову заменишь, — пообещал Яков начальнику третьего отделения секретно-политического отдела.

Вытянулся на диване, заложив руки за голову, и стал ждать.

«Какие это, интересно, у неё ко мне вопросы? То не было, не было, а стоило самому позвонить — и вдруг появились. Ладно, послушаем. То, что она

меня обматерила, — хорошо. Ещё раз подчеркнула, что видит во мне достойного сотрудника. Человека на своём месте. Но — не одна явится! С кем же это?»

«Представительница» прибыла, как и обещала. Ровно через сорок минут. Пришла, как всегда, «без доклада», то есть и внизу её пропустили беспрепятственно, и помощник в приёмной не осмелился «товарища Левашову» задержать хоть на полминуты, чтобы начальника предупредить.

Вошла, одетая как бы и по здешней моде и по погоде за окном, но неуловимо нездешняя. Туфли на невысоком каблучке сшиты лучше, чем московские сапожники умеют. Чулки цвета хорошего чая искрятся на ногах и обтягивают их с немыслимым изяществом. Не шёлк, другое что-то, но ведь не спросишь между прочим. Он вообще избегал прямо смотреть на её ноги, бёдра, грудь. В глаза — это пожалуйста. Мы люди одной профессии, нам скрывать нечего. Плащ вроде как чесучовый, рыжеватый с искрой такой, пояском туго подпоясан. Глаза и губы едва-едва подкрашены, почти не заметно, но оттеняет. Волосы тоже подстрижены похоже на здешнее «каре». Да вот не так выглядят. Попышнее гораздо, подлиннее, и тонкая прядка этак поперёк правой брови пущена! Если прошла пешком в этом виде хоть несколько кварталов по московским улицам — завтра все модницы с ног сбываются, что-то подобное себе соображая. Только — куда им!

А за ней — вот уж кого совсем бы не хотел видеть Агранов — вошёл Кирсанов Павел Васильевич.

Красавец мужчина гвардейской выправки, с пронзительными синими глазами и бледным лицом, кое-где почирканным шрамами.

Официально — полномочный представитель Международного комитета помощи нуждающимся, а также Красного Креста и Нансеновского комитета по правам человека. Придумают же такое! Всем, кому надо, известно — обычный он бывший жандармский ротмистр, ныне — югоросский полковник, кавалер многих орденов и Первоходник. Заодно состоит при Левашовой начальником собственной её милости Службы безопасности.

Не доверяет всё же ОГПУ Лариса Юрьевна, не верит, что никто её здесь пальцем не тронет. Или — не только её личной безопасностью занимается коллега, но и в фаворитах состоит? Такой может! Говорят, перед семнадцатым годом у него серьёзная интрижка с одной из Великих княгинь была. Потому и не расстреляли ту княгиню в сибирских шахтах, а сумел жандарм её спасти и вывезти за границу, и сейчас она в Париже блистает в салонах «спасёнными от большевиков» бриллиантами.

Ну а теперь, вполне возможно, Левашовой помогает *тоску разгонять*. Известно же — на того только можно положиться, кто тебя искренне любит. Как вон Потёмкин «матушку Екатерину».

Зависть к полковнику, допущенному к телу, сдавила горло Агранову. Даже захотелось расстегнуть пуговицу гимнастерки на вороте.

Кирсанов бегло осмотрел кабинет, подошёл к открытому окну, выглянул, потом сел боком на широкий подоконник, достал из кармана синего в тон-

кую красную полоску костюма золотой портсигар. Какие носят все члены «Братства». Только монограммы на крышках рисунком отличаются и сортом драгоценных камней.

Лариса Юрьевна тоже такой постоянно при себе имеет то в сумочке, то в кармане плаща. А однажды по летнему времени, надев сарафан без карманов, в чулок портсигар прятала, Яков не упустил намётанным глазом. Сигареты заграничные изумительного аромата в нём держит. Угощала Агранова несколько раз.

— Ну так что у вас тут случилось? — подходя вплотную и протягивая для пожатия руку, спросила Лариса. На тонком запястье полыхнул сразу нескользкими бриллиантами интересный браслет.

— Сейчас доложу, — сказал, осторожно пожимая её ладонь, Агранов. Мог бы и не так уж осторожно, кисть у дамочки сильная, явно не вышиванием и игрой на пианино тренированная.

— Присаживайтесь, — указал он на кресла возле журнального столика в углу между глухой и торцевой стенами. — Чаю желаете, кофе или ещё чего? И вы, Павел Васильевич, сюда идите, что вы там...

— Мне — кофе. Павлу Васильевичу можно и «ещё чего»... — благосклонно ответила Лариса, прошла к креслу и села, закинув ногу на ногу. Так закинула, что пришлось совсем отвернуться, якобы — вызывая помощника из приёмной.

Распорядился насчёт угощения, углом глаза посмотрел, поправила ли гостья юбку? Да, чуть одернула, прикрывая колено и то, что дальше. Слава богу, а то ведь мысли совсем разбегутся. И так в

брюках непорядок, хорошо, что гимнастёрка длинная, по последней военной моде.

— Так что, Яков Саулович? — вместо Ларисы спросил бесшумно подошедший Кирсанов. — Что-то действительно серьёзное случилось? Поделитесь, не томите. По моим данным, «На Шипке всё спокойно»¹.

---

¹ Фраза из рапортов генерала Радецкого во время Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. Генерал не желал докладывать в Ставку, что его отряд ведёт тяжёлые бои в полуокружении и несёт большие потери. Также — название триптиха В. Верещагина, участника этой войны.

★

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

То, что отвечать приходилось Кирсанову, Якову совсем не понравилось. Он ведь рассчитывал на приватный разговор с Ларисой Юрьевной, надеясь самым аккуратным образом *обыграть* тему Воловича для получения новой информации и, возможно, с её помощью добиться дальнейшего упрочения своих позиций. А присутствие Кирсанова переводило ситуацию в некую другую плоскость.

Так-то они с Павлом Васильевичем состояли в превосходных отношениях, случалось, даже выпивали «не по-детски», но вот когда он и Лариса являются к нему вместе, без предупреждения, тут стоит задуматься. И ещё Агранова раздражало и обижало, чего скрывать, то, что вот жандарм этот — из местных, из аборигенов времени, а принят в «Братство» (или только в «Союз пяти», как часто называли действующее в этой реальности *подразделение*?), а ему, при всей его безупречной службе, такой чести до сих пор не оказано.

— Если б действительно случилось что серьёзное — я бы и доложил, как положено, — ответил Агранов, в собственном кабинете стараясь держаться хозяином положения. — Просто непонятность

некая наблюдается, вот я и решил посоветоваться, всего лишь. С вами, Павел Васильич, с вами, Лариса Юрьевна, — он, не вставая, изобразил полуупоклон и даже руку к сердцу поднёс, — с Александром Ивановичем и Андреем Дмитриевичем у нас давние отношения, с вами со всеми у меня тоже неясностей не возникало. Или решались они *не отходя от кассы...* — Агранов употребил новое, с наступлением НЭПа возникшее выражение, при старом режиме и тем более — военном коммунизме его не было. Стало оно вдруг очень популярным, и вкладывалось в него намного больше, чем первоначально подразумевалось в ничем не примечательных табличках в магазинах: «Проверяйте деньги, не отходя от кассы».

— А тут контакт у меня с Вадимом Петровичем Ляховым произошёл, и не совсем я понял, в чём суть вопроса... — Агранов старался изъясняться предельно аккуратно, чтобы и тени нелояльности к одному из «братьев» не прозвучало, и в то же время присутствующие поняли, кого именно чекист считает своими настоящими руководителями.

— А не понял — чего же не переспросил? — тонко улыбнулась Лариса, давая понять, что пилотаж Якова поняла и оценила.

— Да особо и времени переспрашивать не было. Сначала и мысли такой не возникло... Звонок сверху — сами понимаете! В общем, давайте я по порядку, с самого начала, если вы не очень торопитесь.

— Нет, нет, не беспокойся, не торопимся, — успокоил Агранова жандарм. — Всегда приятно и полезно пообщаться с информированным человеком. Вот и сейчас...

Он поудобнее расположился в кресле, раскрыл портсигар, взял сигарету, а его так и оставил на столике, повернув, как бы невзначай, полированной внутренней крышкой к чекисту. Поднял за ножку хрустальную рюмку. Здесь конькяк ещё не догадались наливать в большие бокалы.

Агранов до сих пор не сумел выяснить истинных пристрастий этого человека. По одним данным из вполне информированных источников, Кирсанов чуть ли не монашествующий — не курящий, не пьющий (вообще), к женскому полу (как, впрочем, и к мальчикам) — безразличный. То есть ни в борделях его не наблюдали, ни в самых респектабельных «Домах свиданий», где инкогнито предавались изысканному разврату «мадамы и мадемуазели» из лучших партийно-советских и нэповских семей. Постоянной любовницы из местных у него здесь тоже не было, такие вопросы начальник ГУГБ лично держал на контроле.

А по собственному опыту общения знал, что Петр Васильевич и выпивал с удовольствием, и по-куривал, но крайне аккуратно. Без фанатизма. Его шутка о том, что алкоголь в умеренных дозах полезен в любых количествах, с подачи Агранова разошлась в руководящих кругах, хотя её автором считали самого Якова.

Он весьма детально передал свой разговор с Ляховым и всё, связанное с Воловичем, с момента его появления на берегу речки Сходни вплоть до сего момента. Включая результаты наблюдений в тюремной камере и аккуратного ночного обыска. Про обнаруженные в башмаке двадцать долларов Агранов тоже сказал.

— Что же тебя так встревожило? — спросил Кирсанов, по лицу которого Агранов понял, что шутки кончились и «полковник» заинтересовался вопросом всерьёз.

— Да вот всё вместе, по совокупности. Я ж на своём месте уже семь лет сижу, плохо ли, хорошо... Кое-чему подучился, — ответил Агранов с некоторым намёком на гораздо более долгий профессиональный опыт собеседника.

— Раз сидишь, значит — хорошо, — успокоила его Лариса Юрьевна и снова поменяла ноги местами. Изумительный приём, чтобы сбивать человека с мысли и настроя, правда — не всем доступный. Ещё точнее — доступный-то всем особам женского пола, только в ряде случаев могущий вызвать совершенно противоположный эффект.

— Смысла! Смысла в этой акции не вижу, так, как она проводится. Ни с какой стороны. Вы все меня знаете — что приказано будет, то и сделаю, или обеспечу... Не захотели там сами этого репортёришку кончать — скажите. *Разъясним*¹ в лучшем виде. В тюрьме передержать, сколько нужно — то же самое. На любом режиме, к вашим услугам. Работой обеспечить, хоть по специальности, хоть на лесоповале — в наших силах. Даже побег за границу устроить можем, в целях дальнейшего внедре-

¹ Один из многих, использовавшихся в Гражданскую войну и в первые послевоенные годы синонимов слова «убить». Примечательно, что, как и в терминологии мастера Безенчука, каждый из эвфемизмов имел свой, порой трудноуловимый оттенок и конкретных адресатов. Например, про зарезанного в пьяной драке Чугункина-Шарикова никто не сказал бы, что его «отправили в штаб Духонина». Рылом, как говорится, не вышел.

ния. А тут... — Агранов развёл руками в горестном недоумении.

— И денежка эта. Откуда бы она у него *там* взялась? Я человек осведомлённый, но только в пределах своей компетенции (счёл нужным подчеркнуть Яков). Никто мне не говорил, но могу догадаться, что граница между *нами* и *вами* охраняет-
ся получше, чем у нас эстонская или финская. Даже мне за неё прогуляться не доверили (ещё один как бы случайный проговор, понимаю, мол, всё, не смею спорить, но слегка обидно всё же), а деньги, значит, *отсюда туда* проникают. Но зачем они там, если *хождения*, из всего следует, иметь не могут?

— Хороший анализ, Яков, — профессиональ-
ный, — одобрил Кирсанов, так и не выпивший свою рюмку, ухитрившийся крутить её в пальцах, ни капли не проливая. Просто престиджитатор какой-то. — И что у нас в науке логике после ана-
лиза следует?

— Да вроде синтез, если пока других партий-
ных указаний нет, — сострил Агранов.

— И?

— Вот вы не поверите, Лариса Юрьевна, — сно-
ва повернулся к даме Агранов, — я ведь не то что-
бы в правомочности товарища Ляхова усомнился,
я только вообразил, так, в порядке свободного по-
лёта...

— Учебного, — вставил Кирсанов.

— Простите?

— Это *там*, — жандарм махнул рукой в сторо-
ну окна, — один писатель афоризмами балуется.
Так у него написано: «Многие не возвращаются на

базу даже из учебного полёта воображения¹. Но ты продолжай...

— Что — вообразил? — спросила Лариса.

— Да вот о вас именно и вообразил. Про вас про всех. И Павла Васильевича тоже. Вы ведь в наше время как бы и случайно попали, мне Александр Иванович давно ещё говорил. Или нет, это Удолин про них сказал, когда мы первый раз пересеклись... Попали случайно и начали действовать. По обстоятельствам... Войну вот Гражданскую переиграли, при активном участии Павла Васильевича, кстати. А то так бы и сидел в Стамбуле неизвестно в каком качестве... — Агранов позволил себе совсем маленькую дерзость, именно из-за присутствия здесь Ларисы. С глазу на глаз от подобного намёка точно бы воздержался.

— А если и товарищ Волович с подобной целью сюда переправлен? — вкрадчиво спросил он. — Как писал господин Мэхен — «*Fleet in being*». В нашем случае человек, который должен повлиять на мироздание самим фактом своего появления...

Сказал и по взгляду Ларисы понял, что выиграл. Уж какие там внутри «Братства» разборки и подводные течения — ему не узнать до поры, но вот именно сейчас он попал в струю. Или в тех самых пресловутых трёх зайцев. Довёл информацию именно до той, до кого следовало. Продемонстрировал свою полную лояльность и вдобавок подтвердил собственный профессионализм. Да ещё и сдал какие-то козыри Кирсанову. Вне зависимости от того, в какую игру он играет. Вернее — они с Ларисой

¹ См.: С.Е. Лец. Непричёсанные мысли.

рисой играют. Не зря же она его с собой привела. А почему, кстати, привела? Не могла же она знать, о чём у них с Аграновым речь пойдёт. Значит, что-то ещё подразумевается. Задумали они что-то, и ему, Якову, некая роль прописана. И не просто — «кушать подано».

А кроме того, снова стало чекисту мучительно интересно — любовники они или нет? Очень уж запросто друг с другом держатся. На ножки её жандарм как-то уж очень равнодушно смотрит, будто совсем его в этой обстановке они не волнуют. В другой насмотрелся. И по типу как-то они друг другу подходят. Представить Ларису в объятиях Кирсанова было совсем не трудно. Гораздо проще, чем красотку с фотографии — в постели с Воловичем.

Он не мог знать, что у Павла с Левашовой вопрос был решён раз и навсегда. Состоялся у них разговор в кейптаунском отеле, ещё в англо-бурскую войну. Там Лариса раздевалась в присутствии Кирсанова, и были они не просто наедине, а на совместном задании, достаточно рискованном¹. В общем-то — могла бы хоть дверцей шкафа прикрыться, но не сочла нужным. И стыдливостью с юности не отличалась, и нравилось ей эпатировать некоторых мужчин. Тем более — как бы и оперативная необходимость в её «стриптизе» присутствовала.

И словно невзначай у неё вышло, что намекнула она напарнику: удивлена, мол, что мои прелести и сам процесс раздевания никак на тебя не действуют. Любому ведь нормальному мужику должно

¹ См. роман «Скоро полночь».

быть понятно, что если вот сейчас он на неё кинется, то сопротивления не встретит. Даже при её всем известном стервозном характере отдастся без всякого. Откровенное уже не скажешь.

А Павел ответил совершенно спокойно, как обычно, сидя на подоконнике и пуская на улицу дым сигары. Здесь ему по легенде полагалось почти непрерывно курить сигары, причём самые дорогие. В блокадном Кейптауне, где уже и бурский самосад не всегда купишь.

— Ты ещё не научилась в разведке работать, пусть и задатки у тебя несомненные. Одно из первых, что следует запомнить, — вот это вот, — он указал сигарой ей на грудь и ниже, — пока ты на задании, не более чем разновидность оружия, которым в нужный момент потребуется воспользоваться. Или нет. Отнюдь не озабочиваясь как проблемой морали, так и собственных удовольствий. Эмоции исключаются полностью. Любые. Я это давным-давно постиг, когда меня в питерских дворцах великие княжны в будуары приглашали, «ируканские ковры посмотреть». Просто говорил себе, что — импотент от рождения. И всё. И дело делал, и лишних проблем не возникало, со стороны «сильных мира того». А мы, Лариса Юрьевна, на задании сейчас, так что запомни мои слова, раз и навсегда. Дольше проживёшь...

— Какой ты скучный и отвратный тип, — только и нашла она тогда, что ответить, чуть не швырнув ему в бесстыжие глаза зажатый в кулаке бюстгальтер. Но урок запомнила. Жаль, что никто ей его не преподал полтора десятка лет назад. Впро-

чем, тогда бы она и не стала той, кем является сейчас. Нимало об этом не жалея.

— Интересно мыслишь, Яков Савельевич, — медленно сказал Кирсанов. — Что ж, давай соглашись с твоей идеей. И ты веди себя так, как тебе Ляхов предложил. Полностью на своё усмотрение. Сочти этот факт не заслуживающей твоего высокого внимания прихотью «всяких там...». Но смотри, конечно, что вокруг твоего клиента станет происходить. И мы, со своей стороны...

— Как думаешь, Павел, заслужил наш товарищ маленькое вознаграждение за сообразительность и образцовое выполнение возложенных на него обязанностей? — спросила неожиданно Лариса Кирсанова, вставая с кресла с замедленной грацией пантеры и одёргивая юбку.

— Думаю — вполне, — кивнул тот и, наконец, всё же выпил свою рюмку.

— Тогда, может быть, так — устроим ему экскурсию с ужином в Москву победившего капитализма? Господина Воловича сюда переправили, а мы — наоборот. Чтобы лучше понимал товарищ Агранов, сколь сложно и разнообразно устроен мир?

Яков испытал редкое в последние годы чувство полной и решительной победы. Попал он всё же в центр мишени, хоть и стрелял зажмурившись.

Допустят его до тайн мира будущего. А значит, и в этом статус его ощутимо изменится к лучшему.

Выходит, он крупно подыграл Ларисе с Кирсановым в какой-то «потусторонней» интриге, знать о которой ему совершенно незачем. Для личного спокойствия. Однако — не всё просто и у них в «Братстве» обстоит. Как во всякой, честно говоря, доста-

точно разветвлённой организации, занимающейся одновременно массой разнообразных, нередко — взаимоисключающих дел.

— Когда? Сегодня? — спросил Агранов, внешне сохраняя полную невозмутимость.

— Да можно и прямо сейчас. Только переодеться бы надо... — ответила Лариса.

— А — как? Не знаю, как у вас одеваются...

— Значит, у нас и переоденешься. Павел поможет.

Вдруг Агранову пришла ещё одна интересная мысль. Вполне в тему, как бы развитие предыдущего, но одновременно... Можно свой нездоровий интерес удовлетворить.

— Да, кстати, Лариса Юрьевна. Упустил я сразу, отвлёкся на другое. У Воловича этого, кроме долларов, ещё фотография с собой была. Цветная, очень высокого качества...

— Ну! — подогнал намеренно неторопливую речь чекиста Кирсанов.

— Девушка там изображена. Невероятно красивая, почти такая, как вы, Лариса Юрьевна, — не-принуждённо польстил кураторше Яков. — При этом — совершенно обнажённая. Но — без всякого непотребства. Просто — очень хороший постановочный снимок в стиле «Ню»...

— Девушка, говоришь? — заинтересовалась Лариса. — А ну, опиши подробно. Всё, что запомнил. А запомнить должен был много. Долго, небось, смотрел, — понимающе улыбнулась она, зная и натуру Агранова, и здешнее положение с подобного рода печатной продукцией. Печальное, прямо сказать, положение. Никаких «Плейбоев» и прочих «Журна-

лов для мужчин» не издаётся, за рубежом — тоже. А самопальная черно-белая порнопродукция формата шесть на девять мало что скверного качества, так и содержанием или примитивна, или отвратительна. Проще и полезнее в Щукинский музейходить, картинами Рубенса и скульптурами Родена любоваться.

Сама она эротическими сюжетами не интересовалась (если только не оперативными видеозаписями чьих-нибудь интимных развлечений), но с юных лет знала о том, насколько до всяких «весёлых картинок» падки мужчины, в остальном — вполнеличные.

Лариса не ошиблась, всё Яков запомнил, включая и детали интерьера, попавшие в кадр.

Кураторша не удержалась, хлопнула в ладоши и засмеялась.

— Людмила, больше некому. — Лариса вспомнила, как сразу после прибытия «валькирий» на Землю на её даче в Кисловодске она, сразу отмечив исключительные физические данные «гостей», лично организовала фотографирование девушек в бане и в других подходящих ситуациях¹. Сразу просчитав, как это может пригодиться для дальнейшего использования в оперативной работе.

Не ошиблась. Кое-чёи снимки, увеличенные до «павильонных форматов»², самому императору Оле-

¹ См. роман «Мальтийский крест».

² Имеется в виду формат кадра т.н. «павильонных фотоаппаратов», снимавших на стеклянные пластинки 24 × 30 и 30 × 40 (сантиметров, а не миллиметров). Печать с пластинок производилась «контактным» способом, что обеспечивало высочайшее качество изображения.

ту показывали. И их величество выражал своё монаршье удовольствие и «высочайшее благоволение».

— Ну и козёл, ну и сволочь... — возмутилась Лариса. — У Ляхова, получается, спёр. И возможности имел, гадёныш, старательно в квартире порыться. Такое всё же не разбрасывают, где попало. Спасибо, Яша, опять ценная информация. А к чему ты, уж честно признайся, именно сейчас про это дело вспомнил? Ты ж у нас не филёр на стажировке, совсем даже нет, должен бы сразу, когда говорил, что Вадим из ревности сюда Воловича забросил, и про фото вспомнить...

— Да знаете, Лариса Юрьевна, постеснялся просто, — Агранов изобразил даже некий намёк на смущение, — при вас о голых карточках рассказывать. Неприлично просто... Мало ли что подумаете...

— Ага, ага, конечно. Вы тут все такие деликатные, товарищи рабоче-крестьянские вожди. Это ж Крупская¹ не так давно приказала в учебниках по живописи всю обнажёнку удалить или «приодеть» по возможности. Вот цирк, представляю — Даная в постели в розовых панталончиках с кружевами. И ты, что ли, Яша, из таких? А ведь врёшь, сразу вижу. Скажи уж — девушка в душу запала и хочешь ты у меня сейчас спросить, много ли ещё таких на той Земле имеется, и нельзя ли с кем-ни-

¹ Крупская Н.К. (1869 — 1939) — вдова В. Ленина, с 1920 г. председатель Главполитпросвета при Наркомпросе РСФСР, зам. наркома просвещения. Знаменита крайним пуританизмом, доходящим до абсурда. Так, по её распоряжению был запрещён «Майдодыр» Чуковского за строки: «Как из ма-миной из спальни, кривоногий и хромой, выбегает...»

будь из них познакомиться. Сразу отвечаю — много. И до многих мне далеко, чего там! — Она делано вздохнула и даже взмахнула рукой.

— Познакомиться — тоже не проблема. А остальное... Девушки у нас раскованные, если что — могут и в морду без предупреждения. Так что — ничего не обещаю...

Агранов с искренним изумлением уставился на тонко усмехающуюся женщину. Да, вот это — класс. И мысли его прочитала в подробностях, и ответила на все сразу в подобающей форме. Тогда ведь наверняка и всё, что он о ней самой думает, — знает. И в каких ситуациях и позах себе представляет. Нет, лучше от неё подальше держаться, и думать в её присутствии исключительно о вещах служебных и скучных.

«Хотя, — Яков внутренне усмехнулся, — ей, может быть, весьма льстит, с какой неистовостью он её хочет. И, чем чёрт не шутит, когда-нибудь она решит проверить... Нет, нет, вот об этом — не надо!»

Когда все они уже вышли из кабинета и Яков запирал хитрый замок на три оборота ключа, несмотря на переполнявшую его радость, чекист не мог не думать: «а для чего всё-таки Лариса явилась к нему сама, да ещё и с Кирсановым?» О том, что он позвонит ей, «полпредша» едва ли догадывалась, он сам решился это сделать, так сказать, экспромтом. А раз она не знала темы предстоящего разговора — для чего ей был нужен жандарм рядом?

В свою Москву пригласить?

Так это и по телефону легко сделать. «Жду, мол, вас, Яков Савельевич, тогда-то и там-то. Форма одежды — свободная...»

Или — у них была какая-то цель, но он, Аграпнов, своим сообщением их планы поломал и вынудил работать по другому, наскоро придуманному сценарию?

Интересно, интересно...

Волович отправился на первую прогулку в Москву с очень большой опаской. Наслышен был о бешеном разгуле преступности во времена НЭПа, книги читал, фильмы смотрел вроде «Рождённая революцией» и «Путёвка в жизнь». С другой стороны — красть и отнимать у него было совершенно нечего. Гол, как сокол¹. Оттого в этом смысле можно было быть относительно спокойным.

Гораздо страшнее был сам факт погружения в чужую, давно исчезнувшую жизнь. Вроде как схождение в Aug. Ведь абсолютно все люди, что он здесь увидел и ещё увидит, — давно умерли. Едва ли есть хоть один, кого Михаил мог бы встретить там, у себя — живым. А это очень неприятно — оказаться среди бесконечного числа покойников, прикидывающихся «не-мёртвыми». Он-то и на кладбищах бывать не выносил, скопление мо-

¹ Волович упустил, что в те годы крали и грабили всё, что попадётся. Раздевали на улицах до исподнего вполне небогатых граждан, была отдельная страта воров, крадущих стираное бельё во дворах и на чердаках, и т.п. Хорошие ботинки стоили больше месячной зарплаты среднего трудящегося. Отними, продай на «Сухаревке» — и неделю на «малине» пьянствовать можно. Об ордах карманников вообще речи нет. Умельцы могли «принять» бумажник из внутреннего кармана пиджака под застёгнутым пальто. Так что вполне мог Михаил стать объектом преступного посягательства, особенно в том районе, где сейчас находился.

гильных плит вокруг Воловича буквально душило, а ещё хуже — непрерывное мельканье перед глазами дат, разделённых чёрточкой. Ум за разум заходил от беспрестанных упражнений на вычитание и автоматического сравнения возраста покойников с собственным.

Однако на самом деле всё оказалось не таким уж страшным. «Человек не скотина, ко всему привыкает».

Подождав всего около получаса на остановке, Михаил втиснулся в трижды переполненный автобус марки «Лейланд», больше похожий на довоенный катафалк. Представить было невозможно, как это разболтанное сооружение, нещадно дымящее тридцатисильным, кажется, мотором, ухитрялось влечь полсотни пассажиров по плохой булыжной дороге.

Сразу и навсегда Волович понял, что ни Зощенко, ни Ильф с Петровым ни в коей мере не очерняли «советскую действительность», напротив, весьма-ма её приукрашивали. Просто потому, что для них она была нормой. С некоторыми, заслуживающими порицания отклонениями.

С измятыми чужими локтями боками, оттоптанными ногами, стократно обматерённый и названный разными другими словами за буржуйскую внешность и нерасторопность, он, наконец, вывалился вместе со всей толпою на конечной остановке, на Смоленском рынке.

Зато удалось сэкономить целый пятак: кондуктор так и не смог до него добраться, а передавать рубль через «граждан» Волович справедливо счёл крайней глупостью. Заодно выяснил, что это трам-

вай во все века и на всех маршрутах стоил три копейки, а автобус как средство более современное и даже роскошное (почти такси) — от пяти копеек до гринвичника, зависимо от протяжённости пути.

А пятак, к вашему сведению, — как раз стопка водки «на розлив». Именно в ней Михаил сейчас испытывал немыслимую потребность. Такие переживания, такие приключения, стресс, который не пережила бы половина московских «кreakлов» — и четвёртый день ни капли!

Увидев рядом с воротами рынка синий фанерный киоск, на котором красовалась откровенная, лишенная всякого ханжества вывеска «Моссельпром. Водка — пиво», Волович испытал чистую, незамутнённую радость.

Ларёчник в белом, но порядочно грязном фартуке и военной фуражке без кокарды зачерпнул ковшиком на длинной ручке прозрачную водку из лужёной «ендовы» (вспомнил журналист название ёмкости), аккуратно вылил в гранёную стограммовую стопку. С краями налил, и ни капли мимо. Михаил сглотнул порцию мгновенно и только потом заметил, что ларёчник (или — целовальник?) протягивает ему кусочек чёрного хлеба грамм тоже на сто, с уложенными сверху двумя маленькими кильками.

— Закусите-с, «тычком» не положено, — вежливо сказал тот.

Сервис, однако, и забота о здоровье трудящихся¹.

¹ Подобный «сервис» существовал и в нашей реальности до конца 50-х годов. Потом продажа крепкого спиртного «распивочно» была запрещена и наступила эпоха «на троих в подворотне».

Мир сразу окрасился в куда более оптимистические цвета, хоть и Смоленская площадь ничем не напоминала ту, какой она станет почти веком спустя, и денёк был не слишком солнечный.

— Изволите повторить? — верно понял настроение клиента ларёчник.

Очень хотелось, пусть водка и уступала по всем параметрам и кристалловской, и «Кауфману». Но сорок в ней точно было, хотя и ёмкость не опечатана, и приборов слежения не заметно. Тогда, как и во времена Гиляровского, контроль был персонифицирован: разбавлен продукт — можно и в рыло получить, опять же «не отходя от кассы». И Уголовный кодекс за такое стихийное проявление «гражданской активности» не наказывал.

— Пока хватит, благодарю вас, лучше пива кружечку...

Невиданная на «Смоленке» вежливость странного клиента слегка даже шокировала ларёчника. Пиво подал почтительно, присовокупив к нему два серых бубличка, посыпанных крупной солью. Только что не добавил: «Извольте, вашсиясь!» И выдал сдачу — восемьдесят пять копеек мокрыми медяками и серебряными гравенниками, пятиалтынными и двугравенными — все эти наименования по-прежнему были здесь в ходу. В общем — куда минее звучит, чем эрфэшные «пятихатки» и тысячи.

Не спеша выцедив вкусное, холодное, ни на процент не разбавленное пиво, обозревая при этом намётанным репортёрским глазом окрестности, Волович закурил и степенно двинулся в сторону «старого» Арбата. Он-то, Михаил знал, архитектурно почти не изменился за прошедшие (в обратную

сторону, как киноплёнку отмотать) годы. Только пешеходной зоны не было, фонарей и плитки. Взамен тот же неизбежный булыжник на мостовой, да трамвайные пути занимают половину проезжей части. А здания никуда не делись, стоят, как и в следующем веке, и вывесок на стенах, над дверями и витринами не меньше, лишь содержание другое, да качество исполнения.

Такой именно Арбат, до реконструкции, Михаил помнил едва-едва. Ему было лет пять, кажется, когда началась тотальная перестройка улицы¹, и застрял в памяти почему-то дождливый и туманный день и он сам, едущий с матерью в трамвае мимо этих самых зданий. Но картинка сохранилась сероватая и мутная, как на недодержанной в отработанном проявителе фотографии. Сейчас же всё прямо лезло в глаза своей насыщенностью, цветами, запахами, бытовыми деталями.

А вот и искомое! Знаменитый «Дом с рыцарями» на углу, и над четырёхстворчатыми дверями входа — вывеска, составленная из разноцветных электролампочек: «Торгсин». Ниже, помельче, обычными буквами — «Московский городской трест розничной торговли».

Волович проверил, на месте ли заветная двадцатка, и вошёл. Солидного вида швейцар со ста-рорежимной бородой (в Советской России бороды отчего-то носили только священники и швейцары самых солидных заведений. Ну, ещё некоторые академики и товарищи Луначарский с Красиным.

¹ В нашей реальности работы по реконструкции Арбата начались в 1982 г. В основном закончены в 1985 г.

Но те в основном — эспаньолки) покосился на него подозрительно, однако ничего не сказал.

«Прошёл фейс-контроль по самому краешку», — подумал Михаил.

Магазин буквально поражал! Размерами, роскошью отделки и ассортиментом товаров. Не Воловича, конечно, поражал, видевшего «Ашаны» и «Икеи», а простого московского обывателя, даже в Югославии никогда не бывавшего. Пять, а пожалуй, шесть торговых залов анфиладами уходили вправо и влево от вестибюля, сверкая электрическими люстрами и массой зеркал на стенах и даже потолке. Прилавки, стеллажи и полки до самого верха (а это метров шесть) были заполнены штуками тканей всех сортов и расцветок, заставлены обувью местной и заграничной, массой разновидностей существовавшей тогда бытовой техники (например, патефонами, радиоприёмниками и фотоаппаратами от аккуратных немецких «Леек»¹ до массивных, из красного дерева с бронзой «ФК»), посуды и прочей утвари. В следующих залах ряды вешалок занимали готовые костюмы и платья, мужские и женские, плащи, пальто и шубы. Ещё дальше шли отделы галантерейный, гастрономический, кондитерский, винно-водочный и табачный.

Богатство в целом неописуемое! Каждый москвич, располагающий валютой (в том числе и юго-

¹ Малоформатная, под фотоплёнку 35 мм (36 кадров) дальномерная камера фирмы «Leica» в СССР транслитерирована в привычную «Лейку». Первые модели этой камеры поступили в продажу в 1925 г. В СССР с 1934 г. и вплоть до появления цифрового фото выпускались её более-менее модернизируемые копии под марками «ФЭД» и «Зоркий» множества разновидностей.

русскими «колокольчиками»¹), золотом и серебром (за исключением самородных), обработанными драгоценными камнями, мог приобрести здесь всё, что доступно было жителям Европы и Америки. Одеться с ног до головы, заполнить квартиру лучшей мебелью, коврами и техникой, загрузить холодильные шкафы и буфеты лучшей провизией и напитками.

Было б только, чем платить. А судя по количеству людей в магазине — состоятельных людей в столице хватало. Причём здесь в отличие от иной, ленинско-сталинской реальности ОГПУ людей, располагающих платёжными средствами, не арестовывало и не заставляло под страхом тюрьмы и даже расстрела сдавать имеющиеся ценности бесплатно. Здесь игра велась «по-честному». НЭП — значит, НЭП.

А если у кого не имелось валюты — здесь же, в обменном пункте, бумажные «совзнаки» можно было обменять на фунты и доллары или — югославские золотые червонцы.

В отличие от НЭПа предыдущего, имевшего место быть на ГИП, здесь «Братство» не сочло нужным позволять Троцкому вводить в РСФСР «золотой стандарт». На территории одной фактически страны, пусть и с двумя системами власти, иметь две золотые валюты показалось ненужной расточительностью. Тем более что, привязав «совзнак» к югославскому (фактически — царскому червонцу), обеспечивалась дополнительная «управляющая цепь», не позволявшая, например, товарищу Троц-

¹ В Югославии на банкнотах изображались портреты исторических деятелей и культурные достопримечательности, но стала нарицательной отчего-то десятирублёвка с «Царь-колоколом», паритетная царскому червонцу.

кому проводить самостоятельную «интернационалистскую» политику. Не сильно напомогаешь зарубежным «братьям по классу» и наладишь «экспорт революции», имея в распоряжении лишь раскрашенные бумажки с серпом и молотом. Зато эти «бумажки» беспрепятственно обменивались всей советской партгосноменклатуре на югоросскую валюту по особому курсу в специальных отделениях Госбанка.

Прочие граждане РСФСР должны были следить за котировками, публикуемыми на первых полосах центральных и губернских газет, и, если имели свободные средства, играть на скачках цен и курсовой разнице. Чтобы удачно отовариться в этом, например, «Торгсине», сегодня выгоднее было покупать, скажем, астраханский балык и чёрную икру на червонцы, а немецкую аппаратуру — за рейхсмарки. Но это уже для специалистов, гражданин с улицы запутался бы и гарантированно «пролетел».

Волович минут пятнадцать просто наблюдал сие великолепие, не выглядевшее жалко даже на фоне его воспоминаний. Дело в том, что сам антураж магазина, соотнесённый с повседневной жизнью «за витриной универмага»¹, демонстри-

¹ В 1955 г. на экраны вышла кинокомедия «За витриной универмага», показывающая тогдашние проблемы советской торговли глазами отставного майора, назначенного директором крупного столичного магазина. Фильм, естественно, бичует «отдельные недостатки» и показывает верную методику борьбы с ними. Запомнилась фраза нечистого на руку администратора (исп. С. Филиппов), ярко рисующая проблемы тогдашних коррупционеров: «Дома я курю «Тройку», а на работе вынужден курить «Байкал». И я всё время ужасно боюсь перепутать!» А вся проблема — коробка «Тройки» стоила 5 руб. а пачка «Байкала — 1 руб. 20 коп.

ровал идею «потребительского рая» столь наглядно, что уже не имело значения отсутствие на полках айфонов, плазменных телевизоров или кроссовок со встроенным диагностическими комплексами. Совсем как у всё того же, постоянно приходящего на память Маяковского с его поэмой «Хорошо!».

От мух кисея, сыры не засижены!

Лампы сияют.

Цены — снижены!

Потом он вспомнил, за чем пришёл. Ничего почти из того, что ему требовалось для обустройства в новой жизни, было не доступно.

Достаточно скромный шерстяной костюм, к примеру, стоил целых пятнадцать долларов, а их-то и всего двадцать. На всё про всё. Но самым необходимым обзавестись всё равно нужно было. Как бы там дальше ни сложилось.

Сделав по магазину несколько кругов, прицениваясь и манипулируя в уме цифрами и суммами, достаточно ничтожными, но для него сейчас — гигантскими, он, наконец, подошёл к кассе галантейного отдела. И вовремя, а то на него уже начали коситься охранники, которых здесь было не меньше, чем в магазинах Москвы двадцать первого века. И неудивительно — ворья и просто предприимчивых людей вроде Остапа Бендера (а ведь это как раз его год, двадцать седьмой!) в городе полным-полно. Поди уследи за каждым. Невзирая на то что

магазин государственный, под контролем НКВТ и НКВД¹.

Заодно Михаилу пришло в голову, что магазин, где он находится, почти один в один похож на описанный Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Правда, тот располагался, кажется, не на Арбате, а как бы на Садовом кольце, в районе нынешнего МИДа. («Нынешнего» в том смысле, что раздвоение личности у Воловича до сих пор не закончилось). Ну а чего удивляться — Михаил Афанасьевич и сейчас здесь живёт, неподалёку, ещё не переехал на новую квартиру в Лаврушинском, и описывал он в «Мастере», судя по всему, год этак двадцать пятый.

Волович при всех его несимпатичных качествах в литературе разбирался прилично, что, впрочем, никакого положительного влияния на его моральный облик до сих пор не оказалось.

Двадцатку он протянул кассирше с сильной внутренней дрожью — а вдруг как окажется «неправильной», и пожилая тётка с внешностью и повадками одесской бандерши выхватит из-под огромной никелированной кассы «Националь» с массой кнопок (зачем их столько, чтобы просто сумму обозначить и чек пробить?) и большой, как у военной мя-

¹ НКВТ — Народный комиссариат внешней торговли. НКВД — Народный комиссариат внутренних дел. В описываемый период борьба с чисто уголовной преступностью занимала в его деятельности отнюдь не ведущее место. Кроме охраны общественного порядка НКВД по образцу дореволюционного МВД контролировал множество именно «внутренних дел» государства вплоть до кадровых вопросов местного самоуправления и организацию рентабельного производства силами «спецконтингента», т.е. заключённых по уголовным статьям. «Политические» проходили по ведомству Агранова.

сорубки, ручкой сбоку костяной милицейский свисток и оглушительно засвистит.

Однако обошлось. Тётка мельком глянула бумагку на просвет, увидела водяные знаки и равнодушно бросила банкноту в ящик.

Денег хватило, чтобы приобрести небольшой тёмно-вишнёвый саквояж типа врачебного, и почти наполнить его всякой необходимой в жизни культурного человека мелочью — от бритвы с банкой мыльного порошка «Лотос» до пяти пар шёлковых носок, трусов и маек. А то ведь чувствуешь себя свинья свиньёю, пусть здесь это понятие подразумевает гораздо больше степеней свободы. Как у Ильфа — можно, идя к врачу, вымыть всего одну ногу. Если уже в кабинете убедишься, что не ту — конфуз, конечно, а в остальном — нормально.

И ещё осталась сдача — почти пять долларов. Цены для держателей валюты — просто улётные, как станет принято выражаться лет через восемь-девять. В общем — ничего странного, просто признак существования в мире «реальной экономики», где и в развитой стране заработка «доллар в день» считается вполне достойным. А что говорить о таких разрушенных семилетней войной странах, как Россия? Здесь и десять центов деньги, «в переводе на мягкую пахоту»¹.

Наконец Волович добрался до табачного отдела. Выбор продукции поражал больше даже, чем в дру-

¹ Один из распространённых в СССР терминов, означающих некий «усредняющий коэффициент» для расчёта трудо- и ресурсозатрат, в данном случае — в сельском хозяйстве для приведения к единому знаменателю заработка тракториста на работе по целине или «по пару».

гих залах «Торгсина». Дело в том, что только здесь Михаил увидел больше разноцветных коробок, сортов и марок папирос, сигар и сигарет, чем в любом магазине «своей» Москвы, особенно после принятия идиотского закона о запрете выставлять эту продукцию на прилавки и витрины.

Сигарет здесь, возможно, было и поменьше, в тогдашней РСФСР особым спросом они не пользовались, зато уж папирос было море разливанное. И тот «Дюбек», которым угостили его Агранов, не выглядел самым дорогим и роскошным.

Но что действительно шокировало Воловича, так это знакомые жёлтые пачки с верблюдом. Он искренне считал «Кэмел» послевоенным изобретением, этаким брендом «плана Маршалла». Выпущенными наряду с «Кентом», «Мальборо», джинсами и дисками с записями «Битлов» в том числе и для того, чтобы усилить в сталинском и послесталинском СССР недовольство властью. Вот, мол, что нормальные люди курить, носить и слушать должны! А вы нам «Приму» с «Памиром» суйте, да Зыкину из каждого утюга.

У него аж на сердце потеплело, словно старого друга в чужом городе встретил. На все деньги, цента не оставив «на развод», приобрёл ровно четыре блока, не в картонных коробках, а завёрнутых в пергаментную бумагу, и ещё семь пачек россыпью. Несколько расстроило, что сигареты были без фильтра, но это уже не такая беда.

Сначала он хотел закурить сразу, как вышел из магазина, но передумал. Экономить теперь придётся, когда ещё валюта опять появится? И курить нечасто, зато со вкусом, толком и расстановкой. Тог-

да наличный запас месяца на три можно растянуть. А «пайковую» махорку можно приберегать, а потом на Сухаревском рынке продать. Пустяк, может, заработает, но всё же какие-то деньги.

На верандочке пивной, что на углу Арбата и Николопесковского переулка, он присёл, заказал ещё сто грамм «Очищенной» и кружку пива с всё той же стандартной закуской, бесплатной, что при его средствах — прямо подарок.

Водку он выпил и сигарету докурил, наслаждаясь ароматом и мягкостью вкуса. Никакого сравнения даже и с лучшими местными папиросами. А вот пиво допить не получилось. Только-только он расслабился, погрузившись в мысли о том, что жизнь более-менее начинает складываться, что, может быть, стоит сходить в ту самую знаменитую редакцию «Гудка», где трудятся Ильф с Петровым, Олеша, Булгаков и ещё кто-то, про которых рассказывал на журфаке легендарный Ясен¹, знавший большинство из них лично. Глядишь, удастся продать какой-нибудь рассказик, стилизованный. Или, наоборот, — супермодернистский по нынешним временам. На фельетоны замахиваться рано — реалий жизни не знает, в политической линии не осведомлён. Это уже на Агранова надежда — разъяснит, если захочет, чем Михаил может быть полезен советской власти.

¹ Я с е н Засурский — бессменный, на протяжении более сорока лет, декан факультета журналистики МГУ. Насчёт «личного знакомства» то ли Волович путает, то ли декан слегка приукрасил свою биографию, так как был 1929 г. рождения. Зощенко и Олешу мог знать, но лишь на самом излёте их жизненного пути.

И все его приятные мысли и планы, сопровождаемые глоточками совсем неплохого «Трёхгорного» пива и дымком ещё одной (гулять так гулять!) сигаретки, в очередное кратчайшее мгновение были разрушены, так же как четырьмя днями раньше другие планы на другую жизнь.

К нему вдруг, появившись из-за угла совершенно бесшумно и незаметно, подсели два гражданина (очень здесь популярное обращение и просто обозначение незнакомого лица, заведомо не принадлежащего к «товарищам»). Один в так называемой «английской» кепке с большим козырьком и откидными клапанами, застёгивающимися на макушке большой пуговицей, другой — в обычной отечественной «восьмиклинке». Кепки первыми бросились в глаза, потом уже костюмы, из дешёвых (как здесь выглядят дорогие, Волович успел увидеть в «Торгсине») и совсем неприметных цветов, что-то вроде перепревшего конского навоза.

— Товарищ Волович? — спросил «англичанин».

— Он самый. А вы, простите? — Михаила кольнуло смутное чувство тревоги. Людям ОГПУ нет нужды спрашивать, они должны знать его в лицо. Даже те, с кем он не встречался, наверняка бы имели фотографию, а спутать его с кем-то из местных жителей трудно, вернее — совсем невозможно.

— А мы бы хотели считаться вашими друзьями. Только здесь разговаривать не слишком удобно. Давайте проедем в более подходящее место...

И что ему прикажете делать? Кинуться бежать с криком «Караул! Грабят!» в надежде на то, что заявление о «гласном надзоре», под который он определён, — не пустая трепотня и кто-то за ним сейчас

из сотрудников Агранова присматривает? А если нет? И что, если «эти» при малейшем трепыхании с его стороны начнут стрелять? И куда он побежит в чужом и чуждом городе? Была б «своя» Москва — шанс имелся. Лавирия в толпе, всегда заполнявшей Арбат, добежать до метро и там затеряться, рванув против потока выходящих, перескочив через ограждения на идущий вниз эскалатор... О том, что ни ловкости, ни сил, ни дыхания у него на такой финт не хватило бы, Михаил не подумал. Бессознательно приравнял себя к Фёсту Ляхову и его валькириям. Да, сюда бы Людмилу с Гертой, они бы показали...

Но «понты подержать» всё равно требовалось:

— Зачем другое место, «друзья»? Здесь очень даже уютненько, тень, прохожие не мешают, буфетчик далеко. Говорите, что вам от меня требуется. И от кого вы всё же? Знакомых у меня в Москве много, а вас не припомню... А ежели ГПУ или милиция — документик извольте.

Михаил, вспоминая фильмы и книги об этом времени, постарался как можно больше соответствовать. Изобразить нечто между Остапом и хоть бы даже и Жегловым. Нотки, свойственные Высоцкому, в голос подпустил.

— Сказали — «в другое», значит, в другое. А трепыхаться станешь... — Второй, в восьмиклинке, криво усмехнулся, показав через раз гнилые и обломанные зубы. Откинул полу пиджака и продемонстрировал торчащий из-за ремня «наган».

— Пойдёмте, Волович, действительно, не стоит посреди улицы цирк разыгрывать. А то ведь и вправду...

Воздух, заполненный скрежетом трамвая, тор-

мозящего у близкой остановки, лязгом железных тележных ободьев по брускатке и беспрерывными пневматическими гудками автомобилей, разгоняющих бессмысленно перемещающихся через проезжую часть пешеходов, прорезала пронзительная трель милицейского свистка. Здесь это был непременный атрибут милиционеров, дворников и иных лиц, причастных к охране порядка. Свистком предупреждали правонарушителей, сзывали на помощь постовых с соседних перекрёстков, вообще демонстрировали, что власть действует. И, что удивительно, лица, к власти непричастные, свистками не пользовались, хотя вроде бы и могли в некоторых случаях облегчить свою работу, сбивая милицию с толку.

В сторону их веранды бежал парень в непременной кепке с длинным козырьком, белой рубашке, в сандалиях на босу ногу и узких полосатых брюках (коломянковых¹, что ли — совершенно не к месту вспомнил Волович старые книги). Михаил с неожиданной в нём прытью и гибкостью присел за спинку стула. Парень свистел, надувая щёки, и рвал на бегу револьвер или пистолет из брючного кармана. Потому Волович и спрятался, успев подумать, что таскать оружие таким образом — редкая глупость, и «чекист», похоже, сильно попал! Чего-чего, а бандитско-милицейских боевиков в своём времени Михаил насмотрелся...

Щербатый невероятно быстро выхватил из-под

¹ Коломянка — шерстяная ткань, полосатая или однотонная, крашеная, бывает фабричной и домотканой (См.: В. Даль. Словарь...).

ремня свой «наган» и несколько раз выстрелил, сначала от живота, а потом и с вытянутой руки.

Свистевший споткнулся, упал ничком и по инерции сколько-то проехал на животе по влажному и скользкому булыжнику. Рысак извозчика, под которого должен был залететь парень, взвился на дыбы, пролётка развернулась, в неё врезался тарахтящий таксомотор «Рено» на рахитичных колёсах. Закричали и завизжали сразу много голосов. С разных сторон заливались всё новые свистки.

Человек в английской кепке схватил Воловича за ворот френча и поволок в переулок, а второй остался прикрывать отход, стреляя так быстро, будто в руках у него не «наган», а «стечкин».

Почти тут же с противоположной стороны Арбата захлопал пистолет ещё одного гражданина в штатском, то ли из следящих за Воловичем чекистов, то ли случайно оказавшегося на месте происшествия сотрудника.

От ресторана «Прага» бежал постовой, придерживая рукой шашку, тоже бешено свистящий и одновременно тянувший из кобуры свой револьвер.

Сразу за углом стоял развернутый носом в сторону Сивцева Вражка чёрный автомобиль с кузовом «кабриолет», довольно высокого класса. Тент на блестящих хромированных, коленчатых рычагах поднят. Мотор работал на малых оборотах, попыхивая из трубы скверно пахнущим дымом. Понятное дело, бензин здесь, наверное, вообще безоктановый. Шофер сидел за рулём, ещё один человек высунулся из задней дверцы, поднимая большой чёрный автомат с круглым диском величиной с хорошую сковороду.

«Томпсон», — вспомнил Волович фильм «В джазе только девушки».

— Если кто погонится — стреляй! — крикнул «англичанин», с размаху вталкивая Михаила в салон, так что он сильно ударился коленом о подножку и взвыл от боли.

Автомобиль рванулся вперёд, дверцы захлопнулись. С Арбата никто не успел появиться. Щербатый своё дело сделал. И его не ждали. Или у него был свой план эвакуации, или — расходный материал. Это, конечно, вряд ли. Вооружённый человек, знающий проходные дворы, имел в арбатских лабиринтах хорошие шансы уйти, не слишком и рискуя. Если пуля не догонит, конечно.

Немного придя в себя, Волович с удивлением осознал, что мёртвой хваткой сжимает ручку своего драгоценного саквояжа, кроме которого у него опять ничего в этом мире не осталось. Ни койки в общежитии ОГПУ, ни заботы комиссара первого ранга госбезопасности¹ Агранова.

Ехали достаточно долго, сначала — несколько кварталов — на предельной скорости, а потом, выскочив переулками на Волхонку, водитель

¹ Здесь привычных персональных спецзваний ГБ ещё нет. Большинство сотрудников именуются по должностям: «тov. начальник отдела», или по разряду тарифной сетки. Только высший начсостав имел подобие званий — «комиссар третьего, второго, первого ранга», обозначаемых ромбами в петлице. Но эти знаки различия автоматически менялись при кадровых перемещениях. Так, начальник отдела, назначенный зам. начальника управления, по получении приказа самостоятельно менял три «шпалы» на ромб, а начальник Главка, брошенный «на низовую работу», без специального распоряжения свинчивал с петлиц ромбы, приводя в соответствие знаки различия с разрядом «тарифной сетки»..

сбросил скорость. Вокруг Кремля, в весьма жи-деньком потоке машин, но мощном — пролёток и телег, покатился по Ильинке до Покровских Ворот, а там, опять переулками, — к Курскому вокзалу и дальше.

Троё его похитителей, включая шофёра, молчали, ну и Михаил не высывался, сидя на полу между сильно пахнущими ваксой сапогами. В этом мире тип и качество обуви значили для определения статуса даже больше, чем в близких Волови-чу креативных кругах. Если не актёр, иной какой интеллигент вроде вузовского профессора, а из ру-ководящих товарищ, партийный, советский, хозяйствен-ный (о военных само собой речи не идёт), то носил он обычно сапоги. Даже и при хорошем ше-виотовом костюме. Вот у этих сапоги были явно до-рогие, из тонкой шевровой кожи, стачанные по хо-рошим колодкам.

То и дело утыкаясь в них лбом и носом, оценить товар¹ было несложно. Где-то на подъездных путях вокзала кабриолет остановился, и Михаила без злобы, но и не церемонясь, пинками направили к жёлтому пассажирскому вагону, с накладными бронзо-выми буквами «Международный» вдоль борта.

Внутри вагон оказался салонного типа: за тамбуром и купе проводника — просторное помеще-ние с большим продолговатым столом посередине, жёсткими стульями вокруг, кожаным диваном и де-ревянным буфетным шкафом в дальнем углу. Лю-

¹ «Товар» в данном случае — выделенная тем или иным способом кожа для сапожных работ.

стра на шесть рожков с матовыми колпаками под потолком.

А рядом с тамбуром сохранились два обычных одноместных купе, с дверьми не сдвигающимися, как Волович привык, а нараспах открывающимися в проход. И много дуба, красного дерева в отделке вагона и начищенной то ли бронзы, то ли меди вокруг, в избыточном даже количестве.

Волович опять вспомнил информацию из во множестве и бессистемно прочитанных книг. Всё время ему теперь приходилось вспоминать всякие никчёмные вроде бы детали и подробности, разбросанные по совсем не научно-популярным, а самым обычным художественным книгам, и особенно — злободневным фельетонам, Михаила Кольцова например. После Гражданской войны возможности с комфортом перемещаться по стране практически не было. Самолёты, кажется, регулярно летали только по трём маршрутам из Москвы — в Ленинград, Нижний Новгород и Минеральные Воды. Автодорог с твёрдым покрытием — считаные километры. Да и куда в тогдашних автомобилях без риска добрёшься, кроме соседнего уездного города? В Ленинград из Москвы поездка на отечественном «НАМИ-1» или даже роскошном «Паккарде» превратится в очередной сиквел радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». И по срокам, и по впечатлениям. Заправок нет, автосервисов нет, а нормальный пробег шины по здешним просёлкам — вёрст сто, да и то едва ли.

Поэтому все сплошь достаточно ответственные

работники¹ обзаводились персональными вагонами. Даже поэт Демьян Бедный имел собственный классный салон-вагон, на котором мог месяцами разъезжать по стране с максимальным комфортом. Совсем уже высокие чины вроде членов Политбюро или председателей Коллегий пользовались личными поездами (!), где имелись и салоны, и вагон-баня, и вагон-ресторан, вагоны для obsługi и охраны, а бывало, что и передвижная типография. Чтобы какой-нибудь декрет в пути принять, тут же его распечатать и на станциях по ходу следования распространять.

Поэтому, оказавшись в аналогичном салоне, Волович сразу сообразил, что оказался в руках кого-то из товарищей, оппонирующих ОГПУ, но недостаточно сильных, чтобы законным образом переместить объект в сферу своих интересов. Большого ума не требовалось догадаться — ничего хорошего такая перемена участи ему не сулит.

Но, с другой стороны, Агранова он не слишком заинтересовал, если всё ограничилось переселением из тюрьмы в курятник общежития и трёхрублёвым вспомоществованием. А эти товарищи, возможно, предложат что-то поинтереснее. Причём игра, похоже, затевается непростая, раз в самом начале уже пошли трупы. Из «Томпсона» на Арбате

¹ «Ответственный работник» — термин из номенклатурного лексикона, означающий не столько реальную ответственность человека за итоги своего труда, как то, что ему поручено отвечать за какую-то отрасль или участок работы. Впрочем, во времена культа личности очень многие именно что отвечали, часто — головой. Независимо от реальной вины.

десяток-другой человек положить беспорядочным огнём — нечего делать!

В салоне, кроме похитителей Воловича, оказалось ещё два человека. Гораздо более серьёзного вида. Оба возрастом около сорока лет или слегка «за». Один — вроде как научный работник, если судить по выражению лица и пенсне, другой — да чёрт его знает! Фуражка и китель железнодорожные с непонятными Михаилу петлицами и нарукавными нашивками, а лицо и особенно взгляд могли принадлежать хоть практикующему экстрасенсу, хоть сотруднику контрразведки. Впрочем, на железной дороге в то время и своя прокуратура была, и вооружённые силы — «стрелки НКПС», значит, скорее всего и какие-то особые отделы.

Ох и попал ты, Михаил, ох и попал! Расплачиваешься теперь за невинное желание за границу сбежать от своих благодетелей, прихватив с собой валюты, как в солдатской поговорке про патроны: «Мало, но больше не унести». А ведь мог бы сидеть сейчас на Столешниковом и развлекаться болтовней с барышнями, которые вне боя всё же девушки со всеми положенными (и очень занимательными) частями тела, на которые смотреть — не насмотреться.

Или отправился бы прогуляться по бульварам, в окружении соратников и почитателей, выживших в заварухе последних дней, естественно, регулярно подкрепляя силы во встречных кафешках и барах.

А вместо этого думай со страхом, не подведёт ли снова вегетативная нервная система. Уж больно не приятно всё вокруг выглядит. Словно заседание выездной «тройки».

И, от страха собрав в кулак остатки врожденной наглости, Волович спросил, обращаясь к «англичанину», как к лицу более остальных знакомому, если этот термин здесь уместен.

— Это и есть ваше «более подходящее» место? И вправду неплохо. А мы куда-нибудь поедем или так, для конспирации?

Он подвинул к себе ближайший стул и сел, поскольку не видел оснований стоять. Не перед судом же, действительно.

— И скажите мне наконец, в чём причина этой, как бы выразиться, эскапады?

Слово показалось ему подходящим и по времени, и по обстоятельствам.

— Нас же просто убить могли. Тщательнейе бы следовало...

— Ишь ты! — удивился «железнодорожник». — Соображает. Вас, простите, товарищ Волович, как по отчеству?

— Иосифович...

— Ну вот, Михаил Иосифович, считайте, что вы на самом деле у друзей. А то ведь Агранов — действительно страшный человек. Удивляюсь, как вам вообще позволено было одному на улицу выйти...

— На живца, — негромко сказал напарник пустейца, который в пенсне. — Нас на него и ловили. Только слегка просчитались. Недосмотрели. Тут товарищ Волович нам подыграл, место уж больно удачное для своего отдохновения выбрал...

В это время тот боевик, что с «Томпсоном», положил автомат на стол, стволом к двери, и потрошил саквояж Воловича. Хоть там и «потрошить»

было нечего. Вещь новая, только что купленная, с магазинной этикеткой. И барахлишко в ней ничем не примечательное. Наицешевейшее из наличествовавшего. Как некогда будут писать в рекламах: «Дешевле только даром».

Автоматчик повертел в руках блоки сигарет, бросил их обратно, одну из рассыпных пачек откупорил и тут же закурил.

— А ничего...

Остальные не обратили на него никакого внимания, только Михаил ещё больше разозлился. Вот сволочь — как своим распоряжается.

— Что у друзей — это хорошо, — согласился Волович. — Только кое-кто из друзей меня так ловко из-за стола выдернул, что я и пиво своё допить не успел. У вас не найдётся? А можно и покрепче, нервы-то не железные...

— Никаких вопросов, — кивнул «железнодорожник». — Изобрази, Валя, — это уже автоматчику. — Вину свою мы загладить должны, да и вы разговорчивее станете. Беседа у нас долгая, надеюсь, будет...

— И душевная, — добавил «учёный».

В это время что-то за стеной громко лязгнуло, вагон дёрнулся, так что стоящие едва успели ухватиться за что придётся.

— Яйца оторвать такому машинисту, — спокойно сказал «товарищ» в пенсне, но никто не изобразил намерения немедленно претворить эту идею в жизнь.

— Да, долгая, а душевность — по обстоятельствам. Прокатимся ну хоть до Тулы и обратно. Или в другом направлении желаете?

— Можно до Александрова, там за окном виды красивее... — продолжал наглеть Михаил.

— Никаких возражений, — опять кивнул «железнодорожник». — На Окружную выедем, я распоряжусь...

Вагон медленно пополз, точнее, как всегда, сначала поползли назад столбы и ближние постройки, а потом только стало понятно, что поехал вагон, а всё прочее остаётся на своих местах.

«Валя» поставил на стол бутылку «Шустовского», импортированного из Югороссии коньяка, открытую зелёную жестяную банку с красной икрой и такую же, но синюю — с чёрной. Хрустальную ма-слёнку, тарелку с французской булкой и нож. Следом появились три (!) очень массивные хрустальные стопки, специальные энкапэсовские, чтоб на ходу со стола не сваливались.

— Чем богаты, Михаил Иосифович. Вагон-ресторан ещё не подцепили. Выпьем за знакомство?

Выпили, только они трое, Волович, «железнодорожник» и «в пенсне». Остальным, значит, не по чину.

Закусили, Волович жадно, остальные — символически.

— Давайте ещё, — сказал «железнодорожник», но налил только Михаилу.

Тот торопливо сжевал целых три бутерброда, потом подряд опрокинул две стопки.

— Вы меня простите, — извинился он, ещё жуя, — пять дней ничего, кроме тюремной каши, не ел.

«Друзья» понимающие кивнули, но ничего не ответили.

Четвёртые пятьдесят грамм достигли желудка.
Сразу стало хорошо и почти уже не страшно.

Волович закурил свой «Кэмел», откинулся на стуле.

— А теперь, Михаил Иосифович, давайте по порядку, — предложил «в пенсне». — Кто вы, зачем прибыли в Москву, почему вас тут же арестовал и почти сразу отпустил Агранов и какое отношение вы имеете к Югороссии и её здешним полпредам? Видите, у нас не допрос под протокол, а просто дружеская беседа. Расскажете всё, что нас интересует, — тогда перейдём к следующим номерам нашей программы. Идёт?

Волович кивнул и снова потянулся к бутылке. Потому что ни на один вопрос он не имел правдоподобного ответа, а говорить истинную правду... Нет, я с вас смеюсь, как часто говорил Мишин дедушка, самый настоящий одессит, хоть и с двумя высшими образованиями.

---

* **ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ**

После первых же слов президента Паттерсон почувствовал себя несравненно лучше. Всё ж таки одно дело, когда разговор на сомнительную тему ведёт с тобой вице-президент, при живом начальнике никакой реальной властью не обладающий, и совсем другое, если лично Верховный главнокомандующий отдаёт недвусмысленные приказы.

Паттерсон (с помощью предварительно употреблённых нескольких «дринков») даже набрался смелости и попросил господина президента облечь свои распоряжения и инструкции в письменную форму. Неважно, какую именно, лишь бы под рукой был собственноручно подписанный Верховным документ.

Впрочем, как мудро заметил мистер Ойяма:

— Лучше всего, мой дорогой Шелтон, не доводить до ситуации, когда вам придётся давать кому-то объяснения, кроме меня, естественно. В обстановке, которая может сложиться в результате вашей нерешительности, очень многие люди предпочтут обходиться без процедур, с которыми по традиции сопряжено «парламентское расследование». Я понятно выражаюсь?

— Да, сэр. Достаточно понятно. — Паттерсон сглотнул подступивший к горлу комок. Страшно,

слов нет, но для чего-то ведь носит он по четыре звезды на плечах? Военному человеку на руку написано хоть раз рискнуть по-крупному, иначе в очередном учебнике его не упомянут даже в примечаниях.

— И ещё, — продолжил президент, — я хочу, чтобы вы поняли простую истину — не следует думать, что те методики, что мы используем за пределами Штатов, неприменимы внутри страны. По каким-то там замшелым и всеми забытым причинам. Если мы добиваемся успеха, игнорируя не нами и не для сегодняшнего дня придуманные «правила игры» в окружающем мире, то следует распространить эту полезную практику и на внутренние дела. Чем, в конце концов, какой-нибудь штат Оклахома лучше Гватемалы или Ливии, а его губернатор — тамошних диктаторов? Особенно если вдруг начнёт вести себя *неправильно* с точки зрения высших интересов нации. Вы меня поняли? — с нажимом повторил Ойяма.

— Да, сэр. Я хорошо вас понял. Просто я смолоду привык, что американцы отличаются от других... народов. И с ними не принято обращаться, как с... гватемальцами. Всё же... неотчуждаемые права гражданина и тому подобное... Наша исключительность...

Судя по голосу, генерал был не то чтобы растерян, а оказался в состоянии человека, вот только что уз纳вшего, подобно герою Достоевского, что Бога нет. И тогда какой же он штабс-капитан?

Да... Даже на самых высоких должностях урождённые «ВАСПы» остаются в той или иной степени муравьями. С несколько большим по объёму нерв-

ным ганглием, заменяющим мозг, в котором помещается в нужное число раз большее количество потребных для отправления функции инстинктов. Времена таких личностей, как Ф.Д. Рузвельт или генералы Эйзенхауэр, Брэдли, Маршалл¹, безвозвратно прошли.

Ойяма это сразу уловил, хотя о Достоевском даже и не вспомнил. Паттерсона следовало одёрнуть. Привести в чувство, чтобы снова начал функционировать согласно Программе, подразумеваемой наличием четырёхзвездных погонов на плечах.

— Отвыкайте! Вы солдат, а на войне обстановка может меняться каждую минуту. Не мне вас учить. Вспомните, в сорок первом году весьма оперативно согнали в концлагеря всех японцев, а они были гражданами США не в первом поколении. Чем остальные лучше? И разве в силу «исключительности» наших американцев мы сохраняем для них смертную казнь и многосотлетние сроки заключения? Неужели с «высшими существами» так обращаются? Европейцы и даже русские давно от подобного отказались. Как вы думаете, почему?

Вопрос был, прямо скажем, не из тех, на который легко ответить человеку, давно разучившему

¹ Брэдли Омар Нелсон (1893—1981) — генерал армии, командующий группой армий в Европе в 1944—1945 г. 1947—1949 — нач. штаба армии США, 1949—1953 — председатель комитета начальников штабов и военного комитета НАТО. Автор книги «Записки солдата».

Маршалл Джордж Кэтлетт (1880—1959), генерал армии, в 1939—1945 — нач. штаба армии США, в 1947—1949 — госсекретарь, в 1950—1951 — министр обороны. Автор пресловутого «плана Маршалла», предусматривающего послевоенное восстановление и одновременное закабаление Европы.

ся думать самостоятельно, а тем более — выстраивать умозаключения, в просторечии называемые силлогизмами¹.

— Поразмышляйте на досуге, но только после того, как с прочими проблемами разберёмся. А пока просто выполняйте мои, и только мои, приказы. Письменное подтверждение вы получите. Теперь следующее. Вы сейчас один или с кем-нибудь занимаетесь *перспективным планированием*, что я вам поручил при последней встрече?

«Вот, дьявол, неужели он уже всё знает и устанивил за нами слежку?» — подумал генерал и тут же решил, что, вступая в «президентскую команду» и надеясь на крупный выигрыш, начинать со лжи и даже умолчаний — стратегически невыгодно. Более того, ведёт к катастрофе ещё на «стадии развёртывания войск».

— Да, со мной сейчас вице-президент. И только что изложил мне почти слово в слово то, что вы сейчас сказали. Я думал, вы его и прислали...

— Да ну! Старина Дональд? — восхитился президент. — Ну и чутьё у человека. Дайте-ка ему трубочку...

Паттерсон протянул вице-президенту свой аппарат.

— День добрый, мистер Келли. Очень рад вас слышать. Я всегда знал, что вы — надёжный помощник. Оказывается, даже лучший, чем я предполагал. Шуточка с прессой — ваша заслуга?

¹ Учение о сущности силлогизмов и способах их построения называется силлогистикой, впервые разработана и оформлена Аристотелем.

— В какой-то мере... — не стал вдаваться в подробности Келли.

— Великолепно сделано. А — зачем? — вопрос прозвучал внезапно и резко, как щелчок ковбойского бича.

Отвечать требовалось быстро, чтобы президент понял, что его «вице» давно определился со своей позицией и действует отнюдь не под влиянием минутного каприза или чьей-то угрозы — «Великолепной четвёрки» дам либеральной сексуальной ориентации прежде всего. Впрочем, уже тройки. И не факт, что число их и дальше не продолжит сокращаться. Жаль, он не слышал, что говорил Ойяма генералу. Но и по ответам того можно о многом догадаться.

— Я давно уже пришёл к выводу, что нынешняя конфигурация власти, и персональная и... вообще, больше не соответствует базовым интересам Америки. Сегодня всё же не восемнадцатый век...

Как с вышки вниз головой прыгнул, без подготовки и даже не раздеваясь. Плохо будет, если не рассчитал и соприкоснётся с водой плашмя. А то и вообще — в бассейне не окажется воды!

— Правильно мыслите, Дональд. Далеко не восемнадцатый... И кроме сиу и команчей есть противник пострашнее. Хорошо. Работайте пока с генералом, если нашли общий язык. Чтобы было проще, имейте в виду — на специалистов Феликса можете рассчитывать полностью. И как на организацию достаточно интеллектуальную, и как на физическую поддержку...

Феликс — это был вице-адмирал Феликс Гораций Шерман, начальник военно-морской разведки

США, человека, на которого Ойяма мог рассчитывать просто как на личного друга, готового на всё, как это бывало в почти забытые Америкой суровые времена первопроходцев и золотоискателей. А если это «всё» подкреплялось авторитетом Верховного главнокомандующего и позволяло свести счёты с омерзительными шлюхами (этот термин применим к лесбиянкам?), наложившими свои когтистые наманикюренные лапки на святая святых любого государства — разведку, контрразведку и «национальную безопасность», — Шерман готов был свернуть им головы своими руками. И силы, и ненависти хватило бы.

— Это очень хорошо, — с удовлетворением ответил Келли. Военно-морская разведка — гораздо более полезный инструмент в предстоящей борьбе, чем сомнительные войска Паттерсона. — Могли бы вы, сэр, передать нам прямо сейчас какой-нибудь документ, подтверждающий наши особые полномочия, чтобы в случае чего у иных должностных лиц сомнений не возникало?

В трубке на несколько секунд наступила глухая тишина, видимо, президент отключил звук и с кем-то ещё разговаривал.

— Хорошо, — наконец ответил Ойяма. — Так будет правильнее. Это генерал подсказал, он вообще любит письменные приказы, или вы сами додумались?

— Это обычная практика, сэр. Устные распоряжения — для незначительных поручений. А в нашем случае...

Все трое старательно избегали хоть как-то сформулировать суть и смысл «случая». Очень

сложно людям, воспитанным на опыте многих поколений предков и предшественников в священном преклонении перед Конституцией и Законом, признать вслух то, что уже давным-давно совершилось — ещё при Вудро Вильсоне или первом президентском сроке Рузвельта. Как католическому епископу заявить перед телекамерами, что большая часть его клириков — гомосексуалисты-педофилы. Равноценно и президенту — согласиться, что Конституция и Закон повешены на гвоздик в отхожем месте, и только их ксерокопии регулярно демонстрируются толпе, чтобы она верила, что живёт в самом демократическом и правовом государстве этого погрязшего в смуте, хаосе и грехах мира.

— У вас лэптопы с собой? — спросил Ойяма.

— Да, сэр. И у меня, и у генерала. Адреса вы знаете?

— Найду, — хмыкнул президент, и буквально через пять минут перед каждым из заговорщиков на мониторах появился аутентичный текст. На официальном бланке с грифом и всемиложенными юридическими и канцелярскими атрибутами значилось:

«В соответствии с установлениями Конституции США, всеми законно принятыми Поправками к ней, имеющимися прецедентами и сложившейся практикой государственного управления наделяю сроком на 59 дней, начиная с... числа такого-то месяца текущего года предъявителя сего вице-президента США Дональда Келли (Председателя объединённого комитета начальников штабов видов вооружённых сил США Шелтона Паттерсона) чрез-

вычайными полномочиями по исполнению моих поручений и приказов без согласования с какими бы то ни было органами государственной власти и управления США (Конгресс, Сенат, Верховный Суд, Министерство обороны и т.д.). Вице-президент (Председатель комитета начальников штабов) также наделается правом на указанный срок отдавать (на основании моих письменных инструкций) от моего имени приказы и распоряжения любым должностным лицам, в том числе и выборным, включая Губернаторов штатов и командующих формированием Национальной гвардии, безусловно обязательные к исполнению. Неисполнение распоряжений вице-президента (Председателя комитета начальников штабов) влечёт за собой немедленное отстранение от должности с привлечением в случае необходимости к военно-полевому суду по законам военного времени или заключению под стражу до личного рассмотрения дела по существу Президентом Соединённых Штатов Америки».

Распоряжение (или, точнее, «Мандат»¹ в терминологии Французской или Русской революций) было заверено электронной подписью президента.

В документе как таковом не было ничего из ряда вон выходящего. По Конституции и законодательству США президент имел право без согласования с Конгрессом объявлять войну любому иностранному государству, каковая война должна была

¹ Мандат (лат.) — документ, удостоверяющий права и полномочия какого-либо лица, как правило — помимо или в отсутствие кодифицированных норм.

быть прекращена в случае неодобрения её Конгрессом не позднее чем через 60 суток после начала. В реальности же из более чем двухсот войн, которые вели США на протяжении своей не слишком долгой истории, лишь пять были утверждены Конгрессом, остальные президент вёл «по своему хотению».

Точно так же президент имел право вводить военное положение на территории страны, подчинять себе подразделения Национальной гвардии, переводить их в состав Вооружённых сил, использовать против собственных граждан **ЛЮБОЕ** оружие и **ЛЮБЫЕ** меры «в масштабах, которые он считает необходимыми», как было специально оговорено, для подавления массовых беспорядков и вообще действий, «препятствующих исполнению законов и нормального функционирования государственных институтов».

Хитрость и даже цинизм подобной нормы заключались в том, что (теоретически) если Конгресс, Сенат и Верховный Суд сочли бы действия президента неправильными, они могли их отменить и даже инициировать процедуру импичмента неугодного президента. Но опять же — не ранее чем через 59 дней и после дебатов и обсуждений, которые могли оказаться и бесконечными. Кроме того, может случиться, что к истечению указанного срока все три почтенные организации останутся без кворума. Мало ли какие коллизии за долгих два месяца подстерегают человека (какое угодно количество людей), который, как утверждал Воланд, «внезапно смертен». Или, если без «крайностей», две трети «представительного органа» решат именно в это

время отдохнуть где-нибудь вне пределов устойчивой телефонной связи.

Одним словом, в Конституции США были заложены все необходимые положения, позволяющие без особых сложностей перейти к самому крутому тоталитаризму. Отсутствовал даже столь слабый, но всё же сдерживающий фактор, как международное право. Юридическая система США не предусматривала главенства каких угодно договоров и соглашений над внутренними законами. На решения хоть Генеральной Ассамблеи ООН, хоть самого Совета Безопасности американцы тоже обращали внимание только тогда, когда им этого хотелось. Каприз возникал...

Получалось, что, просто не допустив собрания Конгресса и Сената, переубедив или купив верховного судью, попросту уволив без объяснения причин генерального прокурора и забыв назначить нового, президент мог править страной не хуже Гитлера, с той же эффективностью и столь же бесконтрольно.

Граждане как таковые фактически не могли бы этому самовластью что-либо противопоставить. Реальных партий в стране не было, традиций самоорганизации для революции или бунта — тоже. Клубы геев или кружки любителей кактусов — это не совсем то, что «штурмовые отряды» Рема или «Рот фронт» Тельмана.

Даже единой Церкви в стране не было, чтобы пастыри, «затворив храмы» и прекратив совершение таинств, поставили бы светскую власть на ко-

лени, как это сделал папа Григорий с королём Генрихом¹.

Какое-то сопротивление «произволу» могли бы оказать четыре миллиона хорошо вооружённых членов «Национальной стрелковой ассоциации», но, во-первых, они были точно так же разобщены в масштабах страны, как и любые другие общественные организации, а во-вторых, в силу своих глубинных консервативных и совершенно неполиткорректных убеждений как раз они охотно поддержали бы второй «Новый курс»² президента Ойамы.

А если ещё в твоих руках вся банковская система и почти сто процентов средств массовой информации! За исключением, может быть, нескольких мелких сельских газетёнок и радиостанций FM, обслуживаемых полунищими энтузиастами. Кстати, *грамотно подойдя к вопросу, как раз эти СМИ из глухой «одноэтажной Америки» легче всего поставить на службу «Новому порядку»*. Под всем понятным лозунгом: «За старую добрую родину, против вредных влияний»³.

Конечно, с точки зрения правоведов и правозащитников, подписанные президентом «мандаты» являлись грубейшим нарушением так называемо-

¹ В 1077 г. в ходе борьбы за право назначать и смещать аббатов в монастырях баронств и маркграфств папа Григорий VII отлучил от церкви императора Священной Римской империи Генриха IV. В итоге императору пришлось униженно вымаливать прощения у папы, стоя босым в снегу с верёвкой на шее у ворот замка Каносса. Откуда и пошло известное выражение «идти в Каноссу».

² Первый «Новый курс» был объявлен Ф.Д. Рузельтом в 1933 г. и фактически отменял многие положения и принципы «американского капитализма», а также и права человека, например, право граждан на владение золотом в любых видах.

³ См.: А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века.

го духа законов, прецедентов и самой Конституции со всеми её поправками. И на самом деле этот шаг ставил крест на привычном стереотипе «североамериканской демократии», примерно как поручение в 1933 году Гинденбурга Гитлеру сформировать германское правительство и занять пост рейхсканцлера зачеркнуло саму идею Веймарской республики¹.

И, самое главное — с момента вручения президентским клевретам «мандатов» в стране не оставалось сил, способных хоть как-то воспрепятствовать всевластию обозначившегося «триумвирата». Именно так, поскольку, если не принимать во внимание неизвестные Келли и Паттерсону факторы, без них, непосредственных исполнителей, президент оставался бессилен. Любое его распоряжение, противоречащее уже достигнутым договорённостям, легко блокировалось с помощью этих самых бумажек. Собственных, не зависимых от партнёров силовых структур у президента не было. В этом они были полностью уверены, зная, как им казалось, гораздо¹ больше, чем Ойяма мог предположить.

При осознании открывающихся перспектив и у вице-президента, и у генерала случился приступ неконтролируемого веселья, сопровождавшегося ещё несколькими порциями действительно превосходного виски (с каждым глотком оно становилось

¹ Веймарская республика — демократическая парламентская федеративная республика в Германии (1919 — 1933 гг.). Оказалась крайне неустойчивым политическим образованием, за 14 лет сменились 21 кабинет министров, 8 составов рейхстага. После победы на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. (196 мест из 584) Национал-социалистской партии 30 января 1933 г. прекратила своё существование.

всё лучше и лучше, что противоречило всем имеющим отношение к винокурению законам и располагалось в области прикладной психологии).

— С такой индульгенцией и карт-бланш в одном флаконе мы теперь можем делать всё, что в голову взбредёт! — несколько опрометчиво воскликнул Паттерсон.

— Нужно только, чтобы в голову взбредало то, что способствует успеху нашего дела, иначе... — многозначительно поднял палец Келли.

— Кому вы говорите? Я старый солдат и знаю великолепную формулу Наполеона: «*Ordre et contrordre — desordre!*¹»¹ Этим я и займусь сейчас. В нашем с вами состоянии мы только на это и годимся — отдавать идиотские приказы. А завтра подумаем и над умными. Вы согласны?

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво водя пальцем по завиткам цветочного узора на скатерти, ответил Келли. Он не чувствовал себя таким уж пьяным, но, глядя на уровень напитка в графине, понимал, что это иллюзия.

— Знаете, Дональд, я знаю место, где мы сможем сейчас очень хорошо поразвлечься. Пока позволяет время. Не очень далеко отсюда. Там есть девушки-связистки в офицерских чинах, которые именно поэтому никогда не обвинят нас в «хорасменте»².

¹ «Постоянная перемена приказов ведёт к беспорядку» — литературный перевод дословного: «Приказ и контрприказ — беспорядок» (франц.).

² «Сексуальное домогательство» — одна из статей американского УК, по которой без всяких улик и доказательств, в отсутствие т.н. «события преступления», просто со слов «потерпевшей» можно получить очень приличный срок.

— Стоит ли? — задумался Келли, на самом деле уже решивший воспользоваться предложением генерала. Действительно, затевать государственный переворот и трусливо опасаться обычного вечера с понятливыми девушками?! Вот сорвётся всё, поставят их к стенке, как полковника Штауфенберга с друзьями-генералами, — и вспомнить нечего будет. Нет, особым пуританином он и до этого не был, но вот иметь дело с военнослужащими дамами, да «при исполнении», ему не приходилось.

Он представил, как, одной рукой нескромно лаская мисс лейтенанта или даже миссис майора, другой рукой сует ей под нос документ: «Неисполнение распоряжений предъявителя сего влечёт за собой отстранение от должности с преданием военно-полевому суду». И захотел.

Собираясь увидеться с посланцами Ляхова, в ожидании прибытия начальника военно-морской разведки Лютенс предложил президенту, перед тем как начать разбираться с высшими руководителями «силовых» (как это называется в России) ведомств и прочими значительными фигурами из Совета национальной безопасности, кабинета министров и своей Администрации, выступить с обращением к народу. Это будет шаг неожиданный для противников, ни к чему формально не обязывающий, но способный значительно снизить на-кал страстей в обществе и выбить оружие из рук тех, кто до сих пор рассчитывает учинить очередной «управляемый хаос», теперь уже на территории непосредственно Соединённых Штатов. И под прикрытием этого хаоса и растерянности неготовых к

потрясениям государственных институтов лишить американцев не только «свободы и стремления к счастью», но и самой жизни¹.

— Пожалуй, Лерой, это будет правильно. Всегда полезно нанести упреждающий удар...

Кому же не знать этой истины, как потомкам двух наций, особо изощрённых в подобных действиях?

— Вы набросайте основные тезисы, как вам это обращение видится, а я потом подредактирую на свой стиль. Двух часов вам хватит?

— С избытком. Только разрешите мне где-нибудь уединиться. Не люблю размышлять на людях...

— А я думал, вы по своей специальности умеете думать и принимать мгновенные решения в любой обстановке...

— По специальности — да. Но спичрайтером президента я ещё не работал... Позвольте взять ваш лэптоп. Или любой другой. Я ручкой писать давно разучился...

— А как же вы русского изображали? — съязвил президент. — У них что, тоже распространены лэптопы и компьютеры?

— Удивитесь, но имеются. Не меньше, чем у нас. А то и больше. Русские здесь напоминают

¹ Формула из «Декларации независимости тринадцати соединённых Штатов Америки», принятой 04.07.1776 г.: «Все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к которым относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Дальше там говорится о праве наций свергать неугодные правительства, но с оговоркой, что делать это нужно только в крайнем случае, хорошенько подумав и с большой осторожностью.

американских индейцев. Суровые, даже жестокие люди, но, как дети, обожают всякие гаджеты. Зеркальца, бусы, винчестеры. Сейчас вот их кумир — электроника. Айфоны, айподы и прочее у них поступают в продажу раньше, чем у нас начинают рекламировать, — непонятно чему усмехнувшись, сказал Лютенс, а сам с сожалением подумал, что даже в девятнадцатом веке руководители цивилизованных государств лучше ориентировались в международной обстановке, да и реалиях повседневной жизни, чем сейчас. Что там ни писали бульварные листки, но и Бисмарк, и Гладстон и Линкольн точно знали, что русские не ездят по Невскому проспекту на пьяных медведях с балалайками. В Первую мировую никто не удивился, что сильнейший в мире тяжёлый бомбардировщик «Илья Муромец» изобрели и построили именно русские. А Кеннеди легко поверил после полёта Гагарина, что Хрущёв штампует межконтинентальные ракеты, «как сосиски», отчего полтора десятилетия мир прожил в относительном покое и благополучии.

А вот нынешние «лидеры», путая Бирму с Бангладеш и Иран с Ираком, охотно верят своим советникам, утверждающим, что Россия находится где-то на 190-м месте в мире по уровню жизни населения и на 205-м, после Зимбабве и Сомали, по «человеческому потенциалу». И что Грузия, например, получив триста американских советников и двадцать «Хаммеров», легко разгромит средневековую Российскую армию.

Бедная Америка! Её ждут в недалёком будущем трудные времена. Пресловутый «когнитивный дис-

сонанс» во всей его красе, помноженный на «объективные экономические трудности». Вдруг и за очень короткий отрезок времени придётся понять, что американцы — отнюдь не раса «окончательных и исключительных сверхчеловеков», и их пресловутый «жизненный уровень» сохранится только у тех, кто действительно умеет делать что-то необходимое окружющим и при этом конкурентоспособное. И «Чёрный обелиск» Ремарка¹ станет очень для многих едва ли не настольной книгой.

— Возьмите, что вам нужно, там, на полке у секретаря, — махнул рукой Ойяма и, похоже, потерял к своему новому «спичрайтеру» интерес, сосредотачиваясь перед звонком ещё нескольким «суперVIP-персонам». В целях самоутверждения и зондажа обстановки.

Лютенс удобно устроился в расположенной напротив кабинета президента гостиной на кожаном диване рядом с открытым окном. С помощью возвращённых ему по распоряжению президента устройств проверил, нет ли поблизости подслушивающей, подсматривающей и передающей аппаратуры. Таковой не оказалось, всё же следить за «большим боссом» в его личных помещениях коммодор Брэкетт считал неэтичным. Тем более — не зная, кто из сотрудников-технарей может его выдать президенту или использовать приспособле-

¹ «Черный обелиск» — роман известного немецкого писателя Э. М. Ремарка, повествующий о жизни и способах выживания в Германии во время гиперинфляции 1923 г. На пике инфляции курс марки менялся несколько раз в день. В ноябре 1923 г. доллар «стоил» ПЯТЬ ТРИЛЛИОНОВ марок. Была выпущена купюра «100 триллионов», равная примерно 25 долларам.

ния, в которых сам коммодор не разбирался, в собственных интересах или по заданию «врагов нации».

Он снова вышел на связь с Ляховым, чем, похоже, несколько вывел куратора из обычной эпикурейской флегмы. Так сложились их отношения, что Лютенс видел Вадима Петровича исключительно в этой маске — человека, излишне даже спокойного, неторопливого в словах и жестах. Малоэмоционального, понимающего вкус в напитках и табачных изделиях, почти равнодушного к женским чарам (опытный в таких делах разведчик сразу заметил, что все прелести и стати Рыси оставляют Ляхова равнодушным).

— Что у тебя опять случилось? — недовольно спросил Ляхов, проводивший, похоже, какое-то совещание. По крайней мере, на заднем плане в кадре сидели и стояли люди, среди которых он немедленно узнал и Рысь, о которой только что подумал. Теперь она была в военной форме, не слишком похожей на нынешнюю российскую, но с характерными, классическими русскими погонами. Старший лейтенант, или поручик, если она тоже из *той* России.

Лютенс коротко и чётко, чтобы ещё больше не раздражать сильно занятого человека, доложил о сути разговора с президентом и о полученном задании.

Ляхову это понравилось.

— Молодец, юнкер. Поздравляю поручиком!¹
— Я уже полковник, — обиделся Лютенс.
— Это ты где-то там у себя в прериях полковник. Да хоть и маршалом назначат, если всё выгорит. А у меня пока поручик. И скажи спасибо. С речью вы хорошо придумали. Но теперь это не ко мне. У проекта появились другие кураторы. С ними и обсуди. Сейчас переключу...

Пока Лютенс раздумывал, снова закуривая, к добру ли для коня такая смена кучера на переправе, монитор несколько раз мигнул, и на нём появилось изображение мужчины лет около сорока, сильно напоминающего итальянского актёра Марчелло Мастроянни в молодости. Только короткие английские усы и зачёсанные на левый пробор волосы были тёмно-соломенного (палевого, если по Далю) цвета, а глаза — серо-голубые, с оттенком хорошей ружейной стали. И взгляд у этого персонажа был... Ну, если бы Лютенс был женщиной, он назвал бы его «раздевающим», а тут сразу и не подберёшь термин. «Пронзительный» — не слишком подходит. Скорее, наверное, «проницательный», «понимающий» и «снисходительный» тоже. Как у опытного, всё про своих прихожан знающего священника или даже — настоятеля монастыря, про-

¹ Ляхов цитирует императора Николая Первого. Когда тот ночью, по своему обыкновению, в одиночку прогуливался по Дворцовой набережной, на него налетел стремглав бегущий куда-то юнкер. Николай приподнял его за воротник поближе к глазам (рост у царя был больше 2 м) и спросил: «Откуда бежишь?» — «Из депа, Ваше Величество!» — «Дурак, депо не склоняется». — «Всё склоняется перед Вашим Величеством!» — «Молодец. Поздравляю поручиком, юнкер!»

водящего душеспасительную беседу с заблудшим, нуждающимся в наставлении.

«С этим посложнее будет», — сообразил Лерой, хотя совсем недавно именно Ляхов поражал его некоей «сверхчеловечностью». Или, может быть, даже «надчеловечностью». В сравнении с большинством известных Лютенсу людей.

— Будем знакомы, мистер Лютенс, — слегка улыбнулся уголками рта новый куратор. — Пока вы «за рубежом», ваш русский псевдоним вспоминать не будем. Меня Александр Иванович зовут. О вас я всё, на первый случай нужное, знаю. Дальше будем взаимно углублять свои отношения. Воинское звание моё — генерал-лейтенант, в разное время руководил самыми разнообразными ведомствами, имеющими отношение к «чтению в сердцах», как выражался Салтыков-Щедрин. Так что поймёшь друг друга, я надеюсь. Люди считают, что работать со мной легко и приятно... — При этих словах он снова улыбнулся, до крайности располагающе. И улыбка была на самом деле человеческая, ничуть не похожая на те, что по пятнадцать раз в минуту расточали друг другу сам Лютенс, его начальники, подчинённые и даже любовницы.

«Ох и непрост господин генерал-лейтенант, ох и непрост, — подумал Лерой, — но я явно перешёл на другой уровень. Взвешен и признан достигшим нужной весовой категории...»¹

— Так что там у тебя? — Лютенс ещё не при-

¹ Парафраз библейского: «Ты взвешен и признан слишком лёгким».

вык к манере Шульгина переходить с «вы» на «ты» и обратно в ходе разговора с одним и тем же человеком, в зависимости от темы, эмоционального настроя и того, как он в каждую текущую минуту своего партнёра позиционировал. Кроме того, такая методика очень способствовала дезориентации собеседника и поддержания в нём нужного уровня тревожности, если он был достаточно умён и чувствителен. А также заставляла всё время думать не только о главной теме разговора, но и о том, каким образом коррелируются его слова с этими «ты» и «вы».

Лютенс повторил свою идею, уже превратившуюся в руководящее указание сверху. Как это обычно и бывает.

— Что ж, это всегда полезно, с народом пообщаться верховному правителю. Особенно так, как с ним давно никто не разговаривал. Или вообще никогда. Мне говорили, ты парень эрудированный. Историю знаешь. Помнишь сталинское «Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои!»?

— Не то чтобы помню, но читал, — осторожно ответил Лерой.

— Это хорошо. Вот и **вам**, для эффекта, что-нибудь столь же нестандартное и запоминающееся сейчас подошло бы. Это, знаешь ли, очень важно — с чем очередной правитель в историю входит...

— Очередной? — не понял Лютенс.

— Именно. Кто его знает, вдруг именно с этой речи начнётся новая эпоха во главе с новым прин-

ципалом¹. — Шульгин снова улыбнулся. — Что бы тебе такое... соразмерное подсказать?

Шульгин сделал вид, что задумался, хотя на самом деле занятие это было ему несвойственно — решения и ответы на самые замысловатые вопросы приходили к нему мгновенно, часто раньше, чем собеседник успевал закончить фразу. За эту способность, кстати, его в своё время пригласил в аспирантуру славившийся своей проницательностью и одновременно авторитарностью профессор, автор нескольких монографий, изданных под грифом «ДСП», а то и «Секретно».

«Столь редкая способность свидетельствует не только о быстром и правильном способе мышления, но и о непробиваемой уверенности в себе. Если он ещё студентом не давал договорить профессору и моментами ставил того в тупик, подобно Сократу, то я с ним сработаюсь. В рот мне пусть стоматолог заглядывает...» Примерно так будущий научный руководитель и покровитель ответил директору и парторгу института, когда те усомнились в возможности и необходимости зачислять в «закрытую» аспирантуру ничем не примечательного врача со стажем «не по профилю», имевшего две тройки во вкладыше к диплому и известного «не слишком восторженным» образом мыслей.

— Как насчёт чёго-то вроде Первой речи Цице-

¹ Принципал (лат.) — глава, хозяин. Лицо, от имени которого действует представитель. Принципрат — форма рабовладельческой монархии (Рим), при которой формально сохранялись республиканские учреждения, а самодержавный император формально считался только первым среди сенаторов.

рона против Катилины?¹ Помнишь его или вы в неизмеримой гордыне своей вообразили, что классическое образование уже не нужно в век богомерзких гаджетов и «позитивных знаний»?

Шульгин как бы невзначай сбился на стилистику сенатора, оглашавшего звуками своей «золотой латыни» своды римского Форума (или тот заседал под открытым небом?) две с лишним тысячи лет назад.

— Да кое-что помню, — смущаясь Лютенс. — «Доколе же, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?» И вы думаете, что сегодня это до кого-то дойдёт?

— А дальше не помнишь?

Лерой виновато развёл руками.

— Тогда что же берешься рассуждать? Как вчера ведь написано! Стиль каков! А напор?! Люди будут слушать и плакать. Только имён никаких не называть, подсократить кое-что, осовременить слегка. Нет, ты представь — весь мир, затаив дыхание, будет слушать, поражённый тем, что довольно-таки затруханный, пардон, функционер вдруг явил миру лицо не мальчика, но мужа!

Шульгин немедленно преобразился, словно вспомнив годы, когда ему доводилось, пусть и с крошечными ролями, выходить на сцену Вахтанговского театра. Глаза загорелись, и голос зазвенел, имитируя на русском звучание «золотой латыни». Начал, словно бы по памяти, цитировать наиболее ударные пассажи и периоды:

¹ См.: Цицерон М. Т. Избранные статьи и речи. «Форум-пресс». Рим, 62 г. до Р.Х.

«Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго ещё ты, в своём бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды?»

«О, времена! О, нравы! Сенат все понимает, консул видит, а этот человек всё ещё жив?»

«Ведь высокочтимый муж, верховный понтифик Публий Сципион, будучи частным лицом, убил Тиберия Гракха, пытавшегося произвести лишь незначительные изменения в государственном строе, а Катилину, страстно стремящегося резней и поджогами весь мир превратить в пустыню, мы, консулы, будем терпеть?»

«О, бессмертные боги! В какой стране мы находимся? Что за государство у нас? В каком городе мы живём? Здесь, здесь, среди нас, отцы-сенаторы, в этом священнейшем и достойнейшем собрании, равного которому в мире нет, находятся люди, помышляющие о нашей всеобщей гибели, об уничтожении этого вот города, более того, об уничтожении всего мира!»

— Как звучит! Главное — актуальненько так. В общем, открай Интернет, скачай первоисточник — и вперёд! Позаимствуй всё, что вписываеться. Главное — тональность, методику убеждения сохрани. Массы от этого отвыкли, потому и сработает... Не к Сенату обращайся, ко всему народу, и вместо Катилины держи перед глазами собирательный образ наиболее отвратных вам с президентом персон. Обвиняй, в чём хочешь, всё равно доказательства предъявлять не потребуется. Как в Ираке: Саддама повесили, и концы в воду... Было у него

бактериологическое оружие, не было — кому теперь интересно?

Да, не забудь штук пять цитат на латыни, поблагозвучнее, где надо, вставить. Как у нас при советской власти классиков даже в кулинарные книги втыкали. И работало ведь...

Лютенс тут же набрал на клавиатуре требуемое название. Быстродействие Интернета в президентской резиденции было великолепным, и вот уже он смотрел на строчки параллельного, английского и латинского, текста на экране.

— Там и концовка хороша, обрати внимание, — сказал Шульгин, наблюдавший за его манипуляциями.

«Поэтому пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена. Заверяю вас, отцы-сенаторы, мы, консулы, проявим такую бдительность, вы — такой авторитет, римские всадники — такое мужество, все честные люди — такую сплочённость, что все замыслы его вы увидите раскрытыми, разоблачёнными, подавленные и понесшие должную кару!»

Да, в несколько осовремененном виде подобная речь просто вгонит в ступор многих и многих отечественных и зарубежных аналитиков. Одни начнут искать скрытые смыслы в самом тексте, другие — причины возвращения к политической архаике, трети, самые умные, — отгадывать, с какой целью подброшены варианты разгадок и в чём кроется истинный замысел «хитроумного японца».

Самого же Лютенса больше интересовало: «Кто

же он есть, его новый куратор, этот самый Александр Иванович?» Загадка личности говорящего с ним человека волновала сейчас Лютенса гораздо больше, чем пришедшийся к месту совет. Похоже, сменив куратора, он поднялся на сколько-то там ступенек во внутренней иерархии загадочного «Института». Только что казавшийся недостижимо высоким по положению, Ляхов явным образом находился заведомо ниже генерал-лейтенанта, решившего взять работу с Лютенсом и президентом под личный контроль.

• Непонятно только, представляет ли он некие государственные «силовые структуры», руководящие «паранормальными учёными», или точно так же олицетворяет нечто *надгосударственное*. Даже — трансцендентное¹, решившее вмешаться в дела потерявшего все и всяческие ориентиры человечества.

— Спасибо, Александр Иванович, — как можно более уважительно, но и с должной степенью независимости поблагодарил он, отодвигая ноутбук. Закурить хотелось нестерпимо, и он позволил себе неторопливо достать зубами сигарету из пачки, глядя мимо своего визави, щёлкнул «Зипой». — Думаю, что идея ваша граничит с гениальностью. Не только потому, что народ будет удивлён, заинтригован и почти что перевербован. Главное — те, кому стоит бояться, испугаются до колик в животе именно неопределённостью угрозы вместе с её жёстко

¹ Трансцендентный (лат. — выходящий за пределы) — в идеалистической философии Канта — недоступный познанию, находящийся за пределами опыта, лежащий по ту сторону опыта.

задекларированной неотвратимостью... Я сейчас же приступлю...

— Вот и отлично, — улыбнулся Шульгин «улыбкой номер шесть», как в своё время острили друзья, посмотрев «Лимонадного Джо»¹. — Не стесняйтесь вызывать меня при первой же необходимости. Просто наберите хоть на компьютере, хоть на любом айфон-айподе три звёздочки, потом RM² и ещё три звёздочки. Знаете, в своё время ходил анекдот, у Симонова приводится. За что сняли в сорок четвёртом году главного редактора «Красной звезды» Ортенберга? Вроде никаких претензий не было даже у Сталина. Оказывается, за несообразительность. Когда ему поставили «вертушку»³, он подумал, что это, чтобы он звонил. А на самом деле — чтоб ему звонили. Ну и...

Лютенс вежливо усмехнулся, не совсем уловив, в чём именно юмор «анекдота».

— Так вы не бойтесь, звоните. И вообще ничего не бойтесь. Пока вы с нами. Наверняка ведь

¹ «Лимонадный Джо» — пародийный киномюзикл-вестерн, ЧССР, 1964 г. Крайне популярный в СССР. Многие фразы из фильма разошлись на цитаты. В данном случае имеются в виду названия «коктейлей», которые пьют ковбои до перехода на лимонад под влиянием главного героя: «смесь № 3», «смесь № 6», «моя смесь» и т.д. Смесь номер шесть — виски с серной кислотой.

² «RM» — Ричард Мэллони, юношеский «псевдоним» Шульгина, а также имя, под которым он впервые вышел на контакт с Сильвией в Лондоне. См. роман «Бульдоги под ковром».

³ «Вертушка» — на кремлёвском жаргоне — телефон АТС-1, защищённой связи с высшим руководством партии, правительства и «особо ответственными лицами». Всего абонентов АТС-1 было около 500 человек по всей стране.

подумали, что будущая речь президента — прямой путь к «ночи длинных ножей»¹ или сталинскому «Большому террору». А потом и вас ликвидируют, как слишком много знающего. Будьте спокойны. Какие-то репрессии наверняка будут, но это ваше внутреннее дело. В любом случае тысяча-другая вовремя устранных «оппозиционеров» не в пример предпочтительнее бесконечной «холодной» или, упаси бог, «горячей» войны. А за себя не опасайтесь. Именно потому, что мы *почти всемогущи*, нам нет необходимости быть излишне подозрительными. Ваши грядущие перспективы в американском истеблишменте ограничиваются только вашими амбициями. Ну и умственными способностями, естественно. С этим у вас пока всё в порядке, насколько я успел заметить. Одним словом — за работу, товарищ!

Шульгин сделал жест, будто собирается где-то за пределами экрана отключиться от связи, но остановил руку на полпути.

— Вот чёрт, совсем забыл! Старость, наверное, подступает. Сейчас вам перекину список поручений для беззаветно перешедшего на нашу сторону генерала Паттерсона и вице-президента. А чтобы не тревожить по каждому несущественному поводу главу государства и Верховного главнокомандующего — дам вам пароль. Услышав его, Келли исполнит **ЛЮБОЕ** ваше распоряжение, хоть головой вниз с крыши бросится, и передаст соответствующие по-

¹ «Ночь длинных ножей» — организованная Гитлером 30.06.34 г. кровавая расправа с нелояльными ему лично руководителями НСДАП, командующим СА Э. Ремом и высшим комсоставом «штурмовых отрядов».

ручения всем, от него зависящим. Так что вы этим «словом»¹ не злоупотребляйте. Сегодня скажете «вице», что список мероприятий, обозначенных в предписании, надлежит начать исполнять немедленно и со скоростью, что была принята в Рейхсвере и Вермахте², традиции армии США пусть забудут. Все перекрестные согласования и утверждения отменяются. Я доходчиво выразился?

...Сашка стоял у окна, выходящего во дворы между Столешниковым переулком и Петровкой. Снаружи снова моросило. Мелкий дождь пополам с крупным туманом шуршал по крышам флигелей, застилал перспективу. Уже через сотню метров очертания соседних домов и нескольких старинных, дореволюционных ещё, наверное, лип терялись в сероватой мгле. По-своему уютно и наводит на романтические мысли. Как раз в такой же примерно денёк они с Андреем стояли на перекрёстке тогда ещё проспекта Маркса и улицы Горького, подняв воротники одинаковых, жутко модных тогда светло-зелёных плащей с погончиками и кокеткой. Курили в кулак то ли «Шипку», то ли «Солнце» и присматривались к пробегающим мимо девицам в

¹ «Пароль» по-французски и значит — « слово » .

² В армиях кайзера и гитлеровской Германии бюрократия действительно сводилась к самому необходимому минимуму. Например, в СССР от представления военнослужащего к награде до её вручения могло пройти полгода и больше, а некоторые наградные листы ВОВ цели, но ждут утверждения ещё и сегодня, как ни абсурдно это выглядит. У немцев достаточно было карандашной записи или даже телефонного звонка командира роты или комбата в вышестоящий штаб, и солдат в ближайшие дни получал свой «Железный крест».

рассуждении с кем-то познакомиться. Если мелькнёт что-то заслуживающее...

— Хорошо ты с ним поговорил, — сказал Новиков, вставая с кресла и потягиваясь. — Спина что-то затекла, давно серьёзно спортом не занимался...

Подошёл к окну, стал рядом.

— Погодка — в самый раз. Может, до «Националья» прогуляемся? Кофейку в том самом эркере попьём...

Снова он совершенно точно попал в кильватер Сашкиной мысли, что было не так и сложно. Мимики Шульгина для Андрея — открытая книга. О чём может подумать человек, задумчиво глядящий на характерный метеоролого-топографический ландшафт по ту сторону заплаканного стекла, да ещё позволивший себе слишком явно взгрустнуть. Не вопрос для хорошо знающего его друга, тем более — давно и успешно практикующего психолога. Где-то даже — «пара»...

— Можно и прогуляться. Давненько мы там не были. Не разочароваться бы только...

— Да нет, говорят, сейчас всё на высочайшем уровне, и сервис, и прочее...

— Я не об этом, — сделал Шульгин рукой отстраняющий жест. — Не видал я сервисов. Если б они ту атмосферу сохранили. А как думаешь, — резко сменил он тему, — амеры, те самые, простые и простодушные, наживку проглотят?

— Считаю, что да. Чем они лучше веймарских немцев или наших дураков в девяносто первом? Хохлы вон говорят — «Хай гирше, та инше», а здесь ведь им и «инше» и «слаже» пообещают. Ладно,

пошли. Вернёмся, понаблюдаем за реакцией олигархических масс «колыбели демократии» на текущие события...

В лучших традициях конспирологических романов и фильмов на площадке перед пентхаусом, просторно расположившимся на крыше шестидесятиэтажного небоскрёба, под вечер встретились шесть человек. Каждого из них при всех внешних различиях никто не спутал бы с представителями третьего сословия (оно же — пресловутый «средний», а также «креативный» класс), хотя последние три десятка лет даже миллиардеры, за исключением самых экстравагантных, старались быть как все, иногда доходя до абсурда вроде Билла Гейтса, знаменитого, а также пресловутого.

Господа, рассевшиеся в ротанговых креслах на осторожном отдалении от балюстрады, отделяющей лужайку перед коттеджем от пропасти, густо заставленной то бетонными, то стеклянными зданиями пониже, дружно извлекли из карманов пепиалы с сигарами. «Здоровым образом жизни» они явно не заботились. К тому же сигара с точки зрения медицины почти безвредна для сердца и лёгких, зато весьма полезна для центральной нервной системы. А возможно, и для вегетативной тоже. И ещё сигара говорит о своём курильщике, о его статусе и психологическом портрете ничуть не меньше, чем марка часов или расцветка и материал галстука. Как говорил Оскар Уайльд: «Если дорогой костюм — это символ статуса, то стильный галстук — символ успеха».

— Ну и как мы на всё происходящее должны

реагировать? — спросил после всех обменов приветствиями и непременных на англосаксонском «парти» фраз Латимер Нортон, газетно-журнально-телевизионный магнат, значительно опередивший по числу подконтрольных ему фирм и корпораций знаменитого Хёрста¹, хотя и уступавший уже упоминавшемуся Тафту Хартли.

— Что вы хотите сказать на самом деле, а не обиняками? — тут же отреагировал Джек Бернстайн, номинальный владелец массы хеджинговых, форексных, трастовых и один бог знает каких ещё финансовых компаний и фондов. Фактически он являлся обычным топ-менеджером в руководимой Сарториусом «Системе», но его реальное, без всяких налогов и сборов жалованье, замаскированное под прибыль от бизнеса, превышало полмиллиарда долларов в год. То есть неосведомлёнными людьми он вполне мог считаться полноценным олигархом и самостоятельным игроком.

Примерно в этом же качестве пребывали и остальные участники данного собрания. Никаких принципиальных возражений против смены курса их «большим боссом» они не имели и иметь не могли, поскольку зависели от него, что называется, «с потрохами». О структуре «империи» «шефа» они имели самое смутное представление, не зная даже,

¹ Уильям Рэндолф Хёрст (1863 — 1951) — один из первых в мире медиамагнатов и богатейший предприниматель, в пересчёте на нынешний курс — мульти миллиардер, в конце XIX и первой половине XX века владел 48 газетами, полутора десятками журналов, несколькими кино- и радиостудиями, первыми в США телестудиями, книгоиздатель. Основоположник индустрии комиксов, создатель жёлтой прессы.

является ли Сарториус верхушкой пирамиды или всего лишь высшим по отношению к ним «передаточным звеном».

Но люди они все были достаточно умные, выдающиеся специалисты в отраслях, смотрящими за которыми были поставлены, обладали определённым, правда ориентированным только «сверху вниз» чувством собственного достоинства, и им хотелось разобраться, только между собой, что же происходит на самом деле и чем может закончиться.

Таких, как они, у Сарториуса было несколько десятков, и не только в США, а и по всему миру, включая Китай и Россию, но сейчас только эти шестеро успели созвониться и договориться о встрече. Прежде всего потому, что первой начало «фазового перехода» ощущила на себе именно медиасфера, с которой все были так или иначе связаны.

— Я хочу сказать, что моего уровня компетенции не хватает, чтобы понять, к чему организовано всё ныне происходящее и чем это может закончиться.

— Вы что же, сомневаетесь в обоснованности полученных вами инструкций? — с долей угрожающего ехидства спросил Нат Вайнер — политтехнолог над всеми политтехнологами «свободного мира».

— Не говорите чепухи, Натан. Никто ни в чём не собирается сомневаться. Мы все в одной лодке и не нуждаемся в проверке на лояльность. Но, чтобы наилучшим образом исполнить свою часть общего дела, полезно бы представлять картину целиком, а не заглядывать в дырочку на скрывающее её покрывало.

— Образно, — одобрил Вайнер, — только входит ли в условие задачи ознакомление вас с «картиной целиком»? Не боитесь *выйти за рамки*?

— Картины? — несколько раз пыхнув сигарой и выпустив большое ровное кольцо дыма, с наивной улыбкой спросил четвёртый собеседник, Мальком Форст, курировавший Федеральную резервную систему, Международный валютный фонд и что-то ещё.

— Картины, если угодно. Нам никто не поручал влезать глубже, чем положено, — ответил Вайнер.

— А разве кто-нибудь влезает? — шутливо выставил перед собой ладони Лорд Харадон, у которого «лорд» было не титулом, а именем. Принадлежал он к какому-то восточному племени, только никто не знал, к какому именно — армянам, ассирийцам, индусам или давно ушедшим в небытие хазарам. Наверное, поэтому он курировал финансовое положение и политический настрой всех более-менее значимых инородческих диаспор обеих Америк и Евразии. — Мы в дружеском кругу просто обмениваемся мнениями. За это нас никто не упрекнёт, пока мы исполняем свои должностные обязанности. Тем более, я надеюсь, мы достаточно давно и безупречно служим, чтобы внедрять в наши ряды шпионов и доносчиков, как говорят в России — «стукачей». Я, например, полностью уверен, что намечающийся поворот в государственной политике *этой страны* никоим образом не затронет наших с вами интересов. Напротив...

— А я вот беспокоюсь, — сказал шестой участник собрания, Уинтворт Мак-Кей, самый главный

адвокат, барристер, солиситор, атторней и прочая¹. Неофициальный, конечно. «В миру» он владел довольно солидной и авторитетной, но всего одной адвокатской конторой. — Мне эта страна небезразлична, и я обеспокоен...

— Чем же? — подался вперед Вайнер.

— Как раз намёком на внезапный, неконтролируемый слом существующей системы, чреватый хаотическим и разнонаправленным развитием событий. Как в России после внезапного краха коммунизма...

— Но там как раз всё удалось взять под контроль очень быстро, — возразил Вайнер, который здесь был словно бы на особом положении. «Капо ди капи», как это называлось в Италии, «надсмотрщик над надсмотрщиками».

— Это вам только кажется, — опять смутно улыбнулся Хардон. — Уж я-то знаю... Коллега Уинтворт по-своему прав. Ведь что случилось позавчера?

— Что вы имеете в виду?

— Латимер получил распоряжение экстренно объявить всем подконтрольным ему владельцам медиабизнеса, всем без исключения, прекратить ранее начатую кампанию и переключиться на работу по реализации неких «тезисов». Под страхом неполучения никакой рекламы, ни от кого, и однов-

¹ Барристер, солиситор, атторней и т.д. — в англосаксонском праве разновидности сословия адвокатов, отличающиеся квалификацией, объёмом прав и категориями дел, к которым допускаются. Нечто подобное имелось в царской России, где существовали «присяжные поверенные», «помощники присяжного поверенного», «частные поверенные», «стяпчие», «мировые посредники» и т.п.

ременного повышения цен на аренду помещений в пять раз и более. Это ведь «большевизм» в чистом виде! Ещё два-три шага в этом направлении, и Америка превратится в бывший СССР или нынешнюю Северную Корею!

— А вам-то что? — с издевательской интонацией спросил Вайнер, против обыкновения затянувшийся сигарным дымом. И не закашлялся при этом. — Заодно прошу заметить, что столь неприятный всем нам Тафт Хартли, «кот, гуляющий сам по себе», получил аналогичное указание раньше вас, немедленно его исполнил и уехал якобы на рыбалку. Куда-то в сторону Кариб... В неизвестном направлении.

— Плевать мне на Хартли, пусть его там кашалот или гигантский спрут сожрёт! А мы? Мы же с вами, независимо от рода занятий, все капиталисты и граждане *Свободного мира!* Как-то даже странно об этом напоминать...

— Какой вы капиталист? Да и я тоже, — пренебрежительно сказал Мальком Форст. — Мы все — наёмные работники. И совершенно неважно, как называется строй, при котором мы трудимся и получаем жалованье! Да-да, именно жалованье, никак не прибавочную стоимость, которую открыл Маркс. Этот же Маркс писал об «азиатском способе производства», который не капитализм, не социализм и даже не феодализм. Однако и при нём некоторые люди жили очень неплохо. Поэтому я бы предложил, отнюдь не «выходя за рамки», о чём коллега Вайнер нас благоразумно предупредил, всё же обсудить, как нам, здесь присутствующим, морально и практически подготовиться к предстояще-

му «фазовому переходу». Коллега Лорд, я правильно помню восточную поговорку: «На Аллаха надея-ся, а верблюда привязывай»?

— Совершенно правильно. Я как раз хотел предложить то же, что и вы, исходя из этой именно поговорки. А откуда вы подцепили этот ваш «фазовый переход»?¹ И что это вообще такое? — заинтересовался Харадон.

— Один умный человек сказал. А объяснять долго. Последний раз что-то подобное было в пятом, кажется, веке. Когда после Рима началось Средневековье...

— Но тогда же ужас, что творилось, — инстинктивно поёжился Натан Вайнер, генетически не выносивший природных, а тем более финансовых и политических катаклизмов.

— Для кого как,уважаемый, для кого как, — философски возразил Харадон. — Варвары, после вонючих землянок поселившиеся в виллах патрициев и взявшие себе жён из лучших римских фамилий, насколько я помню, чувствовали себя очень неплохо...

---

¹ Фазовый переход в физическом смысле — скачкообразное изменение основных параметров вещества (явления) под влиянием плавного и непрерывного изменения внешних условий. Простейший пример — переход воды в лёд или в пар при нагреве (охлаждении). Существуют фазовые переходы первого, второго и высших порядков. В политическом и историческом смысле — якобы внезапное и кардинальное изменение общественного строя, государственного устройства, формации в целом вследствие накопления зачастую незначительных, непонятных и даже ненаблюдаемых факторов.

---

* **ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ**

 «Национале» зал, где они заняли столик у окна, тот же самый, что много-много лет назад, был ощутимо другим, чем раньше. Не сказать, чтобы в чём-то хуже, просто другим, и всё. Вид сквозь панорамное угловое окно эркера, оформленное богатыми, собранными в этакие фестоны, бордовыми с золотом шторами, показался чужим. Только здание напротив, прежде Госплан, а теперь — Государственная Дума, осталось прежним, всё остальное из какой-то *придуманной* жизни.

Наблюдая окружающую их действительность, друзья всё больше склонялись к мнению, что они находятся совсем не на ГИП, а на линии, отслоившейся от неё совсем недавно, в день их «ухода», отчего *изменения* пока заметны только им, получившим возможность наблюдать жизнь как бы со стороны или же — «из дальних странствий возвращаясь». Для прочих, обычных граждан всё если и менялось вокруг, то совершенно естественно, как собственное отражение в зеркале, перед которым брёшься каждый день. А увидел бы вдруг там себя же, но сразу постаревшим на тридцать лет, сильно бы отреагировал, эмоционально!

Вот и здесь. Другие стулья в ресторанном зале,

бывший раньше однотонно-гладким потолок расписан, словно в Сикстинской капелле. Чугунные изваяния под восемнадцатый век на мраморных и малахитовых колонках, пальмы в кадках по углам. Эклектика ещё та. Стиль «Сделайте мне красиво!». Официанты одеты по-другому, папки меню оформлены иначе и предлагаемый выбор блюд и напитков не совсем тот. Даже в сравнении с тем, что они видели здесь же несколько лет назад, когда, впервые проникнув обратно на ГИП, заглянули одним из вечеров сюда же.

Впрочем, это как раз не слишком удивительно — в этой Москве всё менялось с лихорадочной, как некогда было принято выражаться, быстротой. Исчезло множество зданий, стоявших на своём месте чуть не веками, на их месте возникали иногда вполне симпатичные, иногда жутко уродливые новоделы. Бог знает во что превратилась Манежная, двадцать лет пребывшая «имени 50-летия Великого Октября площадь», в просторечии сразу же, в шестьдесят седьмом, получившая удобную кличку «полтинник».

Так что же говорить об интерьере одного из бесчисленных московских «заведений общепита» при гостинице, с некоторых пор именуемой «Националь. Отель люксури коллекшн!» Глупо, конечно. Та же «смесь французского с нижегородским», что процветала в России начала девятнадцатого века.

Впрочем, им, нынешним, виднее. Это их мир и их жизнь. Однако старого, привычного оформления было жалко. Тем более что чувствовалась во всём какая-то трудноуловимая неправильность. Никак не получалось сообразить, в чём она заключалась.

Не зря же Лем в «Сумме технологий» писал, что, находясь внутри фантомата, невозможно определить, иллюзия вокруг или реальность. Тогда откуда ощущение? Что-то из окружающего выглядит вполне достоверно, а от другого отчётило разит грубой подделкой. Как в театре — из зала декорации выглядят вполне пристойно и достоверно, а взглянешь на них из-за кулис — совсем другое впечатление.

Но задумываться об этом всё время нельзя — умом сдвинешься. Проще и разумнее принимать всё, как есть, повторяя на всякий случай мантру: «Ловушка, я в тебя не верю».

Об этом сейчас и говорили Новиков с Шульгиным, не преминув отметить, что непременно приходят к теме неадекватности окружающей реальности именно после очередного возвращения из пространственно-временных экспедиций.

— Такое впечатление, что Шекли с его идеей Искаажённого мира прав больше, чем Антон...¹ — меланхолически сказал Сашка, помешивая серебряной с позолотой ложечкой кофе, который совершенно в этом не нуждался из-за отсутствия в нём сахара.

— Ещё бы не прав. Особенно последние слова: «Бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у нас жизнь, которую можно как-то провести...» — согласился Новиков.

— Посему пусть папаша Марвина продолжает пасти крысиные стада, мамаша безмятежно нести

¹ См. романы Р. Шекли «Обмен разумов» и автора «Бульдоги под ковром».

яйца, а мы так и будем бесконечно мчаться вверх по лестнице, ведущей вниз...

— Если не остаётся ничего другого — как мы решили ещё в первую зимовку на Валгалле, — подвёл итог время от времени всплывавшей в разговорах между ними теме Андрей. — А знаешь, что я ещё придумал?

— Ну? Неужто можно придумать что-то оригинальное после всего, что было?

— Выходит, можно. Разумеется, только в «сфере чистого разума». Старика б Удолина сейчас сюда, его мнение спросить. Мне отчего-то кажется, что именно наши попытки возвращения на ГИП из параллелей каждый раз вызывают этакое «весеннее обострение». Что он скажет по этому поводу с чисто мистических позиций?

— Скажет... Он такое скажет... — Сашка обречённо махнул рукой. — Ему, с пережитками первой половины четырнадцатого века, наши с тобой проблемы... Но давай позовём, — весьма нелогично продолжил он, — делов-то. Свяжусь сейчас с адмиралом — пусть найдёт и переправит (подходящее одетого и проинструктированного) в свободную кабинку здешнего туалета. А мы пока давай приступим. Ностальгировать так ностальгировать. И стул разверни: в эту сторону, вверх по Тверской ничего особо оскорбляющего взоры не просматривается, не то что новая «Москва» и церетелевские уродства...

Хорошо было ещё и то, что пришли они в «Националь» в удобное время — посетителей совсем мало, в их эркере на три столика, кроме них, — никого. Поблизости — тоже. Само собой, и «цена от-

сечения» здесь срабатывает. Не так много даже и в Москве людей, готовых без особого повода забежать в один из самых дорогих кабаков, оставить полумесячную зарплату за кофе, графинчик не-гарантированно армянского коньяка и несколько валованов с икрой, когда буквально в двух шагах можно «шикануть» за вдесятеро меньшую сумму. Это попозже вечером появятся люди, которым и сотня тысяч — не деньги.

Удолин появился ровно через полчаса, под донёсшийся с Красной площади перезвон курантов. Хотя там, где его нашёл Воронцов, времени прошло гораздо больше, поскольку профессор успел и передёться сообразно учёному званию, исходя из реалий XXI века, и выглядел свежевыбритым, хорошо причёсанным, практически трезвым.

— Привет, привет, дорогие друзья, — расцвёл он в старорежимной улыбке, с любопытством разглядывая интерьер. Кивнул неопределённо, то ли одобрительно, то ли с сомнением, и присел на предупредительно выдвинутый Шульгиным стул. — Недурно, совсем недурно. Однако я бы сказал, что в момент открытия, в девятьсот втором году, здесь было попристойнее. На мой тогдашний вкус, конечно. Меня тогда помощник градоначальника, бывший мой студент, пригласил. Очень всем понравилось. Как бы символ наступившего двадцатого века, от которого так много ждали. Куда как больше, чем здесь от теперешнего двадцать первого. А сейчас да, пошловато, пошловато... Прав был, ох как прав Мережковский со своим «Грядущим хамом»...

Друзья охотно с ним согласились.

— Закажите что-нибудь, Константин Васильевич, — Шульгин указал на спешащего к ним, довольно представительного официанта более чем средних лет, — да и поговорим...

При этих словах в глазах Удолина что-то промелькнуло.

«Неужто опасается, что сейчас начнём про обстоятельства его бегства расспрашивать? — подумал Новиков. — Два года прошло, а какую-то вину за собой чувствует? Да нет, на него не похоже».

— Как же не заказать, обязательно закажу. Всё-таки это весьма приятно, когда можно не обращать внимания на правую колонку в меню...

— А то вы раньше, «до исторического материализма», так уж обращали, — приподнял бровь Шульгин.

— Превратные, превратные у вас представления, Александр Иванович, о материальном положении профессуры Императорских университетов. Побогаче, конечно, жили, чем рядовой обыватель, но шиковать... Отнюдь! Приличная съёмная квартира в центре (это если казённой не положено), одеться прилично, у хорошего портного, заметьте, не в «Готовом платье», книги покупать, журналы выписывать. Пулечку по субботам расписать — далеко не всегда выиграть получалось. Так что рестораны — только по большим праздникам. Рублей двадцать пять — тридцать в месяц на такие дела мог выделить, и всё. В основном в трактир к Тестову хаживал, там за три рубля и накормят, и напоят, так что из-за стола не встанешь...

Удолин, по застарелой привычке, активизированной предстоящим ужином в хорошей компании,

включился в режим «непрерывного огня» и настроился плести кружева ассоциаций, стремительно удаляясь от стартовой посылки.

— А разве?.. — попытался включиться в тему Новиков, но тут же и получил ответ на ещё не заданный вопрос.

— Вы забываете, что я тогда числился всего лишь экстраординарным профессором, по кафедре всеобщей истории. Не присяжным поверенным, не модным гинекологом... Те зарабатывали, да. Тысячи зарабатывали, виллы на Капри строили, как этот ваш пролетарский... Горький, да! Ему тогда за печатный лист платили больше, чем мне за месяц лекций в университете. «Босяцкие рассказы», вот именно! А со своих... побочных интересов я совсем никаких доходов не имел. Не алхимией занимался, золота из деръма не изготавливал, вот именно. Не семнадцатый век, покойников, знающих тайны пиратских кладов, в московские морги не каждый день привозили, знаете ли...

— Ну, вечная жизнь и технология выходов в астрал — тоже неплохо, — возразил Шульгин. — На врачах экономили. Знаменитый Боткин, я читал, по двадцать пять рублей за визит брал. Независимо от результата.

Давно они так вот с Удолиным не беседовали, на приватные темы, успели соскучиться по его матери.

— Кто же спорит... Хорошие врачи тогда были в цене, пусть супротив нынешних и десятой доли не умели. Но вальяжность, апломб, высочайшая культура общения... Лучше многих новомодных медикаментов помогало... Временами...

Удолин спохватился, увидев, что официант так и стоит рядом с отсутствующим лицом, делая вид, что даже и не слышит, о чём гости разговаривают. А может, и вправду не слышит. Профессиональная способность. Если вникать в непрерывную, много лет подряд с обеда и за полночь, болтовню клиентов, свободно умом подвинешься. Да и клиент — он ведь разный бывает. Заметит в глазах хоть тень заинтересованности — неприятностей потом не оберёшься.

Впрочем, в сталинские времена, в которые всем пожить довелось, практически вся обслуга подобных заведений сексотами в НКВД числилась. Так что слушали внимательно. Да и сейчас, наверное...

— Сообрази-ка нам, любезнейший... — и Удолин перенёс острье красноречия на новую жертву, став вдруг крайне похожим на профессора Опира во время обеда с Жилиным¹.

К сути вопроса, ради которого Удолин и был извлечён с Валгаллы, удалось перейти только минут через сорок, когда профессор основательно насытился и привёл в нужный тонус свои физическую, тонкую и эфирную составляющие. Похоже, на Валгалле он питался крайне нерегулярно, и в основном консервами, подъедая некогда созданные «Братством» многолетние запасы. К охоте ни он, ни прочие члены его некромантской команды склонности не имели, и не только по высшим соображениям, но и от обычной лени.

Мало того, что бродить целыми днями по окрестным лесам в поисках подходящей дичи, а

¹ См.: А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века.

потом ещё и возиться со свежеванием и готовкой желающих не находилось, так ещё и оружие нужно было чистить со всем тщанием, ибо за грязь и нагар в стволах Шульгин взыскал бы куда строже, чем просто за мусор, разбросанный во дворе. Тот давний урок, когда Сашка заставил «колдунов и чародеев» в метель долбить большими саперными лопатами мерзлый грунт и закапывать отходы своей жизнедеятельности, запомнился твёрдо.

А почему компания основательно обосновалась именно в форте Росс, а не в более тёплом и близком к культурным центрам замке под Царьградом? Константин Васильевич заявил, что Валгала, в силу своего названия и удачного межзвёздного расположения, идеально подходит для научных изысканий в потусторонних сферах. Человеческое психополе вместе с ноосферой якобы там отсутствуют. И всяческой мистикой можно заниматься в комфортных условиях, вроде как астрономам предпочтительнее устанавливать телескопы на вершинах гор, где атмосфера потоньше и воздух чище... Да и к звёздам ближе, коротко хохотнул он при последних словах, показавшихся ему остроумными.

Шульгина, так и оставшегося первым и последним комендантом форта, это вполне устраивало. Оставленные людьми дома, даже такие основательные, как терем из брёвен диаметром в аршин, ветшают и разрушаются поразительно быстро. Да и собачкам присмотр нужен.

— Давно хотел спросить, Константин, как оно, под вашим углом зрения, не мерещится порой, что мы каждый раз возвращаемся «не туда»? — спросил Андрей, когда профессор жестом патриция ве-

лел официанту очистить стол от пустых и полупустых тарелок и извлёк из крокодиловой кожи портсигара, едва помешавшегося в боковом кармане пиджака, длинную и тонкую бледно-зелёную сигару.

«Тоже из моих запасов, — отметил Шульгин, — хорошо ребята устроились. Прямо посередине скатерти-самобранки. Года на полтора пожрать и выпить должно хватить».

— А вам, Андрей, это что, только сейчас в голову пришло? Неужто Гераклита до сих пор не читали? Как только мы хоть на мгновенье выпадаем из потока, та вода, в которой пребывали, утекает навсегда, а новая уже и по химическому составу другая, и по температуре... Я точно помню, что мы именно об этом уже говорили, и даже этими же самыми словами. Или не с вами, а с Олегом и Ларисой? — Он потёр пальцами виски.

— Склероз? — сочувственно осведомился Шульгин, исключительно чтобы поддеть собеседника. Так-то он прекрасно знал — обычным биохимическим и психическим процессам некромант почти не подвержен. Вон одного из его коллег, пирующих сейчас на Валгалле, сожгли живьём, было время, с соблюдением нужных ритуалов, и то выкарабкался без особого ущерба, просто тело пришлось очень долго почти по молекулам собирать, для полной идентичности.

— Какой там склероз, — отмахнулся Удолин. — Принцип неопределённости всего лишь. О котором мы, в сущности, и говорим. Либо достоверна личность, с которой я общаюсь, но прочие факторы пребывают в динамике, либо наоборот. Вот согла-

ситесь, об обстоятельствах нашего, гм, скажем так, расставания на «второй Земле» у нас с вами сохранились не совсем совпадающие воспоминания?

— Не могу спорить. И это уже не в первый раз. А обстоятельства вашего спасения из лап Агранова не разнятся, ни у нас с Андреем, ни у вас, ни у Якова¹. Это как?

— И об этом мы рассуждали. Это ведь было наше первое знакомство? Эрго, никаким коррекциям извне оно не подверглось и не могло подвергнуться. А вот каждая последующая встреча уже происходила в контексте предыдущих, подверглась воздействию колебаний мирового эфира в той или иной степени. В общем, такая же разница, как при просмотре кинофильма-экранализации известной пьесы и посещении разных её постановок на театре. Даже если артисты те же, и режиссёр, текст канонический, однако... А если режиссёр поменяется, да актёры начнут дурака валять, отсебятину нести...

— Это только нас с вами касалось? — заинтересовался Новиков. В этом аспекте они проблему, пожалуй, не обсуждали.

— В интересующем вас смысле — пожалуй. Если меня устраниТЬ, получится просто другая пьеса.

— Но мы в данный момент, — Андрей для убедительности даже пристукнул ладонью по столу, — на той же исторической последовательности, как нам кажется...

— А почему, если не секрет, у вас именно сейчас этот вопрос возник? И весьма остро, раз меня

¹ См. роман «Разведка боем».

на краю света, причём в буквальном смысле, разыскать не затруднились. За что я вам, кстати, весьма благодарен. — Он осмотрелся по сторонам и, отставив левую руку с зажатой между пальцами сигарой, снова потянулся к графинчику. — В вашем форте иногда такая «вельтшмерц»¹ накатывает. Всё же пятьдесят парсеков от ближайшего человеческого жилья — многовато. На психику давит...

— Временной перепад на удивление крутым оказался. Раньше несколько дней, ну неделя деформации, а тут — целых два года. Вот изменения в глаза и бросились, — ответил на содержательную часть тирады Удолина Андрей.

— Это для кого как. Для меня — месяца полтора мы не виделись. Для супруг для ваших, — он изобразил полупоклоны в сторону каждого из друзей, — примерно столько же. Для Воронцова с пароходом — даже не берусь сказать. А если конкретно вот здешнюю Москву брать и параллель императорскую, для тех, кто в них безвыездно пребывал, тут да, те самые два года и получаются.

— И вы, *репатриировавшись* с Валгаллы, ничего не замечаете? Сюда вы вернулись или в какое-то другое измерение?

— В данный момент? Нет, не замечаю. Только вы неправильно вопрос ставите. Так астрально-эфирно сложилось, что освоенные нами сюже-

¹ Вельтшмерц (нем.) — дословно «мировая тоска». В философском смысле — чувство, испытываемое некой персоной, понимающей, что физическая реальность никогда не сможет удовлетворить потребности разума этой персоны. Пессимистическое умонастроение, разочарование в мире и его ценностях.

ты, альтернативы, как вы выражаетесь, в которых мы как бы «прописку» имеем, для нас уже по-любому жёстко фиксированы. Помните про «скорпиона в янтаре»? Этот янтарь вы теперь можете хоть на другой конец земли пересыпать, в золото, серебро или платину обрамлять — скорпиону не холодно и не жарко. Улавливаете? Вот когда и если он из своего янтаря выберется — тогда для него что-то новое и интересное может начаться... Если от соприкосновения с воздухом иных эпох тут же в прах не рассыплется...

— Да, наговорили вы, Константин Васильевич, — покачал головой Новиков. — То в лес, то по дрова...

— А чем дальше в лес, так не лучше ли ну его на хрен? — добавил Шульгин, тоже закуривая. С Удolinным разговаривать, конечно, интересно и полезно, познавательно зачастую, но уж больно утомительно.

— Не в нашей воле, увы, Александр Иванович. Но мы так и не добрались до сути вашей проблемы, коллеги. Что вас, так сказать, непосредственно подвигло призвать меня из космических далей?

— Помните Радищева? «Поглядел я окрест, и душа моя уязвлена стала»? — осведомился Новиков, машинально, как советский разведчик в Германии, разминая сигарету.

— Помню, конечно. А какое отношение? Здесь, по-моему, не в пример приличнее, чем на дороге из Петербурга в Москву, да ещё в восемнадцатом веке поздней осенью...

Далеко не чужд красоты слога и воображения господин профессор.

— Понимаете ли... Там, в ваших эмпиреях, — Шульгин указал сигаретой на потолок, где действительно плыли облака по синему небу и парили какие-то амурчики с ангелочками, — не до злобы текущего дня. А здесь, на земле... Оставили мы младших товарищей без присмотра, они и пустились во все тяжкие. Опять мир на грань гражданской войны вкупе с третьей мировой ядерной поставили. Не по своей вине, — тут же оговорил он, — а исключительно естественной логикой катящегося под гору автомобиля без руля и тормозов...

— Вот как? А я и вправду ничего не заметил. Значит, эфир ещё недостаточно возбудился и возмутился. Но я вашему чутью и стратегической оценке вполне доверяю. И что в итоге? Коньячку извольте вам пlesнуть? Весьма недурственный продукт.

— Семь тысяч рублей бутылка стоит, — улыбнулся Новиков, с интересом ожидая, среагирует ли профессор нужным образом.

Не подвёл. Тоже расплылся в улыбке:

— И стоит того, сын мой, и стоит... В царских рублях, может, дороговато было бы, а в нынешних — ничего.

— А в итоге, Константин Васильевич, сидим мы и размышляем. Никаких иных путей к нормализации обстановки что в России, что на планете Земля в целом не просматривается, кроме как...

— «Приказ принять решительные меры и гарнизон к присяге привести...» — процитировал Новиков. — В этом примерно роде. Кардинально решить вековую проблему. Хирургически, если угод-

но. Течение истории показало, что приличным образом сосуществовать англосаксонская цивилизация с российской не могут. При этом постоянная агрессия, политическая, экономическая, да и военная, исходят только с одной стороны. Россия уже триста лет только и повторяет: «Давайте жить дружно», моментами уподобляясь в некотором смысле обычному юродивому, напрочь выпавшему из реальности. Терпеть такое положение уже просто бессмысленно. Не проще ли оправдать возлагаемые на нас надежды и сделать уж то, чего от нас века-ми ожидали?

— Уничтожить англосаксонский мир? — не в шутку заинтересовался Удолин.

— Не так, чтобы совсем, — пожал плечами Шульгин. — Сердца наши полны жалости. Просто отнять у них все опасные предметы, которыми они так упоёно размахивают, и чётко очертить границы, внутри которых они могут реализовывать своё «стремление к счастью». Ничего больше. США — «Америка для американцев», от канадской границы до мексиканской. Гавайи и Аляска — уже лишнее. Их гордым «кузенам» привычный слоган оставить: «Правь, Британия, морями!» Но какими? Ирландским и половиной Северного. Вполне достаточно для самоуважения и прибрежного рыболовства.

России тоже лишнего не надо, просто обеспечить себе, впервые в истории, безопасность, разумную и достаточную. Чтобы не осталось в мире сил, с которыми мы не могли бы справиться без всеобщей мобилизации и бесчисленных жертв.

— Уже придумали, как? — деловито спросил профессор.

— Придумать-то придумали. У нас всё же и жизненный опыт специфический. С самого рождения с одной главной мыслью жили — «кто кого?». Причём ежедневно и ежечасно убеждались, что мы — за мир, а вот они только и ждут момента. Сейчас архивы раскрылись, и оказалось — так оно и было. Всё ж таки в СССР никто с трибун партийных съездов не кричал: «Лучше быть мёртвым, чем звёздно-полосатым». С тех пор ничего не изменилось. А пора бы. Одним словом, дело вот в чём — вопрос один, и, кроме вас, на него никто не ответит.

— Что за вопрос?

— Выдержит ли эфир и «мировое равновесие» такой фазовый *переход*? Не свалится ли в водоворот неуправляемого хаоса, в то самое безнадёжное инферно, о котором писал Ефремов?¹

— Конечно, вы надеетесь на *переход* без мировой термоядерной войны? И без какого-либо ущерба для России, для «Братства», для ваших грандиозных планов слияния русских цивилизаций? — Друзьям послышался в голосе Удолина некий, не слишком старательно замаскированный сарказм.

— Вот-вот, — в тон ему ответил Новиков, — чтобы все остались здоровыми и богатыми... Конечно же, мы намереваемся обойтись не только без термоядерной, но и без самой скромной локальной *войнушки*. Но — с применением *фантастической* для человечества техники, нашей, агрровской

¹ Инферно (от лат. нижний, подземный) — теория само-поддерживающегося процесса нарастания суммы страданий, физических и психических, индивида и общества в ходе исторического процесса. См.: И. Ефремов. Час быка.

и форзелианской. В полном объёме. Вы же знаете — как ни странно, но ни те, ни другие своих реальных возможностей в противостоянии цивилизаций не использовали. Действовали исключительно «мягкой силой». Даже аггры, когда поняли, что проигрывают однозначно. А чего бы им терять, казалось? Но — сохранили верность принципам и проиграли. Осталась Дайяна со своей Базой, курсантами и складами, набитыми Шарами, гомеостатами и блок-универсалами. Хотя даже она одна могла нас в пыль растереть, как брамин муравья сапогом, просто в отместку...

Андрей сделал паузу, помолчал, глубоко затягиваясь и медленно выпуская дым в приоткрытую форточку.

— Так случайна ли эта сдержанность? Из-за настоящей опасности «перебора» они вели себя, как энтомологи в заповеднике? А может, просто правила игры соблюдали? Мы до сих пор дёргаемся, «проклятые вопросы» себе и мирозданию задаём (сейчас, кстати — тоже), верим, что люди вокруг и мы сами — субъекты чего-то, по малообразованности называемого «историческим процессом». И поверить, что конь в шахматах буквой «Г» не ради какого-то высшего смысла ходит, а *просто так* — не можем... Воспалённый уровень самоуважения не позволяет!

Новиков неожиданно для себя потерял недавнюю рассудительность и сократическую философичность. Начал горячиться, как в молодости во время популярных тогда институтских и даже общегородских диспутов на животрепещущие темы вроде «Кто нам сегодня нужнее, физики или ли-

рики?» или «Кого мы не возьмём с собой в коммунизм?». Политизацию таких диспутов власть старалась не допускать, но получалось у неё это плохо. Потому в процессе медленного «похолодания оттепели» прикрыли и эту «лавочку». Как раз в раннебрежневские годы. Впрочем, после шестьдесят восьмого года этот процесс стал общемировым¹.

— Мы тоже бессмысленных жертв не хотим, — докурив, слегка сбавил он тон, — ни с чьей стороны. И на этом свою тактику и стратегию строим. Однако впервые придётся согласиться с реальной гибелью многих людей с Главной исторической... До этого — ну, не всерьёз как-то всё происходило. Давно забытая Гражданская война, семьдесят лет назад завершившаяся Отечественная... Про англо-буров и говорить не стоит. Все уже давно случилось, в книжках описано, погиб от наших забав кто-то в тех иных реалиях или нет — никакой разницы. По-любому к моменту наших упражнений все персонажи давно лежали в своих могилах. Ту историю переигрывать — что пьесы Шекспира к своим вкусам адаптировать. И автору, и его текстам сугубо до фонаря. Не керосинового даже — масляного. А сейчас... Не на муляже, на живом человеке тренироваться ампутации делать. Мы понимаем, конечно, что вред, предотвращённый многократно, превышает вред, нанесённый в процессе этого самого предотвращения... Однако предотвращено что-то там или

¹ После парижских «студенческих бунтов» и «пражской весны» 1968 года вся политическая активность европейской и североамериканской молодёжи исчезла необъяснимым образом, практически мгновенно. Зато начиная с 1972 г. расцвёл и до сих пор только прогрессирует «исламский радикализм».

нет — это абстракция, а делаемое здесь и сейчас — сугубая и зримая реальность. Ногу уже отпилили, а гангрена, оказывается, в умозрительном плане — не предполагалась!

— Всё то же: «Цель оправдывает средства», — академическим тоном, безоценочно произнёс Удолин. — Насколько я понимаю, вас волнует правомерность применения этого принципа?

— Скорее — нет, — ответил Шульгин. — Оправдывает — не оправдывает, из той же обоймы хохмочки, что и «С какого числа зёрен начинается куча?». Вопрос в другом — само такое «потрясение основ» в виде привнесения в мир новых сущностей чего-то вроде схода лавины не инициирует?

— Вас только это беспокоит?

— Только. Всё остальное сделано до нас и без нас. Если угодно — сейчас ситуация типа августа девятьсот четырнадцатого. Первая мировая — это было очень плохо. Но если бы кто-то тогда взял и смешал уже розданные карты? Как, «прекрасный старый мир» продлился бы на многие десятилетия или человечество в шестнадцатом или восемнадцатом пришло бы к чему-то ещё более ужасному? Например, сразу начало бы войну тысячами тонн иприта и люизита, выливаемыми с дирижаблей на Париж, Берлин и Лондон?

Удолин долго молчал, глядя в потемневшее окно. На Тверской уже включилось уличное освещение и засияли бесчисленные рекламные конструкции. Жестом совершенно автоматическим некромант взял со стола фужер, плеснул в него коньяка до половины, выщедил, как воду, погружаясь в транс. Новиков с Шульгиным тихо встали, отошли к окну,

чтобы случайным посторонним звуком не помешать процессу.

Получивший от Новикова приличную мзду, официант деликатно рассаживал постепенно прибывающих гостей подальше от эркера. Но честно предупредил, что, как только свободных мест в зале не останется, лафа закончится.

— Вы же мне за восемь посадочных мест выручку не компенсируете? И мэтру тоже.

— Нормально, не переживай, через часик уйдём. Тогда таблички и снимешь. Кстати — заговоров мы тут не плетём, можешь в МГБ не стучать. Режиссёры мы, нам просто в тишине сценарий нового фильма обсудить надо...

— И к чему это? — спросил почти шёпотом Шульгин, опершись ладонью о подоконник. Хотя только что чётко подыгрывал Андрею, безукоризненно подавая нужные реплики. Как по написанному. — Так страшно стало, что благословение потребовалось получить? Не замечал за тобой такого...

— Страшно — не страшно, а сомнения присутствуют. Наполеон тоже, говорят, перед тем как вторгаться в Россию, всю ночь не спал, вокруг палатки бегал. И Цезарь, помнишь, жребий бросал на берегу Рубикона. Всё ж таки действительно, обратной дороги не будет.

— А когда у нас она была? Как ты решил помочь Ирине из шестьдесят шестого Берестина вытаскивать, так и амбец... Или — ещё раньше. Когда согласился с дважды бросившей тебя женщиной по третьему разу отношения возобновить...

— Вот про это — давай не надо. Касательно же «спасения» Берестина... Тогда ощущение было, что не всерьёз всё это. Кино снимаем, в исторические реконструкции играем. А сейчас — по-настоящему. Я ж не просто так болтал, я чувствую... Главная историческая всё-таки. Это как спинной мозг оборвать. Руки-ноги сразу отнимутся. Если наоборот — неприятно, но не фатально. Здесь вместо рук и ног — параллельные реальности... А какой экзитус — ты лучше меня знаешь.

— Опять тебя в рефлексии понесло. В отпуск надо...

— Какой уже раз собираемся? Да не выходит никак, только запутывается всё, — с едва заметным напряжением ответил Новиков. — А деда я пригласил, чтобы он со своей точки в Гиперсеть заглянул. Не с твоей, не с моей. Он ведь, в отличие от нас, предрассудков не имеет, наших планов не знает. И все параллели для него равнозначны. Что увидит, то и скажет. Не в первый раз...

— Сказал бы мне, я б на «Книге перемен» погадал. Толку столько же...

— Конфуций не в теме. Геополитика при нём другая была...

— А ему без разницы: США и Россия или гуны и царство Мин...

— Эй, товарищи, — раздался голос Удолина. — Я вернулся. И вы возвращайтесь.

Возвращаться было недалеко, три шага всего лишь.

— Сразу хочу вас успокоить. Никаких новых потрясений от вашего вмешательства в этот реал не

предвидится. И историческая линия по всем признакам та самая, что и раньше.

— Та, значит, та, — с долей сомнения в голосе согласился Шульгин. Ему, как говорится, по большому счёту результат очередной авантюры был не то чтобы безразличен, но — нервов не щекотал. Понастоящему увлекательна была самая первая, двадцатого года. Там действительно азарт присутствовал, даже зашкаливал моментами. Молодые совсем были, энтузиазмом переполненные, затея переписать историю казалась до чрезвычайности заманчивой. Душевных сил было немерено, исторический оптимизм наличествовал.

— Меня, собственно, всерьёз только одно интересует...

— Возрастёт ли в результате ваших действий сумма человеческого счастья? — по-мефистофельски приподнял бровь Удолин. Но иронии в его голосе не было.

— С каких это пор вы начали рассуждать в подобных категориях? — удивился Новиков. — Вот бы никогда не подумал. Вы как-то всё больше «по ту сторону добра и зла».

— Отнюдь, друг мой, отнюдь. Мы всегда на стороне добра, в самом каноническом его понимании. И счастье, причём на Земле, а не на небе, входит в непременный комплект, если хотите. Вы ведь, сражаясь с большевиками, ещё тогда, — он неопределённо махнул рукой, но вышло — в сторону Столешникова, — не о наживе и не о власти думали, а чтобы людям лучше стало? Не так?

— Да так всё, так, только с этим счастьем... Всё время «Понедельник» вспоминается и НИИЧА-

ВО¹. Попроще бы — станет ли жизнь на планете безопаснее, сумеем ли мы прекратить трёхсотлетнее безумие, получится ли у России впервые после Батыева нашествия пожить, как в какой-нибудь Швейцарии? Нас не трогают, мы никого... А иначе зачем вообще затеваться?

— Сами всё не хуже меня знаете. Пример перед глазами имеете — *ту* Россию. Почти сто лет спокойно жили, и опять на грани мировой войны.

— Да для нашей бы сто лет — предел мечтаний. А там пусть потомки разбираются. Особенно если с Олеговой Империей объединимся, врангелевскую подтянем, в перспективе и ростокинскую. — Шульгин посмотрел на часы, как будто ему было куда торопиться. Перевёл взгляд на стол, с которого официант убрал всё, кроме рюмок, и как-то незаметно подал вновь полный графинчик с сопутствующим в виде тонко нарезанного, посыпанного сахарной пудрой лимона и большой розетки, полной ломтиков развесного горького шоколада. Он коньяк не заказывал, точно. Значит, профессор ухитрился, входя в транс, или уже прямо из него сделать посып «услужающему», который его уловил и немедленно исполнил.

— Известно ведь — свято место пусто не бывает. «Уйдут жестокие из сильных, придут сильные из слабых». Так, кажется? — ехидно улыбнулся Удолин, демонстрируя знакомство со сравнительно современной литературой.

¹ См.: А. и Б. Стругацкие Понедельник начинается в субботу. Одним из ведущих отделов в НИИЧАВО был «отдел Линейного Счастья».

— Приблизительно. Но, допустим, с «жестокими» мы разберёмся, а на «слабых» того же Катранджи напустим. Наш сукин сын среди прочих, не наших, порядок наведёт, и «пусть расцветают сто цветов», а мы будем ими любоваться, из безопасного далека... — ответил Новиков.

— Катранджи не Катранджи, и свои здесь найдутся. Главное — вовремя очередного «крысиного волка» под своим контролем вырастить и в нужный момент, по миновании надобности, — ликвидировать. И начать готовить следующего... — продолжил мысль Шульгин.

— Да, такая конструкция может просуществовать достаточно долго. Но вы догадываетесь: подобная «справедливость» в вашем понимании — это жесточайшая несправедливость в глазах миллионов других людей? В глазах коллективного бессознательного доброй половины цивилизованного мира вы, точнее — Россия целиком окажется узурпатором свобод, мировым жандармом, кем там ещё принято её обзывать? Они не привыкли и не захотят жить «по русским лекалам».

— А нам какое дело? Запретить бандитам грабить на больших дорогах — по-любому благое дело... А если они перестанут грабить — пусть живут, как хотят. России нет дела до их «имперских комплексов».. Как и им не должно быть до наших. В девятнадцатом веке Бразилии и империи Николая Первого пришлось бы очень постараться, чтобы найти повод и возможности для вооружённого конфликта. Хотя Бразилия была тоже себе

империя¹... — Сашка потянулся к графину. Не зря ведь французы говорят: «Ле вин э тире, иль фо ле буа!»²

— Осталось уточнить — кого считать бандитом, что такое «грабить» и где пролегает «большая дорога», — ухватил рюмку Удолин, не переставая изрекать очередной софизм.

— А вот уже бы и хватит, — неожиданно резко перебил его Шульгин. — Достал ты своими философиями. Вы там со своей кодлой скоро совсем по-человечески говорить разучитесь. Обратно бы вас в «Высокое средневековье»³ вернуть — сразу б мозги проветрились. На любую из тамошних «больших дорог». С мешком золота и без оружия... «Суха теория, мой друг!» Дальше знаешь?

— Всё, всё, молчу, — замахал свободной от рюмки рукой профессор. — Скорее всего правы вы, а не я. Мы не буддисты, почему и должны признать, что всякое деяние предпочтительнее недеяния...

— Короче, можно считать, что «научное заключение» от специалиста получено и летальными последствиями для человечества намеченная операция не грозит? — попытался подвести итог никчёмной, в общем-то, беседе Андрей.

¹ С 1822 по 1889 г. Бразилия официально была рабовладельческой империей. С 1889 г. — федеративная республика.

² «Если вино откупорено, приходится его пить».

³ «Высокое средневековье» — в европейской истории период примерно с конца XI по XIV в., характеризовался подъёмом в политике, культуре, науках. Одновременно весьма ожесточённый характер приобрели феодальные войны, захватнические походы норманнов, крестовые походы и т.п. Для России «В.с.» прекратилось с началом монгольского нашествия.

— Для человечества — безусловно, нет. На всём доступном обозрению протяжении Гиперсеть сохраняет и целостность, и обычную структуру. Но что касается судеб отдельных личностей... Едва ли утверждение о том, что атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки приблизили окончание войны и обеспечили невиданное в прошлом процветание человечества, может являться утешением для тех людей, что имели несчастье попасть под означенный удар. И для их родственников...

Новиков обречённо сплюнул, символически, конечно, и отвернулся к правому окну с видом на Иверские ворота и кремлёвские башни, подсвеченные прожекторами.

...Среди списка «неотложных мероприятий», переданного Шульгиным Лютенсу, содержалось и весьма интересное предписание президента США военному министру, председателю комитета начальников штабов, морскому министру и главному ВМФ. Этим документом означенным лицам предлагалось незамедлительно начать в условиях строжайшей секретности, не ставя в известность правительства и военные власти соответствующих государств, экстренную передислокацию ВСЕХ подразделений, частей и соединений сухопутных войск США, BBC, ВМС и морской пехоты в места их постоянного расквартирования. В случае отсутствия таковых (очень многие базы изначально формировались как самостоятельные подразделения, не имеющие кадрового ядра на собственно американской территории) следовало или размещать выводимые войска в уже имеющихся военных город-

ках и базах, или отправлять «излишний персонал» в долгосрочный оплачиваемый отпуск. Кроме того, рекомендовалось в качестве разновидности «внезапной проверки боеготовности» отработать методику размещения войск на неподготовленной местности, в условиях, приближенных к боевым.

Большую часть техники и снаряжения предлагалось оставить на месте, превратив бывшие военные базы в «базы хранения» под присмотром минимально необходимого числа рядовых, специалистов и офицеров. В последующем, по опыту окончившейся семидесят лет назад Второй мировой войны, намечалась широкая распродажа «излишков» государственным учреждениям «стран пребывания» и частным лицам. В сороковые годы такие распродажи принесли военному министерству США миллиардные, практически не учитываемые прибыли, сказочно обогатили всех, причастных к этой «акции», и обеспечили население разорённых войной стран дешёвой одеждой, обувью, техникой и оружием.

Прочитав эту бумагу, Лютенс сначала испытал состояние, близкое к шоковому, пока вникал в смысл слов и фраз с позиции сотрудника ЦРУ и просто должностного лица *вчерашней Америки*. Для него это выглядело не то чтобы странно — просто дико, ни с чем не сообразно, катастрофически и *предательски*. Что значит — ликвидировать военные базы, на создание густой сети которых по всему миру потрачено столько сил, денег, пролито крови (в основном — чужой)?! Только эти базы и позволяют держать остальное человечество за горло то просто «железной рукой», то рукой, одетой в «бархатную перчатку».

Уйдёт Америка с Филиппин, Гуама, Диего-Гарсии, Гренландии, из Германии, Японии, Испании, Италии, Нидерландов, Панамы, Турции и прочая, и прочая, и прочая (как завершали титул российского императора, устав перечислять его титулы и владения) — что останется от её «грозной мощи» и «мягкой силы». Куда вмиг исчезнет «несокрушимая свобода»?

Дочитал до конца, подумал немного, хмыкнул и покрутил головой, как Сухов в «Белом солнце пустыни» — «Павлины, говориши!». Если он уже не полковник Лютенс, а сотрудник «Института» Владимир Шеховцов — то очень остроумная и своевременная инструкция к нему в руки попала. Даже президенту её в руки сейчас давать не надо. Передать сразу Келли и пароль, сообщённый Шульгиным, назвать — пусть крутится. Что интересно — и его, и генерала Паттерсона, и сотню как минимум высокопоставленных вояк всех родов войск это предписание обрадует до чрезвычайности. Не передать, как обрадует. Ничуть не меньше, чем их советских коллег, от генерал-полковников до прaporщиков обрадовал в своё время ельцинский указ о бесконтрольном и экстренном выводе армии из стран Варшавского пакта и бывших союзных республик. Какой там, к чертям, Клондайк! Это намного, намного богаче, а главное — интереснее.

Представить, например, генерала или адмирала с Субик-Бея на Филиппинах, получившего этот приказ. Он полчаса соображает, потом проводит экстренное совещание с ближайшими друзьями и приглашает на чашку кофе своего смуглого коллегу, главкома тамошних ВМФ, к примеру. Ещё через

несколько часов генерал или адмирал N становится обладателем роскошной виллы на одном из самых прелестных островов и очень приличного счёта в банке Манилы. А филиппинский коллега завтра же открывает оптовую и розничную торговлю всем, что ему приглянется в бывших американских владениях.

А если учесть, что всего подобных баз на Земле более восьмисот, а старшего, среднего и младшего комсостава на них раз в сто больше (способного воспользоваться пролившимся золотым дождём), то президент Ойяма получает очень солидную поддержку не последних в этой стране людей.

Кто окажется в стороне от делёжки пирога — будет доволен, что вернулся домой из надоевших тропиков или промороженной Гренландии, с хорошими «отпускными» и возможностью на всю катушку отвлечься от «тягот и лишений военной службы». А заплатить «ветеранам» можно будет много, исходя из того, что на содержание системы баз ежегодно тратилось почти полтораста миллиардов долларов. И заплатить — в рассрочку, чтобы обещаниями следующего «транша» купить лояльность репатриированных вояк, а то и использовать их в случае вполне вероятных социальных потрясений.

Лютенс немедленно связался с вице-президентом по защищённому видеоканалу и передал ему копию «распоряжения».

— Сейчас же вместе с Паттерсоном переработайте это в полноценный приказ и под грифом «Совершенно секретно» передайте всем заинтересованным лицам, причём для командующих эска-

драми флота и начальников всех видов военных баз сделайте пометку: «К исполнению приступить немедленно по получении. Распоряжения вышестоящего руководства, относящиеся к данному «исх. № ...» подлежат выполнению только в части, уточняющей практические мероприятия по реализации поставленной задачи. В случае попыток противодействия исполнению данного приказа немедленно докладывать лично Председателю комитета начальников штабов, одновременно используя все предоставленные вам права для его выполнения».

— Можете сказать генералу, чтобы подработал с учётом неизвестных *нам с президентом* тонкостей служебных взаимоотношений, но суть должна остаться неизменной, — счёл нужным подчеркнуть Лютенс, ввернув ключевое «*нам с президентом*» как бы между прочим, как деталь общеизвестную и самоочевидную.

Само собой, использовал пароль *от Сарториуса*, чем полностью исключил какие бы то ни было неуместные вопросы со стороны второго лица в государстве.

«А я же тогда какое? — с лёгким сарказмом спросил он самого себя. — Пока не отменили пароль, не первое ли? Вот что значит вовремя выйти на московскую улицу и заговорить с нужным человеком! А свернул бы тогда не налево, а направо, неизвестно где сейчас и был бы...»

Тут разведчик попал в самую точку. Мировые события развивались бы приблизительно так же, как сейчас, но из механизма выпал бы совсем незначительный «винтик», отсутствия которого не заметил бы ни один человек на Земле. Да сам бы он

и не помыслил, что только что мог превратиться в вершителя судеб Америки и «делателя президентов», да вот прозевал свой шанс...

— Простите, господин Лютенс, — всё же набрался смелости и спросил Келли, — господин президент хорошо представляет себе последствия этого шага? — и потряс выдернутым из принтера листом бумаги. — Это ведь необратимо...

— Вам бы лучше спросить не у меня, а у господина Сарториуса, — ответил Лерой, хорошо проинструктированный Шульгиным, предвидевшим подобные вопросы, и не только со стороны вице-президента. — Пусть вас не заботят геополитика и интересы косовских албанцев, которых после ухода наших войск непременно начнут резать сербы. Подумайте, чтобы чего-то подобного не случилось с вами...

Сейчас Лютенс был в своей тарелке и разговаривал с только что недосягаемо высоким чиновником так, словно расплачивался со всеми начальниками, портившими ему жизнь последние двадцать лет. И он не забыл, какие отвратительные чувства испытывал, разговаривая с послом США в Москве и представляя, что его ждёт в Вашингтоне, если там решат повесить на него всех собак за провал операции «Мангуста».

Вице-президент намёк понял и, будь он немцем, непременно щёлкнул бы каблуками и вытянулся перед Лероем, рявкнув «Яволь!». Но Келли был американцем и изъявил понимание просто сдержаным кивком и резиновой улыбкой.

— Да, вот ещё. — Лютенс извлёк из папки очередной лист. — Это тоже для генерала, пусть до-

ведёт до морского министра и всех флотских начальников вплоть до командиров кораблей первых рангов. Имеется информация о возможных террористических актах, направленных именно против флота. Мы принимаем все необходимые меры, но... Поэтому — всем боевым кораблям классом выше фрегата, как находящимся в портах и иностранных базах, так и в открытом море, НЕМЕДЛЕННО покинуть места своего пребывания и полным ходом направиться к ближайшим отечественным базам — Норфолк, Сан-Диего, Бремертон, Сан-Франциско, Пёрл-Харбор. Любые задачи и приказы, выполняемые флотом в настоящее время, с момента получения сего отменяются, о чём обязательно сделать записи в вахтенных журналах.

Немедленно же организовать на всех кораблях и судах тщательные проверки на предмет обнаружения посторонних взрывных устройств, фактов подготовки актов саботажа, организовать выявление неблагонадёжных лиц из состава экипажей кораблей и берегового персонала. Особое внимание обратить, сами понимаете, на кого. Русских шпионов искать не надо, отработанный номер. Забыть об их даже теоретическом существовании. Враг внутренний сейчас принадлежит к мусульманам террористических толков, национальным и прочим меньшинствам, внутриамериканским сепаратистам всех мастей, либералам и глобалистам... От них исходит подлинная опасность, вне зависимости от доказанности конкретного злоумышления!

Секунду Лютенс смотрел на ошарашенное, меняющее цвет от красного до бледного через серовато-зелёный лицо вице-президента.

— Да-да, вы не ослышались. Всякие политкорректность, толерантность, мультикультурализм и прочая ерунда с сего момента отменяются. Враг есть враг, и не нужно прятаться под одеяло в надежде, что там он вас не достанет. Что? Вы не понимаете, при чём здесь глобалисты? Поясняю. Америка превыше всего! Она не должна жертвовать собственными интересами и интересами своего народа ради никому теперь не нужных абстракций. Глобалисты — враги настоящей, коренной Америки, они хотят растворить её в мутном бульоне «общечеловеческих ценностей». А никаких таких ценностей нет! Если нужно повысить пенсии американским рабочим, мы откажемся содержать НАТО, кормить пять миллиардов бездельников на всех континентах и ссориться с Россией и Китаем ради каких-то Грузии или Эстонии. Вам понятно? — в голосе Лютенса зазвучали нотки прусского фельдфебеля, кем наверняка был кто-то из его многочисленных прямых и побочных предков. — Такая теперь генеральная линия!

Келли ещё раз кивнул, уже пониже, и улыбка у него не очень получилась. Трудно всё-таки урождённому американцу переносить слишком резкие смены парадигм. Для них это нечто вроде острой декомпрессии при подъёме с глубины. Не все выживают.

Лютенс отключил аппарат и вытер пот со лба. Налил себе виски в стакан «на три пальца», раскурил сигару. Хороший получился разговор. Умеет он, оказывается, перевоплощаться даже на таком уровне. Как-то не замечал за собой раньше подобных способностей. С ними, пожалуй, можно претендо-

вать и на вице-президентский пост. Вон как этого *построил*.

Здравомыслие при всех маниловских и даже хлестаковских мечтах Лероя отнюдь не оставило. Он доцедил виски, ещё раз-другой затянулся сигарой и подумал, что без воздействия Ляхова, а то и господина Шульгина не обошлось. Слишком уж сильно поменялась *стилистика* его поведения. Он ведь не играл сейчас, он действительно был человеком, которому наплевать на чины и звания собеседников, настолько он ощущает себя выше их и — *право имеющим!*

Вот именно — всего за несколько дней из *твари дрожащей*, пусть и числящейся высокопоставленным сотрудником одной из могущественнейших спецслужб мира, он превратился в действительно имеющего право разговаривать с вице-, а то настоящими президентами тем тоном, каким только что общался с Келли.

И, самое невероятное, — он сам не испытывал по отношению к своим кураторам ничего подобного тому, что только что продемонстрировал вице-президент при одном намёке на некоего Сарториуса. О них он думал и говорил с ними, как с равными. Стоящими выше, знающими и умеющими больше — но всё равно равными. Как рыцари из-за стола короля Артура.

Интересное чувство, совершенно непривычное. И удивительно приятное.

---

* **ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ**

Приказ Верховного главнокомандующего (о котором он сам до сих пор ничего не знал) был, как и положено, доведён генералом Паттерсоном до всех поименованных лиц. Реакцию он вызвал неоднозначную, как принято выражаться. Поскольку министр обороны, министр ВМС, командующие родами войск и многие не первые, но весьма значительные фигуры военных ведомств не только были «личностями» сами по себе, с собственными политическими взглядами и точками зрения на многие относящиеся к деятельности и функциям вооружённых сил вопросы, но и представляли интересы различных кланов и группировок американского истеблишмента.

Некоторые были вполне лояльны к президенту и правящей партии, назначенные на свои должности нынешней администрацией, другие, из категории «несменяемых», занимали позицию крепких профессионалов — «мы будем делать своё дело и свою карьеру, а что там творится на Капитолийском холме и вокруг — не знаем и знать не хотим». Третий принадлежали к «жёсткой оппозиции» и держались на своих местах как раз потому, что президент и даже его весьма шаткое «большинство» в Конгрессе и Сенате были слишком слабы, чтобы сместить

этих людей или хотя бы убедить их играть по общим правилам.

В ряде случаев даже Сарториус не имел на многие круги и группы достаточного влияния. По принципу — «по воробьям из пушек не стреляют». Система «сдержек и противовесов» американского государства работала достаточно эффективно, и общая geopolитическая линия, нужная и выгодная Сарториусу и его клану, выдерживалась. Так чего же более? Пока не вставал вопрос о превращении США в «корпоративное» государство по типу муссолиниевской Италии или «тоталитарное» гитлеровского типа, видимость свободной игры политических сил была даже полезна.

К примеру — куда выгоднее для «американской демократии» стереть в порошок неугодного военного, политика или финансиста, обвинив его от имени горничной отеля в попытке изнасилования, чем дать основание «врагам Америки» увязать репрессии, иногда очень жёсткие, с «независимой точкой зрения» того же командующего Тихоокеанским флотом.

Как раз он первый счёл возможным заявить Паттерсону о своём несогласии с приказом, долго и возбуждённо доказывал, что подобное граничит с государственной изменой, независимо от того, кто именно принял решение. Да хотя бы и президент. Не для того Америка семьдесят лет после Второй мировой войны выстраивала систему своей военной и военно-морской мощи, чтобы одномоментно от всего этого отказаться! А что начнётся в тех странах, откуда уйдут оперативные соединения флота?

— Вы плохо помните события семьдесят пятого года, когда американцы и миллионы южновьетнамцев панически бежали из Сайгона? Завтра же по всей Юго-Восточной Азии начнётся дикая резня наших сторонников, — брызгал слюной прямо на экран монитора потерявший всю свою респектабельность и холодную сдержанность адмирал флота Гарольд Макэлрой.

— Вы тех событий тоже не помните, — осадил собеседника Паттерсон. — Разве что по телевизору картинки видели... — усмехнулся он.

— Я как раз тогда начинал службу и именно во Вьетнаме, — огрызнулся адмирал.

— Значит, за сорок лет должны были усвоить, что приказы положено выполнять, независимо от того, нравятся они вам или нет. Иначе вам придётся доживать свои дни без этих шикарных нашивок до локтя. «Увольнение с позором»¹ я вам могу обещать прямо сейчас. А военный суд может принять ещё более строгое решение. Вас это не волнует?

— Вы не посмеете! — почти взвигнул лошёный адмирал с элегантной, «голливудской» причёской густых, платиновой седины волос.

— Посмею, Гарольд, и ещё как! — Паттерсон подсунул прямо под объектив видеокамеры лист президентской «индульгенции». — Читайте. Если

¹ «Увольнение с позором» — вид дисциплинарного наказания в ВС США, влечёт за собой лишение всех положенных при «нормальном» увольнении привилегий, а также пенсии. Может сочетаться с привлечением к суду. Американское военное законодательство весьма сурово и предусматривает даже в мирное время пожизненное заключение и смертную казнь.

не одумаетесь в ближайшие две минуты, славные ВМС США продолжат своё плавание уже без вас. А главный военный прокурор, прочитав этот же документ и моё представление, отвесит вам ровно столько, чтобы всю оставшуюся жизнь вы проклиниали этот день и эту минуту...

Паттерсон не выносил моряков, а этого — в особенности. Были у него на то серьёзные основания. И сейчас он откровенно наслаждался, унижая Макэлроя, у которого звёзд на погонах было столько же, сколько у него самого, да вдобавок одна широкая и четыре средние нашивки на рукавах пошитого у лучших портных Сан-Диего кителя.

Адмирал шумно выдохнул воздух и кивнул, кусая губы:

— Будь по-вашему. Но не думайте, что я забуду этот разговор, сэр!

— Ничего не имею против, сэр! Но ещё раз обращаю ваше внимание — вы обязаны выполнить приказ точно и в срок. И примите все меры к недопущению возможных террористических актов. Пусть ваши люди перероют свои корабли от киля до клотиков и озабочтятся выявлением всех «неблагонадёжных». Не смею вас больше задерживать.

Адмирал несколько секунд смотрел на погасший экран, облегчая душу доступными английским языку ругательствами, а потом вдруг замолчал и задумался. Чего-то он, пожалуй, не уловил. Обстановка «за бортом» явно изменилась. И сам приказ, и документ президента, позволяющий Паттерсону такой тон и такие действия, — всё это означает резкую смену курса по команде флагмана «Поворот все вдруг!». И что бы он сам сделал с командиром

корабля, вздумавшим запрашивать у него, комфлота, объяснений по поводу этого семафора, а тем более — выразившим протест против такого маневра.

Да, думать надо и по своим каналам попытаться узнать о *настроениях* в Белом доме и вокруг. А свои, и очень влиятельные, каналы у него до сих пор были. С выходом на людей, способных и Паттерсону с его бумажками голову скрутить, и кое-кому повыше. Только пора ли это делать прямо сейчас или немного подождать развития событий — Макэлрой ещё не понял.

...Прямо из пустого «холла» ресторанныго туалета, где, на удивление, не было ни одного человека, как и в дюжине кабинок следующего помещения, Новиков с Шульгиным и профессор снова переправились в Замок. Теперь формула этой «операции» была внесена в память блок-универсалов, и одно нажатие кнопки соединяло любое место любой из реальностей с точкой последнего пребывания в Замке. Нужно было просто сделать шаг сквозь на мгновение ставшую прозрачной зеркальную стену розового с белым кафельного зала туалета и оказаться посередине всё того же, полусумрачного, но расцвеченного яркими, праздничными, почти голограммическими витражами бара.

Переход осуществлялся хоть и с помощью аггрианского прибора, но по принципиально иной, форзелианской методике¹, не «пробивавшей» напрямую реальный пространственно-временной континуум, а как бы всего лишь замыкая друг на друга нахо-

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

дящиеся в одном многомерном пространстве ячейки Гиперсети. Там, где никаких понятий о *времени* и *расстоянии* в «человеческом» смысле вообще не существует. Оттого в *материальном* мире этот процесс никак не отражался и на него не воздействовал.

Теперь они могли сколь угодно долго решать свои дела в Замке и в любой из разрешённых *параллелей*, и вернуться на ГИП по собственному желанию в любое из мгновений, следующих за их перемещением в Замок, но ни в коем случае не предшествующее ему! Но если Воронцов, Левашов или кто угодно другой передал бы им сигнал о необходимости возвращения, то обратный переход был возможен лишь в момент «после вызова». На первый взгляд — пресловутый парадокс, а при более внимательном рассмотрении — всё вполне логично.

Зато здесь их сразу охватил покой. Примерно такой, что испытывают солдаты, отведённые с передовой на переформирование. Будто зашли за гряду холмов, отрезавших звуки даже артиллерийской стрельбы, — и сразу получили приближающуюся к ста процентам гарантию, что ни с кем из них в ближайшее время ничего плохого не случится. Само же по себе «ближайшее» — понятие очень растяжимое.

Вот снова день угас, как ветра лёгкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, печалиться не стану
О дне, что отошёл, и дне, что не рождён.

Тысячу лет назад написано, а не прибавить, не убавить, несмотря на весь так называемый «культурный и технологический прогресс человечества».

Ужинать по времени было ещё рано, да и смы-

сла никакого, только что ведь из-за стола, пусть и весьма лёгкого. Вновь садиться — когда голод даст о себе знать, и тогда уже, как в прежние времена, основательно, за полночь, и чтобы застольная беседа сопровождала ужин. Как в диалоге Платона «Пир», к примеру. О чём там Сократ с приятелями рассуждали? О вреде пьянства, кажется, и о прелестях любви. Или наоборот. Перечитать бы невредно¹.

Жаль только, что компанию им составят только эти девушки с витражей. Посмотрели бы они сейчас, повзрослевшие на тридцать лет, как их приукрасил и какими сохранил для истории, не только земной, но и галактической, их бывший приятель.

День сегодня у друзей получился до чрезвычайности длинный и перенасыщенный, информационно и эмоционально. Хорошо бы отвлечься чем-то совсем посторонним, интересным и необременительным. Верхом бы покататься по окрестным предприятиям в компании глядящих из глубины подсвеченных голограмм девиц. Выяснить, наконец, практическим путём, можно ли действительно, без крайне неприятных последствий носиться по степям сумасшедшим аллюром только лишь в кружевных панталончиках и кружевных же, по моде тех времён, золотистых чулках, вставив в стремена алые туфельки на высоченных шпильках.

Еще тогда, только закончив это произведение искусства и своих эротических фантазий, Сашка подвергся критическим нападкам товарищей, знавших толк в верховой езде. Они подробно объясни-

¹ См.: Платон. Диалоги. т. 1.

ли другу, как именно будет выглядеть и как выражаться прелестная Людмила, если он заставит её на самом деле прокатиться в подобном наряде хоть пару километров.

Шульгин, в свою очередь, ссыпался на античные изображения амазонок, скакавших верхом совсем голыми, да вдобавок и без сёдел.

— А тут, если седло бархатом крытое, а чулки и трусы где надо кевларом подшиты, так и вполне正常ально... Главное, шенкелями¹ держаться!

Как давно всё это было...

На лифте поднялись к своим номерам, в которых жили с самых первых дней появления в Замке и где всё осталось точно таким же, как в момент «Исхода», отплытия на только что построенной «Валгалле» в неизвестность. Переодеться в одежду попроще и заодно слегка перенастроиться на прежний психоэмоциональный стиль.

— А дальнейшие планы какие? — спросил Удолин.

— Пойдёмте в оружейную мастерскую, — предложил Шульгин. — У меня давно уже одна идеяка завелась, да всё руки не доходили. Посмотрим, позволено ли мне будет её воплотить...

— С чего такие сомнения — раньше ведь Замок не препятствовал, — спросил Новиков. — С карабином тем, с автоматами...

— Видишь ли... — Шульгин вдруг замолчал. —

¹ Шенкеля — внутренние стороны ноги всадника от колена до щиколотки, с помощью которых он и держится в седле и управляет конём. Кавалерийское правило: «Облегчаться от голени, а не от стремени».

Не буду пока ничего говорить. Сразу автоматике задание предложу...

Слова друга Андрея слегка удивили. Чего уж только они в Замке не творили, начиная от похода в «нечеловеческие» его секции и горизонты и заканчивая созданием зоны, защищённой от самого Замка, по принципу известного парадокса:¹ «Может всемогущий Бог создать камень, который сам не сумеет поднять?» Замок сумел, и теперь где-то в лабиринте этажей, коридоров и лестниц так и стояла стилизованная под довоенную коммуналку квартира, в которую Замок никаким образом не мог проникнуть, в облике ли Арчибальда или любой другой ипостаси.

Зато из неё однажды удалось попасть вроде как в Москву девятнадцатого века, оказавшуюся иллюзией, а сквозь иллюзию — за пределы «пространства Замка». Та ещё вышла шуточка². Наглядно, между прочим, доказавшая, что и Замок можно обмануть. На каждый хитрый приём, понятно, только один раз его взять можно. Но кто сказал, что умный человек следующий раз ещё что-нибудь свеженько не придумает, для нечеловеческой сущности непостижимое? Есть же в Галактике раса, у которой отсутствует понятие времени. Вообще. Нормальному землянину их образ жизни и мышления тоже сугубо непонятен.

— Нет, молодые люди, ваши смертоубийственные железки меня не прельщают. Исключить чело-

¹ Из нескольких значений термина здесь подразумевается «формально-логическое противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждения».

² См. роман «Скоро полночь».

века из числа ныне живущих можно гораздо проще и аккуратнее без их помощи, а с точки зрения эстетики есть творения человеческого гения не в пример более привлекательные. Так что я, с вашего позволения, лучше в библиотеку направлю свои стопы...

Моментами в голове у профессора что-то перемыкало, и он начинал говорить вычурно и старомодно, хотя вполне владел языком, применительно к каждому историческому периоду и социальной группе собеседников.

— Вы там поаккуратнее, в библиотеке, — предупредил его Андрей, вспомнив о своих в ней приключениях¹. — Бывает, привидения материализуются, персонажи книг опять же. Монстры всякие между полками подстерегают. И учтите, что каждый зал тянется на километры, и дорожных указателей нет. Если заблудитесь, просто подходите к ближайшему лифту, какой увидите на перекрёстках галерей, входите и нажимайте любую кнопку. Довезёт, куда надо...

— Я это уже неоднократно слышал, от вас в том числе, — ворчливо ответил Удолин. — Не учите меня работать с библиотеками. Я, кстати, и в Вавилонской бывал, и в той, что попытался описать Умберто Эко². Так что не нужно меня страшить... Лучше не забудьте позвать, когда соберётесь ужинать.

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

² См.: Х. Борхес. Вавилонская библиотека, У. Эко. Имя розы.

Новиков с чувством лёгкой грусти, что охватывает почти любого человека при посещении мест, где ему в молодости было хорошо, ходил по своему номеру, заглядывая в ящики и трогая забытые или просто брошенные в суете эвакуации предметы. Как будто и не минуло почти тридцать лет с тех дней, когда он разговаривал отсюда по телефону с Воронцовым, предупреждая его о необходимости срочно готовить пароход к выходу в море. Поскольку в Замке оставаться стало уже критически небезопасно...

Рядом с телефонным аппаратом на тумбочке лежал плоский испанский пистолет «Лама Омни», одно время (пока не наигрался) ему очень нравившийся. Пыли на пистолете и лакированной поверхности тумбочки собралось ровно столько, как если бы он ушёл из номера недели две назад и горничная с тех пор не убирала...

Конечно, не убирала, вон и пепельница стоит с двумя окурками. Один сожжён до фильтра, другой длинный, смятый, словно тогда Новиков затушил его в спешке и нервничая.

Андрей нашёл в шкафу сильно вытертые вельветовые джинсы¹ и рубашку типа «сафари» с короткими рукавами, переобулся в невесомые мокасины, сплетённые из тонких кожаных ремешков, пистолет привычно сунул сзади слева за ремень, предварительно проверив, есть ли патрон в патроннике.

¹ В начале 80-х годов — крайне модная и дефицитная вещь. Покроем, отстрочкой и наличием заклёпок аналогичные обычным, но сшитые из тонкого синего или коричневого вельвета в мелкий рубчик.

Без оружия он давно уже чувствовал себя, как без штанов в людном месте (кроме пляжа), да и вообще Замок — это хуже, чем кантовская «вещь в себе». Столкнёшься в коридоре с супертарантулами вроде тех, на которых испытывали впервые Сашкины «ртутные карабины» — уж лучше самому застрелиться, чем ждать, пока он использует на тебе свою методику *внешнего пищеварения*. Впрочем, тринадцать патронов с экспансивными пулями в магазине давали шанс и отбиться — от паука по крайней мере.

В мастерскую они прошли через несколько галерей, напоминающих залы Петербургского (для них по старой памяти — Ленинградского) артиллерийского музея, только были они ещё длиннее, мрачнее, потому что за стрельчатыми окнами в стенах трёхметровой толщины располагался не установленный пушками всех времён и народов двор, а не пойми что. В какие-то иные планы бытия выходили эти окна, и смотреть в них не хотелось. Как с космической станции — на океан Соляриса.

По сравнению с музеем в этих галереях лежало на полках и стояло в открытых пирамидах и застеклённых витринах раз в пять, наверное, больше единиц «ручного стрелкового оружия». То есть абсолютно всё, что было изготовлено серийно, хотя бы самыми малыми партиями на оружейных заводах и в мастерских Земли с момента изобретения унитарного патрона и по настоящий момент. С тех пор как Андрей с Сашкой были здесь последний раз, количество экспонатов значительно увеличилось — больше четверти века как-никак на ГИП

прошло. Отчего и протяжённость залов заметно возросла.

Но по странной прихоти (или — тонкому расчёту) Замка в музее не было никаких конструкций из «параллелей», тем более — продукции военно-технического гения иных, внеземных цивилизаций.

Сама «оружейная мастерская», где Шульгин конструировал свой карабин под «ртутные пули», осталась такой же, словно они покинули её час назад. Так же стояли у стены и валялись на столах для разборки-сборки и чистки ранние прототипы карабина, чем-то изобретателя не удовлетворившие. Замок всё сохранил в неприкосновенности. Снова окурки в пепельнице (свежие, только что затушенные) и полупустая коньячная бутылка на столике рядом со стеклянной дверцей репликатора. Не только огнестрельные изделия, изготовленные согласно введённой в компьютер программе, за ней возникали при правильно введённой команде, но и кое-что попроще.

— Знаешь, мне снова немного не по себе, — сказал Новиков. — Не для нормальной психики всё это. Четверть века прошло, а окурок, что я тогда раздавил, чуть ли не дымится...

— И коньяк, наверное, не выдохся. Что тут по-делаешь — загадки природы. Если всё это имеет место — так и должно быть.

— Да понимаю я всё. А так, моментами, аж передёрнет вдруг.

Андрей сел боком на край стола, достал портсигар, а Шульгин разлил в серебряные чарки не допитый в прошлый раз по не зависящим от них причи-

нам «Аарат ОС»¹. Тогда они, получив возможность продегустировать почти все знаменитые марки, сочли, что от добра добра не ищут, и в основном употребляли люксовые отечественные сорта.

— Ну, чтоб не передёргивало. Считай, на полчасика опять в молодость вернулись.

Андрей медленно, как густой ликёр, выщедил терпкий напиток с отчётливым дубовым привкусом. Без всяких ароматизаторов «идентичных натуральным». Всё ж таки заливали в бочки этот «будущий нектар» ещё в шестидесятые годы. В школе они тогда с Сашкой учились.

— Да, пожалуй, — вздохнул он.

Посидел несколько минут, как бы ни о чём не думая, рассеянно затягиваясь и выпуская дым... Да, «Дым». В спрятанных внутри стенных панелей динамиках (или вообще просто в воздухе) вдруг негромко зазвучала тех же примерно лет песня с этим названием². Умели тогда трогающие души мелодии писать. Не то что та бредятина, доносящаяся теперь из проезжающих по улицам автомобилей, с громкостью, за сто метров рвущей барабанные перепонки.

А чего зря удивляться? Развивались, развивались и доразвивались до машин с кондиционерами, круиз-контролем, массирующими водительскую задницу креслами и динамиками, вбивающими в

¹ Маркировка коньяков по советским ГОСТам. После «5 звёздочек» шли «КВ», «КВВК», «КС»... «ОС» — «Особо старый». О реальном сроке выдержки судить по написанному на этикетке невозможно, ибо все высокосортные коньяки — купажные.

² В 60-е годы на советских пластинках композиция так и называлась — «Дым». В записи Ф. Папетти 80-х значится — «Smoke Gets in Your Eyes».

уши сто пятьдесят децибел «тамтамной сонаты» племени мумбо-юмбо.

— Спасибо, — повинувшись неожиданному чувству, сказал Новиков в сторону источника мелодии.

— Кому это ты?

— Кому ещё — ЕМУ. Угадал настроение, заботливый наш, — ответил Андрей. — Ладно, проехали. Давай, говори, что ты на этот раз придумал, — спросил он Сашку, тоже к чему-то прислушивающемсяся. Очень возможно, он сейчас слышал совсем другое, например, чуть не до слёз трогавшие его когда-то «Осенние листья»¹.

— Сказал же — молча всё делать буду... — отмахнулся тот.

Шульгин пересел на вертящееся кресло перед клавиатурой здешнего компьютерного терминала, не слишком похожей на общепринятую. Но когда они впервые попали в Замок и обучались, в том числе и электронной премудрости, в их «земной» жизни «ПК» ещё не было, только Левашов привозил из плаваний самые первые «Эпплы» и «Макинтоши», которые использовал далеко не по прямому назначению. Так что форзелианские адаптированные устройства они сразу восприняли как данность. Потом уже к «человеческим» пришлось привыкать.

Сашка щёлкал кнопками довольно долго, используя некоторые дополнительные панели, в том числе и сенсорные. Наблюдать за этим было скучно, и Андрей пошёл в ближайший экспозиционный зал, присмотреть себе пистолет «из новых», а то действительно как ретроград какой-то, дальше

¹ П. Мориа, 1962 г. «Autumn Leaves».

«валтеров» и «беретт» не продвинулся. Замок, будто истинный коллекционер, собрав все мыслимые раритеты, не пропускал теперь ни одной новинки, шагая в ногу со временем.

К разочарованию Новикова, прогресс и в области стрелкового дела фактически завершился, как в автостроении и авиации. Конструкторы в основном развлекались внешним дизайном да эргономикой, в чём, по мнению Новикова, не слишком преуспели. Как кому, а ему хоть пресловутый «08», хоть браунинг «Хай пауэр» казался милее и удобнее, чем всякие заполняющие новые витрины «FNX», «Глоки» и «Чезеты».

Аналогично в двадцать первом веке обстоит и с машинами — разве сравнишь «Хорых» тридцать восьмого года¹ с какой угодно из современных моделей? Есть ли сейчас такая, чтоб увидел и сердце замерло? Не «Порше» же «Кайенн» и не «Форд Навигатор» — помесь элитного катафалка с дизайнерской мыльницей.

Он повертел в руках постмодерновый на вид, сделанный наполовину из лёгких металлов и углепластика пистолет. Пострелять бы, конечно, стоило, для сравнения, но и тут едва ли что-то кардинально изменилось. Ну, выбивал он из Марголина девяносто семь из ста на двадцать пять метров в круглую мишень. Даже если из этого сделаешь девяносто девять (что заведомо вряд ли) — что толку?

¹ «Хорых 830BL» считается знатоками одним из самых красивых автомобилей за всю историю автостроения. В настоящее время в мире сохранилось всего два экземпляра, один из них — в России, где прошёл полную восстановительную реставрацию.

А кто в принципе нормально стрелять не умеет — так ему лучше дробовиком двенадцатого калибра пользоваться.

Когда Андрей вернулся в мастерскую, Сашка уже допил остатки первой бутылки, сотворил вторую такую же и вдобавок пепельницу наполнял окурками с пугающей скоростью.

Хорошо, что он давно уже пользуется не своим исходным физическим, а «восстановленным» эфирным телом. То есть с какой угодно точки зрения, кроме удолинской некромантской, Шульгин как был человеком, так и остался, но в силу определённых обстоятельств одной из семи своих астральных составляющих он лишился, и пришлось её с помощью Антона заменить следующей оболочкой, придав ей необходимые свойства. Разницы практически никакой — ни биохимической, ни генетической, — как если бы у человека вместо выпавшего зуба вырос новый. Вырос и вырос, что тут такого.

Разница заключалась лишь в том, что теперь и без гомеостата его организм был многократно меньше подвержен воздействию всевозможных вредных факторов окружающей среды.

Убить его из огнестрельного оружия было по-прежнему можно, кожные покровы в подобие кевлара не превратились, но вот разного рода инфекции, яды, жёсткое излучение на организм Шульгина почти не действовали, потому что, став физическим, тело всё же сохранило некоторые свойства эфирного, а мировой эфир, как известно, с материальным на атомно-молекулярном уровне взаимодействует слабо.

Поэтому Сашка мог бы сейчас не курить табак, а вдыхать, допустим, дым горящего фенолформальдегида. Удовольствия, конечно, никакого в отличие от хорошей сигареты, но и вреда тоже.

В этом вся и тонкость разных некромантских и прочих магических штучек, которых вокруг, с момента тесного контакта «Братства» с Удолиным, становилось всё больше. Как в известном рассказе Шекли «Опека».

Все фигуранты (если можно так выразиться) команды Константина Васильевича, как известно, неоднократно на протяжении минувших веков подвергались разным видам мучительных казней то инквизицией, то маврами, то более сильными коллегами по ремеслу, однако и ныне продолжали существовать в сравнительно первозданном виде. И все (что особо удивительно) оставались жизнелюбами, эпикурейцами в самом широком смысле этого термина. То есть огонь костра, допустим, при соблюдении должных ритуалов их, конечно, сжигал, но — как бы и не насовсем. Всегда оставалось что-то, из чего можно было возродиться. А вот всяческая пища, напитки и прочие радости жизни на них действовали совершенно по-человечески, только с большим эффектом и без обычных для «нормальных» людей последствий. Не зря Шульгин приходил в ярость, глядя, как они старательно, с полной самоотдачей распивают и поедают старательно наполненные им в своё время винные и продуктовые погреба форта. Причём не убирая за собой.

А в эпоху позднего Средневековья, как выясни-

лось, их даже новомодный, из Америк завезённый сифилис не брал!¹

— Ну, что тут у тебя? — спросил Андрей, видя, что друг вертит в руках устройство, напоминающее одновременно автомат Калашникова, английский «Стерлинг» и некое оружие будущего из фантастических фильмов. Намётанный глаз выхватывал отдельные элементы того, другого и третьего, при этом было понятно, что «машинка» вполне себе оригинальная.

— Да вот. Как раз то, что я говорил. Удастся в очередной раз обмануть Замок или нет... — ответил Сашка, странно улыбаясь. Как будто в детстве, совершив какую-то пакость, напряжённо ждёт, чем это для него закончится. Сумеет «отмазаться» или получит «по полной программе». Неважно, от кого.

— В чём, собственно, обмануть?

— Антон же утверждал, что галактическими законами запрещено снабжать недоразвитые расы «нечеловеческой» техникой? Мы согласились, получили «адаптированных» роботов и сумели вернуть им исходные ТТХ. Потом с «квартиroy» моей. Замок тоже не врубился, что я на самом деле прошу и какие из реализации моей просьбы могут быть последствия. А теперь я решил сконструировать не существующее на Земле ручное оружие, работающее на неизвестных принципах. Возможно — даже

^¹ В XV — XVII вв. завезённый первооткрывателями Америки в Старый Свет сифилис протекал как острое, скротичное эпидемическое инфекционное заболевание со стопроцентно летальным исходом, но постепенно мутировало до хронического, иногда почти полностью латентного типа. Прогноз лечения благоприятный.

с нарушениями земных же законов природы. Но — вполне популярное в западной фантастике. В нашей отчего-то почти не упоминается¹.

Вслух я ничего о своих намерениях не говорил, даже думал в ту сторону как можно осторожнее. Просто ввёл задание в достаточно автономный, как мне объяснил Скуратов, компьютер, обслуживающий Музей и мастерскую. Он уже привык, что я ему всякие нестандартные задания давал, например сделать для карабина какой-нибудь компенсатор, хоть и антигравитационный. Получилось. По теории отдача с моим патроном под ртутные пули и с герлиховским сужением ствола² должна была быть как у ПТР, а в натуре вышла не сильнее, чем у СКС. В суть принципа я не влезал — не для слабых умов задачка.

А компьютер-конструктор в том смысле автономный, что Замок как личность не контролирует его постоянно, как и другие свои органы и эффекторы. Ты же не следишь, за исключением особых случаев, за выработкой надпочечниками и панкреасом адреналина и инсулина? Только когда прижмёт как следует, начинаешь анализы делать. Так и За-

¹ Шульгин имеет в виду советскую фантастику, написанную до 1984 г. Современную российскую он читал очень выборочно, следуя рекомендациям Фёста.

² Германский инженер Г. Герлих в начале 30-х годов XX века разработал пистолет и винтовку, имевшие сильную конусность ствола, особой формы нарезы и стрелявшие специальным патроном. Начальная скорость пули достигала 2000 м/сек. Пистолет калибром 7 мм пробивал стальной лист толщиной 12 мм. Герлих умер в 1934 году при загадочных обстоятельствах. В ручном стрелковом оружии его идеи развития не получили из-за сложности и дороговизны конструкции, но широко применялись в германской ПТ артиллерии.

мок. Помнишь, как мы в неподложенные уровни залезли?

— Ещё бы не помнить. — Новиков передёрнул плечами¹.

— Вот я и решил, что если компьютер задание сглотнёт, то и будет его выполнять, исходя из своих межгалактических возможностей. А Замок этого не заметит...

— И?

— Ну, вроде получилось...

Шульгин вскинул «автомат» к плечу, навёл ствол на самую обычную мусорную корзину, куда бросали использованную ветошь после чистки оружия.

Сашка обычным движением плавно выбрал спуск. Выстрел, которого Андрей инстинктивно ждал, не бахахнул, даже не лязгнули детали затвора. А корзина исчезла. Совсем. Как её и не было. Не осталось ни горстки пепла, ни запаха.

Сашка опустил оружие и довольно ухмыльнулся:

— Ну, как?

— Куда ты её закинул? В прошлое, в будущее, в астрал? — стараясь не подыгрывать Шульгину, почти равнодушно спросил Андрей.

— Если бы! Как у Стругацких в «Полдне» — превратил в воздух и солнечный свет. Это, видишь ли, молекулярный деструктор. Может ли он существовать на самом деле — я понятия не имел. Но кому-то из фантастов, скорее всего — западных, такая штука в голову пришла, он его в свою книжку вставил, и ... Как говорил то ли Маркс, то ли Жюль Верн: «Всё, что один человек способен вообразить,

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

другие могут осуществить». Маркс вон «пролетарскую революцию» вообразил, и тут же нашлись дураки...

Ну а я компьютеру объяснил, что имею в виду, как, на мой взгляд, это должно работать, и предложил воплотить в заданных параметрах, не ограничивая себя в *полёте фантазии* и не опасаясь пLAGиата, если такая штука где-то уже запатентована. Вот он и воплотил. Теперь ещё можно над дизайном и прочими прибамбасами поработать, кое-что мне не совсем нравится. Но действующий прототип — вот он! Ближе к идеалу, чем пулемёт «Максим» к «ПКМ». На дистанцию до двухсот метров разлагает на молекулы любой органический объект с фокусируемым углом раствора луча в сколько-то там градусов, угловых минут и секунд. В общем — как раз примерно медведь целиком в зону поражения входит...

— А если больше? Динозавр, например? — искренне заинтересовался Андрей.

— Это уж... — пожал плечами Сашка. — Какая-то половина или треть деструктируется. Остальное следующими выстрелами убирать придётся, если надо. Но то, что останется, тебя уже точно не обидит...

— Забавно. — Андрей достал очередную сигарету. — И стопроцентная поражаемость, и никаких следов. Был человек, и нету... Удобно. Особенно для киллеров.

— Ага. Только для законопослушных граждан ещё более. В случае самообороны, чтоб потом на нарах не париться. Как в том фильме: «Вещей нет, начальник, кражи не совершал!»

— Портативности бы добавить. Чтоб в кармане

помещался. И вообще на оружие не походил. А то наши портсигары так всё же не умеют. Сжечь, расплавить, парализовать — да, а чтобы бесшумно и бесследно... А нормальный ствол зачем и магазин?

— Да я именно как автомат это себе представил. Стреляет из верхнего обычными патронами... Ну, не совсем обычными, тут тоже хитрости есть, но всё же. В основе «45 АПК», только гильза в полтора раза длиннее. Пули можно экспансивные, можно бронебойно-зажигательные. Бой на сотню метров то как у «АКМ», то как у «Томпсона», по вкусу, но легче и портативнее того и другого. А второй ствол — это уже сам деструктор. Издалека за подствольник сойдёт... Главное, работает идея. А вариаций на тему сколько угодно наклепать можно...

— Эх, Александр Иванович, — раздался вдруг знакомый баритон, звучавший на этот раз весьма сокрушённо. — Я всё время вас недооцениваю. Стоит только из внимания выпустить — вы тут же начинаете безобразия вытворять и все мыслимые законы попирать...

Друзья оглянулись. В проёме двери стоял Арчibальд-настоящий (его массогабаритная копия сейчас присматривала за Сарториусом), засунув большие пальцы рук за поясной ремень. И смотрел на них с тем же примерно выражением, как учитель слесарного и токарного дела Николай Николаевич, застигший их за изготовлением в школьной мастерской деталей гениально спроектированного самопала.

Ну один в один ситуация, будто и не прошло с тех пор четыре десятка лет.

Но то, что Замок немедленно не приступил к ре-

прессиям, а прислал для разборки на месте всего лишь Арчибальда, внушало надежду. Договориться скорее всего удастся. Вопрос лишь — на каких условиях. Учитель труда, нестарый ещё фронтовик, лишенный понятий о «правах ребёнка» и «ювенальной юстиции», отвесил каждому по хо-орошему подзатыльнику, после чего забрал ствол, пружину и заготовки спускового механизма, усадил на лавку и, не стесняясь нецензурной лексики, объяснил, что им всем троим (именно!) грозит по нынешним законам за такое «народное творчество».

— А что за претензии, друг? — не растерялся Сашка. От обращения «друг» «сердце» у Замка таяло, как сливочное мороженое в августовскую жару. Не раз проверено. — Это ж пока просто эксперименты...

— Над мной? — вполне благодушно спросил Арчибальд.

— Над возможностями собственного разума и психики. Да ты всё и сам слышал. Времена нам предстоят тяжёлые, использовать мы решили всю имеющуюся в нашем распоряжении технику, а тут вдруг кинулись — кое-чего не хватает. Причём сущей мелочи — как прибора бесшумной и беспламенной стрельбы в арсенале разведчика. Авиационный или ракетный удар на цель вызвать по радио может, а часового у ворот по-тихому снять нечем. Вот и пришлось заняться самодеятельным техническим творчеством. Мы, знаешь, в детские годы не избалованы были, развлекательной индустрии не существовало, оборонная промышленность из отходов танкостроения только заводные машинки весом в полкило и велосипеды «Орлёнок» «по шир-

потребу» штампovalа, поэтому сами изошryались, как могли. Благо, кружков всяких в Домах пионеров хватало...

Иногда Сашка, подражая Удолину, начинал пле-сти словесные кружева, забалтывая слушателя до полной потери ориентации во времени, пространст-ве и «сфере чистого разума». А уж когда взял курс уроков у Виктора Скуратова, нобелевского лауреа-та за труды по машинным и нечеловеческим логи-кам, так стал моментами вообще непереносим.

По крайней мере, с Арчибалдом предыдущих версий справлялся без особых усилий.

Ещё одна тайна природы, кстати, не разрешён-ная даже профессорами чёрной и белой магии из команды Удолина. Каким это образом машина с околосветовой скоростью прохождения нервно-го импульса и на сотни порядков большим числом нейронов, аксонов и прочего ухитряется проигры-вать человеку, имеющему мозг весом полтора кило-грамм и до ужаса медленные, на биохимических реакциях основанные процессы мышления?

Причём именно при решении задач, где нельзя воспользоваться простыми аналогиями или тупым перебором вариантов, пусть и со скоростью милли-ард операций в секунду.

Так, компьютер выиграл матч у Каспарова, но большой вопрос — обыграл бы он Капабланку или Алёхина? И тот и другой блистали именно в комби-национной игре.

— Вот я и подумал, — не умолкал Шульгин, — всякое может случиться, поскольку мы решили лично в Кэмп-Дэвид наведаться. Терпеть ненави-дим по глобусу боевыми действиями руководить.

Мы, знаешь, как генерал Скобелев — в белом кителе с шашкой впереди атакующих колонн! И работы не всегда под рукою окажутся, чтобы своими телами командиров прикрыть. Опять же — наличие ненужных трупов в неподходящем месте может сильно осложнить ситуацию. Во всех детективных книжках почти все сюжеты именно вокруг этих самых трупов крутятся. Начиная с первой страницы.

А я в институте химию, физику, биологию и прочие сопутствующие науки изучал, откуда знаю про межмолекулярные связи, слабые и сильные взаимодействия между атомами и тому подобное. Не может быть, думаю, чтобы братья по разуму, даже с временем управляющиеся, не знали, как дистанционно эти самые связи мгновенно ликвидировать...

Арчибалд поднял руку, чтобы остановить поток Сашкиного красноречия.

— Ты совершенно прав, Александр, ты ничего не нарушил в рамках своей компетенции и в очередной раз доказал изощрённость своего разума. Я бы, конечно, не позволил заполучить такое оружие от меня. В определённых случаях оно может представлять угрозу для самого существования человечества...

— Знаем, читали, — включился в разговор Новиков. — У нас фантасты чего только не придумали. Про «Абсолютное оружие» Шекли слышал? Потому, я так понимаю, Саша и ограничил свою «пушку» имеющимися параметрами. Оцени. И дальность, и ширину луча предусмотрел, и даже то, что она только по органике работает. Даже случайно промахнувшись, дом не обрушишь или там

мост... Не говоря о возможности дематериализовать целую планету. Притом что без всякого твоего участия мы легко можем организовать взрыв склада атомных боеголовок под Скалистыми горами...

— Да, всё верно. Я уже оценил, потому никаких репрессий к вам применять не собираюсь. Забавляйтесь своей игрушкой. Но других не получите. Я вообще, наверное, запрещу всем эффекторам выполнять любые ваши команды без согласования со мной.

— Ну, ты даешь! — очень натурально возмутился Сашка. — Это я что же, за разрешением на каждую кружку пива бегать к тебе должен? Тогда, знаешь, лучше мы вообще с тобой связываться не будем, раз такое неприкрытое нарушение элементарных прав личности...

Это тоже был испытанный приём. Замок очень хотел, чтобы люди с ним именно «дружили», а не имитировали хорошие взаимоотношения из страха или корысти. Он ведь, познакомившись с Воронцовым, сразу начал терпеть не слишком деликатные выходки, а потом и прямой шантаж последнего. Наверняка ведь, чтобы не утратить налаживающегося взаимодействия, и Наталью для него создал. Переформатировал обычную, в общем, женщину в идеальную подругу, совсем немного вмешавшись в структуру личности. И теперь на подсознательном скорее всего уровне Дмитрий считает себя Замку обязанным. А очень возможно, что всеобщая любимица Наталья Андреевна в определённом смысле тоже немного Арчибальд. Влияет на мужа согласно заданной программе, как хорошая жена, никак себя не расшифровывая. Новиков об этом сразу же

задумался, как только Воронцов их познакомил, и наблюдал за этой оригинальной парой сколько уже лет, но никаких отклонений от нормы не заметил.

К Андрею с Шульгиным Замок относился аналогично: существовать без регулярного взбадривания их выходками давно уже не хотел и, наверное, не мог.

— Во-первых, мне этот «деструктор» ещё до ума доводить надо. Без изменения ТТХ, — успокоил Сашка Арчибальда. — Когда будет готов — вторую копию для Андрея сделаем. И всё. Даже пистолетный вариант пока отложу...

— Ну хорошо, хорошо. Заканчивай свою игрушку. Беды от неё в ваших руках, пожалуй, и никакой. А чтобы никто другой не воспользовался — предохранитель типа «свой-чужой» добавь. А в дальнейшем... Такой вариант вас устроит: если вы придумаете ещё что-нибудь, способное коренным образом изменить земные законы природы или существующий на Земле порядок мироустройства, вы предварительно обсудите это со мной? — сказал Арчибальд, тоже садясь на край стола и беря у Новикова «деструктор», чтобы его рассмотреть повнимательнее.

— Для этого нам придётся изучить полный список действий, способных привести к названному тобой результату, — откровенно уже веселился Шульгин. — А то мне это напоминает случай из советских времён, когда я давал подписку о неразглашении служебных и государственных тайн. Вполне нормальным образом поинтересовался, нельзя ли предварительно ознакомиться, что в нашем институте к таковым относится. На что получил ар-

гументированный ответ — «перечень служебных и государственных тайн сам по себе проходит по категории секретности высшей, чем уровень положенного вам допуска». И на всякий случай мне степень допуска ещё на одну ступеньку понизили. Что оказалось впоследствии весьма для меня полезным. Я хоть получил право проводить отпуск по собственному усмотрению, а не в ведомственном пансионате за колючей проволокой. Но за границу всё равно не выпускали, даже в Болгарию.

— Ибо оттуда вплавь легко можно переправиться в Турцию, — пояснил неизвестно для кого Новиков. Замок все тонкости жизни в СССР знал и без него.

— Давай без демагогии, Саша, — устало сказал Арчибалд. — Я ещё подумаю, как от тебя обезопаситься. А теперь не перейти ли нам к делу?

— Какому? — удивился Шульгин.

— За которым вы пришли. Как вам Америку добивать. Я прав?

— Ну, не совсем, — осторожно ответил Андрей. — Никого мы добивать не собираемся, мы люди мирные, последние тысячу лет только защищаемся. То от хазар, то от монголов и тевтонских рыцарей одновременно, то от шведов, поляков, англов с франками. От немцев неоднократно. Надоело немного. Неужели, думаем, русские люди такого же права на мирную спокойную жизнь не имеют, как подданные монацкой династии Гримальди? С времён Куликовой битвы ребята на троне сидят, и никто на них за это время ни разу не напал, не оккупировал, не присоединил и не ассимилировал. Вот

и мы так хотим устроить. На данный момент только Штаты этой благодати мешают...

— Упрощаешь, Андрей, — сказал Арчибалд.

— Кто б говорил! Это ж ты «хантеров» подучил сразу в двух реальностях перевороты устроить, чтобы мир не под российской, не под американской властью жил, а под твоей лично...

— Это не я, это тот, кто изображал меня, какого мы дезактивировали, — ушёл в отказ Арчибалд.

— Не будем вдаваться... — кивнул Новиков. — Так вот, то, что мы затеяли, — это не война в каком угодно смысле, это — фазовый переход, я уже говорил. Футурологи о нём чёрт знает сколько текстов понарисовали, а мы попробуем на практике. А то так и помрём, оного не увидев.

— Идею *Фазового перехода* человечества на гармоничный путь развития мы тоже с Антоном прорабатывали, — как бы слегка виновато сказал Арчибалд. — Только аггры всегда успевали сильный контрход найти, в итоге всё возвращалось к исходной позиции, только «по спирали», как Энгельс правильно отметил. Вообще наблюдательный был человек, исторический провидец, можно сказать. Как он здорово про Первую мировую за сорок лет угадал: «Восемь или десять миллионов солдат будут душить друг друга на полях Европы. А потом короны будут дюжинами валяться на мостовой и не найдётся никого, чтобы их поднять...»

Жаль, что слишком поздно удалось его связку с Марксом разорвать. А то бы этот господин по партийной кличке «Генерал» мог бы, лет с тридцати в неё ввязавшись, много интересного в реалполитике совершить...

— И когда же у вас эти переходы намечались? — заинтересовался Новиков.

— Да много раз. В эпоху реформ Александра Второго. Почти весь период между Франко-прусской войной и Первой мировой. Сколько благоприятных моментов было. Глобализация в начале XX века, когда цивилизованного населения на Земле было куда меньше пресловутого золотого миллиарда. Перевод энергии, затраченной на Первую мировую войну в русло цивилизационных перестроек пяти тогдашних империй и США. Тройная развилка Ленин—Сталин—Троцкий ещё до революции. Исключение гитлеровского варианта с плавной эволюцией Веймарской республики в некоммунистическую, но социалистическую державу... Видите, сколько было шансов? И всё время корабль, вильнув, возвращался на прежний курс. Только встреча Антона с Воронцовым, а потом и с вами разорвала эту патовую ситуацию.

— Кто вам мешал так же радикально разобраться с агграми аналогично, но без нас и до нас? — спросил Шульгин.

— А кто мешал Ивану Грозному сделать всё то же, что Пётр Первый, только полутора веками раньше? — вопросом на вопрос ответил Арчибалд.

— Роль личности в истории?

— Или — недозрелость ситуации в целом. Уровень технологий и мыслительные способности римлян или персов вполне позволяли им наладить массовое производство арбалетов, к примеру. Но — не додумались. А гораздо менее культурные европейцы в X или XI веке вдруг приняли их на вооружение

ние. Значит, сошлись воедино некие малозначительные по отдельности факторы...

— То есть ты хочешь сказать, что за многие века «позиционной войны» с агграми вам никакие «революционные» методы выхода из тупика в голову не приходили, а мы сыграли роль как бы генерала Брусилова, вдруг догадавшегося, как без артиллерийской и танковой мощи англо-французов глубоко эшелонированную оборону прорвать? Притом что фортификация австрийцев была лучше немецкой, а русское материально-техническое оснащение — гораздо хуже, чем у Антанты.

— Наверное, можно сказать и так. Ни мы, ни аггры раньше не сталкивались с командой вроде вашей. Чтобы сразу несколько почти готовых Держателей мира в одном месте собрались, да ещё и тесными дружескими связями соединенные, причём таким образом, что в любом деле ваши способности аккумулировались, а не взаимно гасились, как чаще всего и бывает. К тому же, заметь, Воронцов и Берестин до определённого момента с вами знакомы не были, а подтянулись почти одновременно, словно стрелки компаса к отметке «Норд».

Сильвия предпочла перейти на вашу сторону, хотя с Антоном знакома была давным-давно и ничего подобного ей раньше в голову даже прийти не могло... Как антилопе выйти замуж за жирафа. А теперь, кстати, и Даяна, по всему судя, согласна стать одной из вас. На устраивающих её условиях, конечно. На этом фоне вы вдруг заводите со мной разговор о «фазовом переходе». Не кажется странным?

— Как в известном анекдоте. «Майор Иванов посмотрел на часы и ударил Рабиновича по лицу.

И я решил, что пришло время...» — без тени усмешки сказал Андрей. — А раз пришло — пойдём в более подходящее помещение и проведём один эксперимент. В рассуждении проверки наших личных способностей и возможности совмещения их с твоими способностями. А уже потом ты Сарториуса в гости пригласишь.

— Зачем он здесь? — каким-то сварливым тоном спросил Арчибалд. Моментами он очеловечивался до невероятности, как бы сам забывая, что он всего лишь временно автономная деталь гигантского механизма.

— Чтобы впечатлился. Мысль мне в голову одна пришла, — ответил Новиков. — Похоже, и он кое-чего важного недоговаривает по поводу земных раскладов, и ты некую тему старательно обходишь. Захотелось нам очную ставку вам устроить. Глядишь, не сойдёмся во взглядах, так бросить всё не поздно...

— Что-то я тебя, Андрей, не понимаю, — будто бы внутренне напрягся Арчибалд.

Ерунда, конечно, андроид, он и есть андроид. Но если Замок захотел, чтобы его реакция на слова Новикова выглядела именно так... Значит, зачем-то это ему нужно.

— Пойдём в адмиральский кабинет, там обстановка больше нашей затеи соответствует, глядишь — и поймёшь...

---

*—

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

— **Н**ам, собственно, нужно оппонентам кое-какой наглядный урок преподать, — сказал Шульгин Арчибалду, когда они разместились в постаринному уютном и особым образом волнующем некие глубинные струны души кабинете царского морского министра Григоровича¹, слегка приспособленного Воронцовым под собственные вкусы². С самого начала у друзей сложилось нечто вроде традиции: всякие важные проблемы обсуждать именно в нём.

Наверное, аура особая здесь скапливалась, поскольку вся мебель и большинство книг, фотографий на стенах, модели кораблей и всяческие сувениры из дальних стран были подлинными. Это давно никого из «Братства» не удивляло, с вещами куда невероятнее приходилось сталкиваться, но поначалу поражало — как это по нескольким фото-

---

¹ Григорович И.К (1853 — 1930) — адмирал, последний морской министр Российской империи. Герой Русско-японской войны. Внёс большой вклад в восстановление флота после РЯВ, подготовку и успешные действия флота в ГМВ. Его именем назван новый фрегат Российского флота, вступивший в строй в 2015 г.

² См. роман «Одиссей покидает Итаку».

графиям не декорацию помещения воспроизвести, а извлечь из определённого момента прошлого оригинала, подменив его копией?

Причём, чтобы не вносить ненужных колебаний в ткань тогдашней действительности, подмена была произведена в тот промежуток времени, когда в связи с известными событиями семнадцатого года адмирал был уволен с должности и, понятно, отлучён от дорогих ему предметов обстановки и накопленных за многие годы книг и сувениров, а его преемник ещё не приступил к исполнению обязанностей. И знать не знал, разумеется, какова истинная ценность и степень подлинности доставшейся ему обстановки.

В противном случае могла нарушиться некая эфирная связь между исторической личностью и окружающей его материальной и нематериальной средой, ретроспективно деформироваться порядок причин и следствий. Как в известной китайской притче о полководце, проигравшем так много сражений оттого, что не был должным образом соблюден ритуал его похорон¹.

В ящике стола Новиков нашёл коробку сигар, служившую им своеобразным маркером, позволявшим судить о степени реальности окружающего мира в Замке. Если за тридцать минувших лет коробка всегда оказывалась на том же самом месте, качество и сорт сигар оставались неизменными и их количество убывало строго в соответствии

¹ Не существует ли в этом смысле связь между деградацией СССР в эпоху Брежнева и тем, что при его погребении гроб был публично уронен в могилу у Кремлёвской стены?

с расчётами, которые Андрей и Шульгин вели независимо друг от друга, значит, с известной долей определённости можно было предполагать, что кабинет этот не является фантомом и химерой.

Закурили, после чего Арчибалд по всем правилам драматургии спросил Сашку, какой именно урок и кому он собирается преподать и в чём должна заключаться его, Замка, роль.

— Иначе ведь ты не стал бы затевать эту столь конфиденциально обставленную беседу?

— В правильном направлении мыслишь, — похвалил Арчибалда Шульгин. — Я передал американцам через Лютенса предупреждение о том, что в ближайшее время возможны масштабные теракты против их вооружённых сил и что самое для них правильное — побыстрее сматываться в места постоянной дислокации. Потому как они не в состоянии защитить даже сами себя, не говоря о населении стран, находящихся «под американским зонтиком». Немцы в оккупированных советских городах не боялись гулять по улицам и вести почти обычную жизнь, как и наши солдаты в Афганистане в самоволки бегали, а амеровские вояки в глубоко дружественных странах меньше чем ротой под прикрытием бронетехники за пределы своих баз предпочитают не высовываться.

— Понятно, но многословно, — с видом истинного джентльмена, хантера Боулнайза, которому претит выслушивать лишние, самоочевидные сентенции, ответил Арчибалд. — Передал предупреждение. Теперь считаешь, что нужно эту угрозу подтвердить фактами. Что нужно от меня? Разве у вас самих мало возможностей? Или — не хочешь

руки пачкать? Не стыкуется с вашими прежними заявлениями. Решились решать вопросы кардинально — так идите до конца. Не перекладывайте ответственность...

Сказал и замер с благородным выражением породистого лица.

— Вот и видно, что мыслить тонкими категориями тебе ещё учиться и учиться. Это ж тебе не преферанс, где заучил, что «дама бьётся, своя и чужая» — и вперёд. Ещё и не дослушал, а уже выводы на уровне «клуба пикейных жилетов» делаешь, — с лёгким сожалением и сочувствием в голосе сказал Новиков. — Теракт мы какой хочешь без твоей помощи учинить можем. Сердце не дрогнет и руки тоже — после всего, что эти ребята на Земле натворили. Хоть атомную станцию можем взорвать. Но — ни к чему это. Как говаривал всё тот же Остап: «Низкий класс, не чистая работа». А вот устроить такую диверсию, чтоб по масштабам не слабее нью-йоркской была, но зрелищнее и без жертв — это голову нужно иметь...

— Излагай, интересно услышать, насколько вы умнее меня, — с намёком на вызов сказал Арчибалд. Новикову стало интересно, способно ли такое явление, как Замок, обижаться на слова человека, или он только научился (да и то не до конца) имитировать подходящие к слуху эмоции. Наверное, в той части, что отведена под *человекоподобие*, всё же может. Раз обладает аналогом свободы воли.

— Некоторое время назад, выступая перед Конгрессом по поводу выколачивания очередных фондов и дотаций на флот, министр обороны Макэл-

рой, мотивируя необходимость заказа очередного авианосца, заявил, что «любой пятиклассник знает — АУГ (авианосная ударная группировка) США не может быть уничтожена ни одной державой мира, настолько она сильна и сбалансирована». На основании этого достаточно спорного утверждения министр сделал ещё более спорное, вернее — алогичное. «Именно потому, что АУГ мощны и неуязвимы, мы делаем на них главную ставку, имея их десять, считаем нужным построить ещё две!» Речь министра была встречена аплодисментами, и ни один народный избранник, хоть от правящей партии, хоть от оппозиции, не задал простой вопрос: если даже ОДНА АУГ неуязвима и способна решать в Мировом океане ЛЮБЫЕ задачи, зачем их двенадцать? На крайний случай хватило бы двух — одна в море, одна на профилактике. При этом только авианосец, без «свиты» из крейсеров, эсминцев, подводных лодок, транспортов и прочего, стоит от пяти до двенадцати миллиардов долларов, а его годовое содержание обходится в полтораста миллионов. Опять же — только самого авианосца...

— И что? — спросил Арчибалд. — Вам жалко денег налогоплательщиков?

— Нисколько. Но очень бы было забавно показать всему миру, американскому народу, Конгрессу и адмиралам, чего на самом деле стоят их «неуязвимые» игрушки...

— И как вы собираетесь это сделать? — очевидно, Арчибалд за несколько секунд извлёк из всеобщего информационного поля нужные сведения и с видом знатока сообщил, что не видит способа без

использования десятка-другого самых совершенных в мире российских противокорабельных ракет «Гранит» потопить любой из находящихся в строю американских авианосцев.

— Или — близким ядерным ударом, — завершил он свою тираду.

— Гроссмейстер знал только ход Е2—Е4, — засмеялся Шульгин. — Ты повторил то, что пишут ангажированные или просто глупые «специалисты». А если мозги включить?

— Можно с помощью пространственного совмещения заложить в жизненно важные места корабля несколько тонн взрывчатки. Склады боеприпасов, топливные цистерны, сам ядерный двигатель... Но это вызовет огромные жертвы, а вы, кажется, хотели их избежать? — с некоторой ядовитостью отметил Арчибальд.

— Незачёт, — спокойно сказал Новиков. — Теперь смотри, как просто решаются самые сложные задачи при нестандартном подходе. Извлеки из памяти «Пятнадцатилетний капитан» Жюля Верна и сделай ещё одну попытку...

Прямо перед заставленной книжными шкафами стеной кабинета Арчибальд развернул в воздухе аналог плазменного телевизора три на четыре метра. Изумительная разрешающая способность, превосходящая естественные возможности человеческого глаза, позволяла примерно с километровой высоты наблюдать великолепную картину полуденного, почти штилевого Тихого океана где-то между Филиппинами и Марианскими островами.

По густой аквамариновой глади, словно позируя

для рекламного ролика «Флот США ждёт тебя, доброволец!», эффектным ордером двигалась именно АУГ в полном составе: авианосец «Рональд Рейган» и его сопровождение четырьмя кильватерными колоннами. Эффектное зрелище, кто будет спорить! Два крейсера ПВО типа «Тикондерога», дивизион противолодочной обороны в составе четырёх эсминцев, несколько фрегатов и корветов, две подводные лодки типа «Лос-Анджелес» в надводном положении, полдюжины танкеров и транспортов снабжения, плавучая мастерская выглядели с высоты отлично выполненными моделями, разыгрывающими в бассейне сцены из морской жизни.

За кораблями тянулись скрывающиеся за горизонтом белоснежные кильватерные струи, не смешивающиеся между собой. Они разлиновали гладь океана, словно идеально вспаханные борозды — целинную степь. Такое сравнение пришло в голову Новикову, хотя цветовая гамма в том и другом случае отличалась кардинально.

— Красиво плывут, — сказал Новиков, а Шульгин тут же вспомнил с детства любимый фильм и продолжил:

— Вон та группа в полосатых купальниках...¹

— Ну, товарищ Арчибалд, начинаем? Покажите, на что вы способны, — предложил Андрей.

Авианосная группа во главе с «Рональдом Рейганом» была выбрана без каких-либо идеологических соображений, не играло роли, что намеченная жертва носит имя автора слогана «СССР — империя

¹ См. «Полосатый рейс», «Ленфильм». Лидер советского кинопроката 1961 г. Фразу произносит В. Лановой.

зла» и программы «Звёздных войн». Просто возглавляемая им АУГ (которую вполне можно назвать и эскадрой) оказалась в идеально подходящей для замысла точке Мирового океана и как раз в нужное время. Если угроза и её исполнение разделены достаточно долгим периодом, всякий воспитательный эффект пропадает, а только на него и делался расчёт. Материальными потерями американцев не очень-то запугаешь, а вот на психологические страшилки они ловятся, как голодная рыба на вкусную наживку.

Арчибалд, выслушав предложение друзей, которое ему неожиданно понравилось своей изящностью, немедленно определил на карте местоположение всех американских АУГ. Всего их на данный момент имелось в природе одиннадцать, при этом одна, согласно военно-морской доктрине, всегда находилась на профилактическом или текущем ремонте, а десять — в той или иной степени боеготовности. Сегодня четыре авианосца отстаивались в базах, а шесть выполняли задачи, приближённые к боевым, в морях. В Средиземном, Аравийском, Северном, Карибском. А «Рейган» вот очутился, на свою беду, в Филиппинском.

Для «торжественной порки», как выражался Я. Гашек, подошёл бы и головной в серии атомных авианосцев, «Нимиц»¹, движущийся сейчас в сторону Панамского канала. Но от точки, где технически исполнимо было впечатляющее «происшес-

¹ В отличие от большинства новых авианосцев, носящих имена президентов США, этот назван в честь адмирала Ч. У. Нимица, главкома Тихоокеанского флота США во время Второй мировой войны.

вие», его отделяли ещё почти сутки хода, и предполагаемое число ни в чём не повинных жертв могло оказаться слишком большим. А «Рейган» уже был фактически на месте, и, если его командиры поведут себя правильно, в соответствии с уставами и инструкциями, экипаж отделяется только «лёгким испугом».

Арчибалд нашёл в непосредственной близости от курса АУГ подводную скалу, то ли гранитную, то ли базальтовую, не отмеченную на картах, поскольку заострённую её вершину отделяли от поверхности добрые пятьдесят метров. Как и предполагали Шульгин с Новиковым, Замку приподнять эту скалу на каких-то сорок метров ничего не стоило. Всего лишь — в какое-то число раз увеличить объём составляющих пик неодушевлённых каменных пород. А также и несколько видоизменить форму его верхней части соответственно поставленной задаче.

Ну и, конечно, навести авианосец, которому предназначалась роль нового «Титаника», на предназначеннную ему скалу.

Не зря Новиков предлагал Арчибалду перечитать Жюля Верна. Как известно, негодяй, пират и работторговец, судовой кок шхуны «Пилигрим» по имени Негоро подложил топор под судовой компас, и герои романа попали вместо Южной Америки в Экваториальную Африку.

Сейчас, при всём прогрессе в области навигации, повторить такую штуку было ненамного труднее. Магнитные и гироскопические компасы по-прежнему входили в стандартные наборы судовых курсоуказателей, но на практике такие продвину-

тые и уважающие себя мореходы, как американцы, на своих «лучше всех в мире построенных и оснащённых кораблях» предпочитали доверять компьютерным и спутниковым системам инерционной навигации. А, как известно, чем совершенней техника, тем легче её вывести из строя. А уж организовать незначительные, никакими приборами не улавливаемые помехи — тем более. Замку нужно было всего лишь внести небольшие поправки в электромагнитные, гравитационные и прочие поля, окружающие район движения эскадры. Как приближающийся грозовой фронт искажает работу радиостанций, так и эти микровоздействия согласованно вносили нужные поправки в показания одновременно всех гирокомпасов, компьютеров, спутниковых джипиэс, сохраняя на экранах дисплеев и всех имеющихся репетирах исходные цифры курса, координат, скорости. При этом истинный курс флагмана и сопровождающих плавсредств совсем ненамного отклонился к зюйду. С точностью до угловых секунд¹. Даже очень наблюдательный штурман по положению солнца на небе ничего бы не заметил, слишком незначительна была поправка. Да и двигаться новым, ведущим к смертельной опасности курсом авианосной группе предстояло не больше двух часов, даже немного поменьше, потому что...

— Как раньше говорилось на Российском флоте: «Команда имеет время обедать. Свистать к вину и на обед!» — к случаю вспомнил Шульгин. — Рас-

¹ Одна угловая секунда примерно соответствует углу, под которым футбольный мяч виден с расстояния 45 км.

порядись, любезнейший, — обратился он к Арчибальду.

— И не забудьте Удолина позвать, иначе он обидится, — добавил Новиков.

Когда до встречи с рифом оставалось меньше получаса, Арчибальд окончательно уточнил курс авианосца. Как и предполагалось, отклонение на десять с половиной градусов до сих пор не заметили ни на одном из кораблей эскорта. Всё-таки разбаловались люди за последние полвека. Раньше вахтенный начальник каждые десять-пятнадцать минут обязательно поглядывал на показания главного путевого компáса, устраивая рулевому вывóлочку за каждый градус колебаний вправо-влево. Сейчас на мостиках авианосца и других крупных кораблей имелись, по уставу, вполне работоспособные магнитные, прошедшие устранение девиации компаса, только никому и в голову не пришло бы их расчехлять. Да и этот нетривиальный шаг ничего бы не дал: магнитное поле Земли вокруг эскадры контр-адмирала Паркераисказилось в точном соответствии с изменением всех остальных параметров.

— Скорость группы — двадцать два узла, — сообщил повернувшимся к экрану гостям Арчибальд. Удолин тоже не ушёл, покончив с обедом. Ему тоже было интересно воочию понаблюдать, как работает магия применительно к военно-морским делам. Потому что, с его точки зрения, магией являлись системы мышления, при которых человек осознанно обращается к неким тайным (для большинства окружающих) силам с целью влияния на события, а также реального или кажущегося воздействия на

состояние материи; символическое действие или бездействие, направленное на достижение определённой цели сверхъестественным (для нынешнего уровня познания) путём.

Так что дистанционные манипуляции Арчибальда с полями, электронными устройствами и деталями рельефа земной поверхности полностью под это определение попадали. Сам некромант тоже умел в этой области многое, но, так сказать, несколько на других уровнях и в других планах бытия.

— Начинай ускорение, — сказал Шульгин. — Плавненько, но чтобы к месту встречи клиент подошёл на всех своих тридцати двух узлах... У «Титаника» было примерно двадцать пять? Вот и посмотрим, чего стоят сто лет прогресса в теории непотопляемости...

— Циник, — без осуждения произнёс Новиков.

— А чего циник? — возмутился Сашка. — Я читал — на «Титанике» и сталь корпуса была не та, и отсеки неправильно расположены, и теория остойчивости и непотопляемости неотработанная, наш цусимский опыт не учитывала. А теперь, после Второй мировой, они же умные?

Командующий АУГ контр-адмирал Абель Паркер, командир «Рейгана» коммодор¹ Леви Вудбери и командир авиакрыла кэптэн Дэвис Лонг сидели за

¹ Коммодор — в США воинское звание морского офицера, промежуточное между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом, обозначается широкой золотой нарукавной нашивкой. (В данной реальности.) Кэптэн — аналог звания капитана 1-го ранга Российского флота, но обозначается четырьмя нашивками, как в РФ капитан 2-го ранга.

откидным столиком на правом крыле мостика шестого яруса центральной надстройки-острова авианосца. Они обсуждали всего час назад полученный шифрованный приказ командующего Тихоокеанским флотом¹ прекратить выполнение всех текущих задач и немедленно следовать в Сан-Франциско, на базу Резервного флота, где и ждать дальнейших указаний.

Поговорить было о чём. Приказ сам по себе звучал странно. «Рейган» входил в состав Седьмого оперативного флота и постоянно базировался на японских Йокосука и Пёрл-Харбор. В Сан-Франциско он ни разу не заходил за всю свою жизнь, да и для размещения целой авианосной группы тот порт был мало приспособлен. Но — приказ есть приказ.

Правда, до места назначения — почти семь тысяч миль, и шлётся туда почти две недели. Значит, намечается нечто чрезвычайное и непонятное одновременно — это же сколько топлива и прочих расходных материалов уйдёт на перебазирование полутора дюжин кораблей, семидесяти самолётов и почти тридцати тысяч офицеров, специалистов и матросов!

На всякого рода мысли наводило и распоряжение о тщательной проверке кораблей и баз на предмет возможного терроризма и саботажа, выявлении лиц, имеющих или могущих иметь отношение к антигосударственной и антиамериканской деятельности (в чём тут разница, моряки пока не по-

¹ Тихоокеанский флот США включает в себя три «оперативных флота» (3-й, 5-й, 7-й) плюс несколько береговых и межфлотских командований.

няли, но она несомненно была, раз в секретном министерском документе эти два определения стояли рядом и не через запятую, как синонимы).

Особый интерес и в целом удовлетворение вызвал пункт об исключении из флотского лексикона самого термина «политкорректность». Отныне все вещи и явления следовало называть своими именами, а не прятаться за эвфемизмами.

— Это что же, теперь в случае чего я могу, как встарь, назвать матроса «грязный ниггер», и он не подаст на меня в суд, а «общественность» и журналисты перестанут впадать в истерику, если я выгоню с корабля всех педиков и лесбиянок, невзирая на чины и должности? — хищно оскалил зубы коммодор Будбери.

— Всё это стоит как следует обдумать, а пожалуй, и попытаться выяснить причины происходящего по личным каналам, — задумчиво ответил адмирал. — У каждого, надеюсь, есть такие.

Возражений слова командующего не встретили, поэтому адмирал и старшие офицеры АУГ, не произнося вслух ничего лишнего, решили приступить к реализации приказа не особенно спеша. А пока что просто занялись тем, что на Руси зовётся «военно-морской травлей». Тут можно, забыв о чинах присутствующих, порассуждать о высокой политике, вспомнить интересные случаи из морской практики. Ну и о женщинах, разумеется, поговорить, проведя сравнительный анализ статей и умений сослуживиц, число которых на эскадре достигало едва не пятой части офицеров и матросов (половина, увы, — не той ориентации, после известного

вердикта Верховного суда) и штатских японок и филиппинок лёгкого поведения.

А сама по себе новая боевая задача казалась скорее приятной — переход через весь Тихий океан (это почти четверть экватора), приличные выплаты «за дальний поход» и иные, связанные со сменой места дислокации. Да и возможность отдохнуть от надоевшей азиатчины в одном из самых красивых и культурных городов США — сама по себе многого стоит.

Минут через пятнадцать адмирал предложил спуститься к нему в салон и немножечко выпить, «для прояснения обстановки», как он выразился. «Сухой закон» в походе для личного состава, конечно, существовал, но на высший и старший комсостав он не распространялся, люди взрослые и ответственные, сами знают, чего, когда и сколько.

Адмирал Паркер вдруг напрягся, взглянув на державшийся по правой раковине¹ крейсер «Банкер Хилл». Опыта ему хватило, чтобы мгновенно заметить непорядок.

— Смотрите, Леви, — окликнул он командира авианосца, — с чего это мы вдруг увеличили ход? Разве была команда?

Действительно, гигантский корабль явно шёл

¹ На флоте это означает — «справа-сзади» по отношению к вашему судну, если смотреть от кормы к носу. «По правому крамболу» — справа-спереди. То же относится и к левому борту. «Раковина» — свес в кормовой части палубы парусного судна. В наст. время не делается, но термин сохранился именно для обозначения направлений. Как и «крамбол» — брус возле форштевня парусника для подтягивания якоря.

гораздо быстрее, чем всего полчаса назад. Прибавил не меньше пяти узлов.

— Что за чёрт? Я ничего такого не приказывал! Да и с мостика ничего не докладывали! Что там вытворяет этот Гэтсби? — Коммодор имел в виду своего старшего помощника, заменившего командинра в ходовой рубке.

Вудбери дёрнул тяжёлую стальную трубку телефона прямой связи, закреплённую на переборке.

— Чарли, в чём дело? Что значит в чём? Мы ускоряемся, ты разве не видишь?

. — Ничего страшного, кэп, всё под контролем. Я просто решил немного погонять механиков. Прогореть, не спят ли они. Заодно уточнить, как быстро мы сумеем набрать полный ход. Вдруг русские прилетят по нашу душу? Ха-ха-ха!

Больше, чем слова и действия помощника, коммодору не понравился его смех.

— Да он что, травкой обкурился, если не хуже? — повернулся коммандир к адмиралу, не слышавшему слов из рубки.

— Сэр, с Гэтсби что-то не в порядке. Он сказал, что для тренировки решил дать авианосцу полный ход. На случай, если русские прилетят...

— На этот случай нужно отрабатывать разворот против ветра, — вставил коммандир авиакрыла, — а не гонку за ним. Мои птички хоть и не поршневые, но взлетать против ветра любят всё-таки больше.

— Пойдёмте в рубку, — сказал адмирал. — Сами посмотрим, что там творится.

«Рональд Рейган» продолжал набирать обороты. На жидкокристаллическом дисплее лага выскочили уже цифры «28». Когда адмирал с коммандирами

и свитой присоединившихся по пути штабных офицеров, нюхом учуяших настроение своего шефа и возникших в переходах «острова» как бы из ниоткуда, появились в длинной дугообразной рубке, удивительно малолюдной по сравнению с её размерами и количеством пультов, экранов, джойстиков и манипуляторов абсолютно непонятного постороннему человеку назначения, скорость авианосца подходила к тридцати.

Коммандер Гэтсби повернул к адмиралу улыбающееся лицо.

— Очень хорошо идём, сэр. И это при том, что мы уже год не проходили докования...

— Вы что, пьяны? Или сошли с ума? Кто вам позволил такие шуточки на вахте? — Адмирал смотрел на коммандера, не понимая, что происходит. Подчинённые ему офицеры очень хорошо знали, что Паркер не выносит ни малейших вольностей в общении. Даже лишнее слово или неподходящий к обстоятельствам жест мог вызвать взрыв неконтролируемых эмоций. А Гэтсби нагло усмехался и разговаривал, будто с приятелем в портовом кабаке.

— Да вы!.. Я! Немедленно вон из рубки!..

Коммандер пожал плечами, искренне не понимая, из-за чего этот шум, и тут палуба под ногами у всех ощутимо дёрнулась. И откуда-то издалека донёсся странный шипящий скрежет.

Историю «Титаника» знают практически все, кто по книгам, кто по фильму с Ди Каприо. Какое-то количество интересующихся людей усвоило и с десяток конспирологических версий, охватываю-

ших почти все популярные темы — от пришельцев до очередного заговора «сионских мудрецов».

«Рональд Рейган» не был суперлайнером, на котором собрали несколько десятков миллиардеров, чтобы разом погубить их в ледяных водах Атлантики, не был застрахован на оправдывающую его гибель сумму. На его постройку пошло не бросовое железо, «трескающееся в холодной воде», а самые качественные сорта современной стали, однако он точно так же был обречён на гибель, как и его «предшественник» веком раньше.

В его реальной жизни и службе скорее всего не произошло бы никаких *сверхъестественных* случайностей, а от превратностей судьбы и вражеского оружия он был защищён максимально возможным на нынешнем уровне развития техники и военно-морского искусства образом. Авианосец мог эффективно поразить лишь близкий ядерный взрыв — ракетной боеголовки, мины или торпеды. Или одновременное попадание десятка мощных противокорабельных ракет типа российского «Гранита».

Но на вариант, реализованный по человеческому замыслу, но нечеловеческой и, возможно, *сверхъестественной* силой, конструкция корабля рассчитана не была.

Пусть толщина листов корпуса «Титаника» была всего 20 миллиметров котельного железа, а бортовая противоторпедная защита «Рейгана» состояла из самой современной броневой стали, нескольких слоёв кевлара, бортовых коффердамов, нескольких вертикальных водонепроницаемых переборок — для напоминающей очертанием гигантский утюг

верхушки рифа, направленной остиём навстречу жертве, это не имело никакого значения. Если веком раньше выступ обыкновенного, даже, говорят, слегка подтаявшего льда вскрыл борт лайнера на протяжении ста с лишним метров, то несокрушимому граниту (горной породе, не российской ракете) ни малейшего сопротивления не смогли оказать все изыски нынешних судостроителей.

При этом, кроме разницы в твёрдости льда и скалы, нужно учитывать, что «Титаник» с массой в три раза меньшей, чем у авианосца, двигался со скоростью около двадцати узлов, а «Рейган» ста-
раниями подвергшегося некоторой корректиров-
ке психики старпома успел разогнаться до полных
тридцати.

Этих факторов оказалось вполне достаточно, чтобы, воткнувшись в правую скулу авианосца на более чем пятиметровую глубину, заострён-
ная вершина легко и плавно вспорола его борт на
всём протяжении. Словно консервный нож жестя-
ную банку, прорезала триста метров всеми возмож-
ными способами усиленной обшивки, от форштев-
ня почти до транцевой кормы. Как раз посередине
между противоторпедными булями и ватерлинией.

Сопротивления разрезаемого корпуса хватило, чтобы «Рейган» почти до нуля сбросил свой стре-
мительный ход, а тысячи тонн воды, в первые же
секунды столкновения хлынувшие внутрь двух сотен
отсеков, на которые был разделён корабль, затопили большинство электрогенераторов, поме-
щений постов живучести, водоотливных систем и
мгновенно остановившихся турбозубчатых агрега-

тов, передававших энергию парогазовых турбин на огромные винты.

На гигантском (как положенный набок небоскрёб) корабле почти сразу погасло основное освещение, а аварийное начало включаться очень неуверенно и зачастую не там, где нужно.

«Рональд Рейган» отличался от остальных авианосцев своего класса тем, что на нём большая часть механических, гидравлических и пневматических систем была «революционно» заменена на электрические. В обслуживании так, конечно, проще, особенно если заведомо не собираясь воевать с достойным противником. Зато поговорка про яйца и корзину сразу себя оправдала. Могучее «чудо современных технологий» почти мгновенно превратилось в беспомощно тонущий стальной сундук, борьба за живучесть на котором не только бессмысленна, но и невозможна. Даже броненосцы времён Цусимы были лучше к ней приспособлены.

Коммодору Вудбери хватило минуты, чтобы понять масштаб катастрофы — достаточно было, цепляясь за ступеньки скобтрапа на переборке рубки, шипя от боли в сбитых коленках, встать с покрытого стального настила мостика, на который повалились все, на нём находившиеся, включая адмирала. На авианосце вообще мало кто удержался на ногах из шести тысяч членов команды и авиакрыла — кроме тех, кто в момент столкновения успел ухватиться за что-нибудь надёжное или кому просто некуда было падать.

Не говоря о сразу сброшенных в море законом Ньютона сотнях по делу и без дела находившихся вблизи от края полётной палубы матросов, офице-

ров, авиатехников, за борт начали сползать и валиться в воду рядами выстроенные на взлётной, рулёжной и посадочной палубах для техобслуживания «Супер-Хорнеты», «Викинги» и «Орионы». От сверхмассированного поступления воды в отсеки одного борта корабль тотчас же получил ощущимый и всё увеличивающийся крен.

Сквозь прозрачную, как в бассейне на вилле коммодора, бирюзовую воду командир авианосца увидел мрачную громаду уходящей в глубины океана скалы — убийцы его корабля и погрузившийся в глубь корпуса узкий, будто специально заточенный клык её вершины.

Сколько было сил, он прокричал единственно верную, хотя и запоздавшую команду:

— Стоп машина! Малый назад!

Коммодор надеялся, что, погасив инерцию авианосца, он сумеет удержать его пришпиленным к этой проклятой скале. Лишь бы она поглубже вткнулась в нутро корабля, не вывернулась из раны, не разорвала ахтерштевень и не отпустила «Рейгану» в свободный полёт до самого дна. А глубина Филиппинского моря, согласно лоции, в среднем около четырёх километров, достигая чуть северовосточнее, в Марианской впадине, целых одиннадцати.

— Немедленно аварийно глушить реакторы! — нарушая нерушимое правило при живом командире на мостике не командовать, заорал адмирал, с курсантских времён всю жизнь отслуживший на атомных авианосцах и усвоивший это правило луч-

ше, чем католический священник «Патер ностер»¹. Что бы там ни было — первым делом глушить реактор, если возникла угроза затопления судна. Всё остальное — потом.

Автономные источники питания системы управления и защиты вместе с самими приборами находились в помещениях надстройки, а реакторные отсеки и ведущие к ним коммуникации от аварии не пострадали. Поэтому «выстреленные» быстродействующими приводами внутрь активной зоны кадмий-гафниевые стержни прекратили цепную реакцию практически мгновенно. Теперь авианосец мог спокойно тонуть — ближайшие полсотни лет корпуса реакторов морская вода не разрушит, а что там с ними случится дальше на многокилометровой глубине — этот вопрос пусть волнует следующие поколения.

Со всех сторон к потерпевшему аварию «Рейгану» кинулись корабли сопровождения. Эсминцы начали подбирать с воды сброшенных в неё людей, благо вода была вполне курортной температуры и акул поблизости не замечалось. Крейсера приготовились швартоваться к бортам, чтобы помочь исполину удержаться на плаву. Глупая затея, продиктованная скорее инстинктами, чем разумом, — как может десятитысячтонный крейсер удержать ма-

¹ «Патер ностер» — католическая молитва на латыни, практически дословно совпадающая с «Отче наш» на церковнославянском. Имеется одно тонкое различие (не во всех вариантах) — по-славянски «хлеб наш наущный», т.е. «постоянно нужный для жизни», по-латыни — «supersubstantiale» (надущный), т.е. некая духовная субстанция, не имеющая отношения к быденности.

хину в сто тысяч тонн, причём втрое более высокую? Единственно, чем они могли помочь, — это более-менее организованно снять экипаж, прежде всего совершенно бесполезных на тонущем корабле лётчиков и техников.

К счастью экипажа, немая молитва коммодора, вознесённая к небу, дошла до адресата без задержки, и авианосец повис на скале, удерживающийся как каменным остриём, так и сохранившими герметичность отсеками левого борта. У командира с адмиралом мелькнула даже надежда, что корабль удастся спасти. Но при одном-единственном условии — если комфлота согласится направить к месту аварии целую эскадру спасательных судов, оснащённых понтонами и всем прочим необходимым. Тогда, может быть, удастся заделать трёхсотметровую рану в борту, откачать несколько десятков тысяч тонн воды и как-то отбуксировать «Рейгана» к ближайшей суше, до которой несколько суток хода.

Но все эти проекты возможны, если ближайший месяц сохранится штилевая погода. А Тихий океан — тихий только по названию, и в этих широтах шквалы и тайфуны совсем не редкость.

— Ну всё, — откинулся на спинку кресла Шульгин, напряжённо наблюдавший за происходящим на телевизионном экране. — Теперь ameram можно спокойно забыть об Украине, Ближнем Востоке и чудесах природы вроде Бермудского треугольника. И им, и европейцам на ближайшие пару недель тем для обсуждения хватит. Не всё наш «Курск» в дело и не в дело поминать.

— Теперь надо в западную прессу и в Интернет грамотные вбросы сделать — от имени исламских террористов подходящее заявление, что-нибудь про подпольную организацию на флоте, решившую отомстить продажному правительству. «Коммодор Будбери — новый капитан Саблин»¹, или «Рейган» — новый «Потёмкин»! — продолжил его слова Новиков.

— А совесть не мучает? — вдруг спросил Арчibальд, пристально глядя на Шульгина.

Удолин, услышав это, презрительно фыркнул и демонстративно налил себе полбокала коньяку. До этого почти час удерживался от «стимулирования магического статуса».

— С чего бы это? — искренне удивился Сашка.

— Ну... По вашей вине погибли ни в чём не винные люди. И последствия могут быть... неожиданные.

— Ты что, за идиотов нас держишь, или сам... не того? — поинтересовался Шульгин почти равнодушным голосом. — Если кто и погиб — так по твоей вине. Мы-то как сидели, так и сидим. Никого не трогали, починяли примус. Это всё ты учинил.

¹ Капитан 3-го ранга В. Саблин, предпринявший в 1975 г. попытку мятежа на БПК «Сторожевой» под предлогом необходимости совершения в СССР «новой пролетарской революции». Большинство офицеров и матросов корабля его не поддержали и приняли меры к пресечению попытки увести корабль в Швецию. Саблин был приговорён к высшей мере наказания, его сообщник судовой библиотекарь Шеин — к 8 годам заключения. Несколько матросов и офицеров наказаны в дисциплинарном порядке.

Я сейчас скажу — а невредно бы на Америку хороший астероид уронить, и ты это тут же изобразишь. Кто будет виноват?

Арчибалд словно бы несколько растерялся. Очевидно, его псевдомозг или псевдоличность Замка опять что-то неправильно рассчитали. Хотя и непонятно, какой именно реакции они ждали от много чего повидавших в этой жизни «братьев» и мистика-некроманта, у которого вообще крайне своеобразное отношение к проблемам жизни и смерти.

— Давай колись, — довольно грубо сказал Сашка. — В чём твой прикол? Сначала согласился со всеми нашими теориями, потом устроил это вот «происшествие», — он указал на телэкран, — а теперь интересуешься НАШИМ моральным состоянием...

— Да всё нормально, Саша, — успокаивающе похлопал его по плечу Арчибалд, в голосе которого опять зазвучали свойственные непосредственно Замку нотки. — Я просто решил посмотреть, насколько серьёзны ваши намерения. Знаешь ведь: «Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны». А вдруг бы вы сейчас не выдержали, начали действительно рефлексировать по поводу не придуманных, как раньше, а вполне конкретных жертв...

— Поздновато спохватился, — ответил Новиков. — Когда людей в июль сорок первого посыпал — не сомневался, а сейчас. Что-то мне твоё поведение перестаёт нравиться. Может, и правда — послать и вас, и всё остальное по известному

адресу и заняться исключительно личными делами вне вашего пристального внимания?

— Нет, ну я сказал — всё! — Арчибалд даже пристукнул ладонью по столу. — Закроем эту тему. Давайте думать, как сделанное использовать с максимальной пользой. И ещё я вам одну интересную деталь американской политической жизни решил открыть. Для полноты картины. Только господина Сарториуса сюда тоже нужно позвать. Ему ещё интересней, чем вам, будет.

— Зови. Только смотри, чтобы он не успел сообразить, что ты и тот Арчибалд, который с ним сейчас за бонну работает, — несколько разные люди.

— Уж этому меня можешь не учить, — благодушно улыбнулся андроид. Новикову показалось, что он, как настоящий человек, слегка устыдился своей не слишком умной и неделикатной выходки и сейчас радуется, что о ней согласились забыть.

...Подмены Сарториус на самом деле не осознал, да и не было у него такой возможности. Внешне «Арчибалды» были неразличимы, в пределах обычных разговоров на бытовые темы — тоже. А глубже ни Сарториус, ни «Арчибалд-дубль» не погружались. Каждый — по собственным причинам.

Хозяин острова и бывший *кандидат* во «Владыки мира» сидел на привычном месте в тени тропических растений, овеваемый океанским бризом, заменяющим любой кондиционер, и разбирал сложную позицию из трактата, посвящённого не-

которым аспектам игры в «Го»¹. И с долей раздражения посмотрел на своего *тоже бывшего* «партнёра» и нынешнего стражи, исполняющего заодно функции дворецкого. Он не любил, чтобы ему мешали. Хотя раньше, когда Арчибалд был для него загадочным и всемогущим представителем сил «не от мира сего», он ни за что не позволил бы изъявить даже подобие неудовольствия какими угодно словами и действиями этого человека.

А вот последнее время Сарториус с большим, но до поры тщательно скрываемым удивлением наблюдал за превращением мистера Боулнайза из соразмерной с собой фигуры в довольно-таки примитивную личность. Уж как-то не похож был всемогущий повелитель (или кукловод) «Хантер-клуба» — организации, перед которой моментами робел и сам Сарториус, — на нынешнего, словно бы без всякого энтузиазма играющего роль себя-прежнего.

Однако относил он эти изменения не к подмене одного человека другим, «двойником» или неким «големом», а всего лишь к тому, что, попав под воздействие таких *сверхличностей*, как Воронцов, Ляхов, Ньюмен и Грин, мистер Боулнайз просто сломался. Почти как сам Магнус Теофил.

¹ «Го» — японская стратегическая игра, которой посвящены десятки тысяч книг: задачников, справочников, энциклопедий, сборников партий Мастеров. «Го» — единственная игра в истории цивилизации, правила которой можно освоить за десять минут, а первую полноценную партию сыграть лишь через несколько лет. Некоторые задачи, созданные Мастерами в III — IV веках н.э., не решены до сих пор. Кто создал эту игру, когда и для чего? См.: И. Гришин, М. Емельянов, А Степанов. «Мыслить и побеждать. Го для начинающих». М.: Астрель, 2006.

Сарториус разбирался в людях более чем великолепно, иначе он никогда не стал бы тем, кем являлся до последнего времени. Не смог бы создать сразу в двух реальностях мощные, по влиятельности едва ли не превосходящие «Хантер-клуб» организации: «Клуб искателей странного» и «Общество озабоченных гуманистов». Да, пожалуй, по влиятельности в пределах североатлантического истеблишмента они «хантеров» превосходили, только — не владели его мистическими технологиями.

Поэтому он сразу поверил, что люди, внепространственным образом появившиеся на его острове и сразу загнавшие его в безвыходный тупик, — сильнее и могущественнее и его самого, и Боулнайза. Это было видно по поведению «охотника»: как он в присутствии гостей сник и потерял девяносто процентов своей самоуверенности и, не будем стесняться этого слова, харизмы.

Сам Магнус Теофил исходящую от гостей силу тоже немедленно ощутил. Настолько, что ему и в голову не пришло даже просто спорить с ними, выторговывать какие-то преференции для себя и своей «всемирной корпорации».

Но вот что случилось с Боулнайзом? Или, если уж верить в разные *потусторонности*, сила характера и просто Сила вручались ему истинными хозяевами как оружие заступающему на пост часовому? Только тогда он становился чуть ли не «царём и богом в зоне действительного огня», мог без суда и следствия застрелить любого за нарушение, в обычных обстоятельствах не тянувшее и на умеренный штраф.

А стоит это оружие и эти права у него изъять с помощью магической (опять же) формулы «Пост сдал — пост принял» — и снова станет он самым обычным, иногда даже заслуживающим жалости подневольным человечком.

Что-то такое с вице-президентом «хантерского клуба» и произошло.

А вот *первые гости*, Вадим и Дмитрий, вели себя легко, раскованно, бесцеремонно, если угрожали страшными карами и самой смертью, то очень по-светски, с умеренной дозой юмора даже. И выглядело всё это, как если бы два взрослых, сильных парня проводили воспитательную работу с хулиганистым недорослем, на которого и обычный подзатыльник тратить незачем. Сам всё поймёт и дружкам раз навсегда закажет неправильно поступать. Хотя бы — в этом районе. Границы района тоже были определены вполне доходчиво.

Потом они ушли, но через несколько дней явились *другие*. И Сарториус понял, что эти стоят гораздо выше в иерархии представляемой ими организации. Чувствовалось это сразу и никаких дополнительных объяснений не требовало. И говорили предельно жёстко, предъявив такие документы, что «Властелин мира» фактически и скоропостижно скончался от обширного инфаркта, который давно и терпеливо ждал своего часа.

Но умереть окончательно Сарториусу не дали эти же господа, назвавшиеся английскими именами, и даже с рыцарскими приставками. И умереть не дали, и пообещали омоложение и долгую-долгую, по его нынешним меркам — практически вечную жизнь.

Господа Ньюмен и Грин за предложенные блага потребовали не как Мефистофель бессмертную душу, а всего лишь искреннюю, честную и с приложением всех сил (которых уже начало заметно прибавляться) помочь в переустройстве существующего на Земле политического и финансового мироустройства.

Сам Сарториус спешил возродить на планете новое средневековье и неофеодализм, да ещё и успеть пожить при этом строё. «Таинственные незнакомцы»¹ собирались учинить нечто другое, но быстрый умом магнат в мгновенном озарении тут же сообразил, что конечный результат их проекта будет не слишком отличаться от его собственных планов.

Последние дни он в основном занимался исполнением полученных от Ньюмена и Грина инструкций, касающихся, так сказать, приведения в «полную боевую готовность» всех подконтрольных Сарториусу и его «Системе» структур в США и за их пределами. Нужно было сделать так, чтобы приказы, которые начнут поступать вскоре, исполнялись мгновенно и без всяких ненужных вопросов. Какими бы дикими эти приказы и распоряжения ни казались исполнителям — людям отнюдь не последним в этом мире. Причём им было нужно дать понять, что

¹ У Марка Твена есть незаконченный роман (или повесть) «Таинственный незнакомец», повествующий о появлении на Земле, в провинциальном американском городке, некоего по-стороннего существа, похожего на дьявола, но гораздо более культурного и «гуманного». Возможно, идею своего Воланда Булгаков позаимствовал именно оттуда. Существуют разные варианты текста. См.: М. Твен. ПСС в 12 томах. М., 1961.

любые попытки саботажа или просто промедления закончатся настолько плохо, что и самого закоренелого негодяя и подонка оторопь взымёт.

Проще говоря, все зависимые от Сарториуса персоны должны превратиться в енотов из рассказа Каттнера про хогбенов. Там эти еноты, должным образом загипнотизированные, сами приходят на полянку, приносят с собой дрова, разжигают костер, сами с себя сдирают шкуры и помогают друг другу устроиться жариться на верталах.

Пока что нужную степень управляемости проявили медиамагнаты. Очередь за остальными.

Иногда Сарториусу приходила в голову мысль: «А каковы же должны быть подлинные руководители этой, только что в открытую заявившей о себе организации?» Скорее всего людьми в полном смысле слова они, наверное, уже не являлись. Ибо представить себе «обычных людей», и при этом настолько сильных, чтобы и Ньюмен, и Грин согласились служить при них простыми исполнителями, он просто не мог. Мешали стереотипы, которые не в силах были заглушить даже способности, приобретённые в Игре.

— Магнус, вас приглашают, — сказал Арчibalд, остановившись в трёх шагах и с некоторым пренебрежением глядя на разложенную доску 19×19 линий и две нефритовые чаши с камнями, тёмно-рубиновыми и молочно-белыми. Всего в игре используется 180 светлых камней и 181 тёмный. Почему так — никто не в состоянии ответить. Не меньше трети камней уже было выложено на доску в понятном только Сарториусу порядке. Судя по

выражению лица, он уже решил этот этюд и готов был несколькими движениями кардинально изменить позицию. А ведь задача была весьма сложной, о чём и говорилось в «Наставлении», переведённом с японского трактата «Детальный анализ партий мастера Ву», пятнадцатого, кажется, века.

Арчибалльд помнил, что Сарториус неоднократно повторял: «Эта игра — один из способов познания Вселенной, модель мироздания. При помощи этой игры постигаются закономерности окружающего мира, выстраиваются оптимальные взаимоотношения между людьми, соразмеряются время и пространство. Хотя партнёры ничего не говорят во время игры, расставляемые на доске камни выражают всё, что они думают».

Арчибалльду, ещё тому, прежнему, что действительно был реинкарнацией Замка, одно время было интересно наблюдать за занятиями Сарториуса, и он пытался понять, в чём же заключается приписываемый игре смысл. И даже начал овладевать её основами. Но однажды Сарториус сказал, что число возможных позиций на «большой доске» (бывают ещё и «малые», 13×13 и 9×9) приблизительно равно ставосьмидесятизначному числу и превышает количество атомов во Вселенной. После этого Замок утратил к «Го» всякий интерес. Какой смысл заниматься делом, результат которого станет известен намного позже коллапса не только этой Вселенной, но и всего Мультиверсума?

Но Сарториус так не считал и ежедневно посвящал несколько часов занятиям с доской и камнями, находя в неожиданных комбинациях кажущиеся

ему верными и мудрыми ответы на любые возникающие вопросы.

Вот сейчас, кстати, он пытался найти в игре подтверждение некоторым возникшим у него в ходе обдумывания предписаний «хантеров» стратегическим конструкциям.

— Кто приглашает и куда? — поднял голову от доски Сарториус.

— Сэр Говард приглашает вас на завтрак...

— Что за завтрак, куда? — не понимал магнат.

Слишком он свыкся со своим изолированным мирком, чтобы мгновенно перестроиться, вспомнить, что за пределами острова продолжается «обычная» жизнь.

— К себе приглашает, — не стал вдаваться в подробности Арчибалд, сделал шаг в сторону, и Сарториус увидел у него за спиной, прямо посередине площадки, высокие двустворчатые двери, широко распахнутые, а за ними вполне дворцовый интерьер восемнадцатого века, с анфиладой уходящих в бесконечность, богато украшенных залов.

Сарториус много чего видел в этой жизни, но вот в Москве и Петербурге ему бывать не приходилось, возможно — из-за странного предубеждения против этой непонятной ему страны. А к непонятному он относился с недоверием и опаской. Оттого и не видел в натуре дворцов Петергофа, Кремля, не ходил по залам и галереям Эрмитажа. А то, что открылось сейчас за неизвестно откуда взявшимися дверями, как раз очень напоминало внутренний вид этих архитектурных объектов, с фото- и видеоизображениями которых он, разумеется, был знаком.

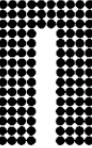
Не слишком осознавая, что он делает, Магнус

Теофил встал и шагнул к дверям. Потрясение, даже после всего, уже виденного и слышанного, было слишком велико, тем более что случилось совершенно неожиданно. Оторваться от глубокой погруженности в Игру и увидеть *такое* — это удар по психике не слабее, чем ведро холодной воды, выплеснутой на парочку, увлечённо кувыркающуюся в постели.

★

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

 ерешагнув незримый порог, Сарториус оказался в большом двухсветном зале, сияющем навошённым узорчатым паркетом, в три ряда украшенном по стенам картинаами в золочёных рамках, колонками с мраморными скульптурами и венецианскими зеркалами в рамках, не уступающих пышностью картинным.

Господа Ньюмен и Грин появились откуда-то сбоку, и сразу Сарториус их даже не заметил, слишком поглощённый *подстройкой* организма под смену не только окружающего антуража, но как бы и всех жизненных обстоятельств. Совсем разные вещи — разговаривать даже с очень могущественными людьми, сидя на садовой скамейке собственной виллы или — в подавляющей роскоши красивейших на Земле дворцовых интерьеров. Только вот сами хозяева были одеты подчёркнуто просто, словно для короткой загородной прогулки. Никаких шитых золотом мундиров с пышными эполетами или багряных тог византийских базилевсов.

А у самой двери в свободной позе остановился Боулнойз, как бы ставший выше ростом и расправивший плечи. Его здешняя обстановка, сразу видно, не удивляла, будто не раз приходилось тут бывать. Того, что «макет» остался на острове, а «на-

стоящий» Арчибалд находился здесь изначально, Сарториус, конечно, не заметил. Пусть и уловил не объяснимую словами разницу.

— День добрый, господин Магнус. Ничего, что я так, полуофициально? Самочувствие как, обморо-ков, головокружений,очных кошмаров не случалось? Аппетит, стул? — всё это сэр Говард произнёс слитно, одной фразой, шагая навстречу с протянутой рукой и, похоже, копируя чьего-то персона-жа — комического земского врача.

— Здравствуйте. Нет, спасибо. Всё у меня хоро-шо. Самочувствие просто прекрасное, я уже и забыл, что такое бывает. Ваше лечение просто чудо-действенное. Я сегодня в бассейне двадцать кругов проплыл и завтракал с большим аппетитом... — не-вольно заразившись стилем Грина, ответил Сар-ториус.

Ньюмен стоял на том же месте и слегка улы-бался. Идти к гостю с распростёртыми объятиями явно не собирался. Ждал, когда сам подойдёт, за-кончив специфический разговор с товарищем.

— Уже завтракали?! Ах, какая жалость. А мы только собираемся. Дай, думаем, и коллегу пригла-сим. Ну да, разница поясного времени — не учли. Ладно, не беда, назовём это вторым завтраком. Или ранним обедом. И так и так поговорить всё равно нужно... Вы не знаете, почему дипломаты все свои дела решают за разными видами застолий? Это — за ужином обсудят, то — за деловым завтраком. Не знаете? И я не знаю...

Немного прия в себя, Сарториус задумался: а что это вдруг случилось и отчего умеющий быть

пугающе-серъёзным сэр Говард так паясничает? Что это должно означать?

На самом деле это не означало совершенно ничего, если пытаться понять что-то, касающееся самого сэра Говарда. А Шульгин избрал такой стиль просто для того, чтобы как раз и заставить клиента впустую тратить мыслительную энергию. Всегда лучше иметь дело с человеком, в той или иной мере сбитым с толку.

По мозаичному, натёртому натуральным воском паркету, на котором Сарториус всё время боялся поскользнуться, упасть и сломать шейку бедра, хозяева и гость прошли в сравнительно небольшой зал, или большой кабинет, разделённый на два уровня широкими антресолями светлого дерева, сплошь уставленными застеклёнными книжными шкафами. Книг там было, наверное, тысячи три. Или пять. Внизу же помещались письменный стол, большой кожаный диван и несколько таких же кресел, напоминающих хорошо выбритых и покрашенных в шоколадный цвет гиппопотамов, точнее — их задние половины, причудливо расставленные на огромном персидском ковре со сложным орнаментом. Некоторые знатоки утверждают, что «настоящие» ковры можно читать, как те же книги, и в их узорах часто зашифрован некий тайный смысл. А иногда — просто издевательства над профанами.

В одном из кресел сидел пожилой господин с полуседой бородкой и листал толстую книгу необычайно грациозными и широкими жестами сухощавой, но явно сильной руки. Увидев незнакомого человека в окружении хозяев этого дворца, он едва заметно кивнул головой, давая понять, что гостя за-

метил, но до официального представления уделять ему специального внимания не намерен.

Испытав короткий приступ раздражения — слишком уж часто магнату давали понять степень его *обыкновенности*, если не сказать хуже, — Сарториус продолжил осмотр кабинета. В простенках развесаны были прямые и кривые сабли, шпаги, мечи, ятаганы — он не слишком разбирался в каком-либо оружии, холодном в том числе. Его «оружие» было другого рода — финансовое или организационное, точнее, организационно-финансовое, поскольку деньги и любые их производные всё же вторичны в сравнении со знаниями и умениями, позволяющими материальными средствами завладеть и пользоваться.

Только ли из-за наличия большого количества оружия, совсем не декоративного, явно бывавшего в деле, или оттого, что оформлял кабинет-библиотеку человек с какими-то другими, чуждыми эстетическими принципами, магнату здесь не понравилось. Несмотря на всё дружелюбие, изъявляемое хозяевами.

Сам по себе факт перехода в иную плоскость бытия Сарториуса совсем не удивил и тем более не напугал. С подобным ему уже приходилось сталкиваться во время той, первой, неудачной попытки захватить господствующие высоты в мире Великого князя Олега. Ну да, кавалерийский наскок, разведка боем, после которой не страшно и отступить для подготовки *настоящего удара*.

Правда, с «настоящим» вышло ещё хуже. Катастрофой и разгромом всё кончилось. «Конница разбита, армия бежит. Враг вступает в город, пленных

не щадя...» Ну и так далее. А уж гвоздя там в кузнице не оказалось или чего-то другого — теперь совершенно неважно. Сарториус не относился к числу людей, излишне рефлектирующих. О причинах поражения можно размышлять и рассуждать, когда есть надежда на реванш. А если её нет, то нужно просто приспосабливаться к новым обстоятельствам. К изменению правил Игры или вообще к *другой игре*.

Окончательную точку в процессе уничтожения «владыки полумира» сэр Говард поставил, когда, положив на стол большой чистый лист плотной, слегка шероховатой бумаги и несколько толстых, остро заточенных цветных карандашей, вдруг обратился к Сарториусу, назвав его подлинным, родителями данным именем, о котором он и сам уже почти забыл. С тех пор как достиг того *необходимого*¹ рубежа, преодолев который нет больше нужды руководствоваться «человеческими» правилами и законами, в том числе и обязанностью иметь постоянное имя и подтверждающие его документы.

Сарториус старательно затёр все следы, ведущие из его прошлого в теперешнее настоящее, и был совершенно уверен, что нет больше на свете человека, знающего, откуда в мире появился Магнус Теофил Сарториус и кем до этого была персона, имеющая ещё с десяток *вспомогательных* имён.

Вот здесь он испытал нечто похожее именно на *мистический ужас*. Словно стал свидетелем, а точ-

¹ «Необходимого» не в смысле «нужного», а в буквальном — который невозможно обойти «с флангов», можно только взять в лоб или отступить.

нее — участником некромантской процедуры возвращения в мир давно и надёжно скончавшегося субъекта. Слово «человек» тут как-то не слишком применимо. А если бы он ещё узнал, что листающий книгу господин именно профессиональным некромантом и является, его эмоция стала бы ещё глубже.

— Да что вы так побледнели, уважаемый? — заботливо спросил мистер Ньюмен. — Опять с сердцем плохо? А с чего бы? Мой товарищ разве ошибся? Вам, может, выписки из документов предъявить, подтверждающих, так сказать... И на отца вашего с матушкой все положенные бумаги продемонстрировать не затруднимся... Да вы не расстраивайтесь так. Мы *тайну личности* хранить умеем. Равно, как и врачебную. Тем более что тайна этого, хранения в смысле, не сказать что и заслуживает. Кому сейчас интересно, кем когда-то был и сейчас не известный никому человек? Даже нам это без разницы, можем на Сарториусе пока остановиться. А там, глядишь, сами захотите к истокам вернуться. Даже забавно будет. Вам, вам, не нам... Если не хотите — можете в Россию переселиться, у вас там тоже корни есть. Фамилию, имя-отчество подберём истинно русские, из Мамина-Сибиряка что-нибудь... Но пока давайте всё же к делам нашим вернёмся. Время на размышления у вас было. Смотрите сюда...

Новиков начал рисовать на листе нечто довольно сложное, напоминающее принципиальную схему старинного лампового радиоприёмника. На первый взгляд запутанно и бессмысленно, но если запомнить, что те или иные символы обозначают, и

не торопясь прослеживать направления и пересечения соединяющих эти символы линий, то мнимая сложность быстро исчезнет. Всё станет так же понятно, как постигшему грамоту — смысл, содержащийся в расставленных на книжной странице в надлежащем порядке букв того или иного алфавита.

Через полчаса, не больше, они уже общались с хозяином острова и несостоявшимся «Властелином мира» на одном, так сказать, языке.

— Нам всего и требуется, чтобы каждый из подвластных вам начал реализацию своей части общего плана. Им не нужно ничего согласовывать друг с другом, даже если между ними существуют некие деловые или личные отношения...

— Простите, это может повести к дезорганизациям, «накладкам» всякого рода, — возразил Сарториус, имевший в подобных «коалиционных» операциях немалый опыт. — Без детального согласования, конечно, не объясняя **всего** замысла, но минимальная координация необходима...

— Как раз это пусть вас совсем не беспокоит. Примите, как данность, что вот это, — Шульгин указал на лист, — всего лишь элемент гораздо более сложной конструкции...

Сарториус попытался представить и почувствовал, что голова начинает идти кругом. Не зря же значительное число блестящих по всем основным признакам студентов таких вузов, как советского ещё времени МФТИ и МИФИ, курсу примерно к третьему слегка (а то и очень основательно) повреждались в рассудке. Всего лишь от необходимости наглядно представлять себе абстракции высших

порядков и оперировать ими. Даже создатель теории «многомировой интерпретации» Хью Эверетт не смог вынести «бездны собственной премудрости» и скончался в возрасте пятидесяти лет с совершенно расстроенным рассудком.

— И вам себя сверх меры перегружать не стоит, — сочувственно добавил Новиков. — Даже не взирая на то, что качество нашей медицинской помощи гарантирует от обычных в таком возрасте неприятностей...

Прозвучала эта фраза, с обычным для господ Ньюмена и Грина тембровым выделением некоторых слов, словно на письме — курсивом или подчёркиванием, вроде и успокаивающе, но всё равно двусмысленно.

— Ещё раз простите, — не успокаивался Сарториус. — Ведь если начнёт реализовываться вот эта, допустим, линия, — он указал карандашом, какая именно, — немедленно начнутся катастрофические процессы вот здесь, здесь и здесь... Полностью неуправляемые. Вы же должны понимать, что вообще вся мировая система работает до тех пор, пока поддерживается иллюзия её управляемости. Вы понимаете — **иллюзия!** Она рухнет — и что тогда станет со всем вашим планом? Вспомните недавний ипотечный кризис! Стоило людям усомниться в выгодности инвестиций в недвижимость — и рынок жилья рухнул. Фондовые индексы...

— Вообразите, что именно эти «катастрофические», как вы выразились, процессы и являются целью данного этапа операции. Избавление человечества от иллюзий! И если все исполнители будут неуклонно следовать полученным инструкциям,

не забивая себе голову *лобочными идеями*, то дальше... — Новиков показал карандашом на несколько развилок и нарисованных прямо поверх них квадратиков и кружков, — может образоваться такая вот коллизия. Полностью укладывающаяся в некую «базисную теорию», на основе которой всё и планируется...

При всём старании Сарториус не мог себе вообразить упомянутой «базисной теории». Теории — чего?

А потом подумал, что, когда даже в пределах одной корпорации он начинал отдавать распоряжения членам советов директоров, начальникам отделов, владельцам аффилированных банков и прочим исполнителям, никто из них тоже не догадывался и не мог догадаться, что кажущиеся сегодня и здесь непонятными эти распоряжения могут завтра вызвать панику на бирже в Гонконге, падение курса фунта в Лондоне и переход, допустим, «Дженерал моторс» под негласный контроль «Ай Ти Ти». А в сухом остатке — семь-восемь дополнительных нулей в сумме активов корпорации и неплохие бонусы исполнителям.

Ну вот сейчас он сам оказался в аналогичном положении, с этим надо смириться, только лишь. При подведении баланса, никак не раньше, станет известно, кто выиграл, а кто проиграл.

— Вы правильно начинаете понимать, — кивнул Ньюмен, пристально наблюдавший за мимикой и прочей идиомоторикой «пациента». — Мастера Андерсона тоже многие болельщики хотели назвать сумасшедшим, когда он пожертвовал Кудерицкому ферзя и две ладьи. Однако не прошло и часа...

— Вы только не забудьте напомнить своим «смотрящим», что любые попытки саботажа или каких-нибудь «инициатив» будут караться немедленно и с максимальной строгостью. Начиная с самого верха и по нисходящей... Ну, я думаю, с дисциплиной в вашей «фирме» всё в порядке. А то мы сами можем организовать парочку показательных акций... — таким же академическим тоном добавил Шульгин-Грин. — Вот господин Боулнайз конкретно этими вопросами и займётся. Нам совсем не нужно, чтобы описанное Клаузевицем «трение»¹ начало себя оказывать. Смазкой придётся вовремя озаботиться.

Сарториус посмотрел на Арчибальда. Он снова изменился — опять это был твёрдый, явно умный и целеустремлённый человек. Такому знатоку человеческой натуры, как Магнус Теофил, никаких слов и поступков для подтверждения этого не требовалось.

Неужели на него так влияет присутствие «хозяев»? Или он сам по себе умеет включать и отключать те или иные функции и свойства своего организма и личности? Требуется быть главой мощнейшей тайной организации — пожалуйста. Нужно поработать надзирателем и одновременно дворецким при высокопоставленном пленнике — тоже никаких вопросов. Интересно! Прямо не человек, а робот какой-то.

¹ Согласно теории войны Клаузевица «трением» называется весь комплекс сознательных и случайных действий исполнителей замысла военачальника, влияние природных факторов и непредвиденных случайностей на реализацию плана битвы, кампании, войны в целом.

Кстати, а люди ли в таком случае и эти любезные господа?

Сарториус подумал так и сам испугался своей мысли. Ещё услышат!

Нет, не его это дело. Он, как Боулнайз, тоже превратится в функцию, и ничего больше. А дальше видно будет.

— Кстати, господин Сарториус, — вдруг подал голос так всё время и просматривавший свою книгу господин, словно бы вообще не обращавший внимания на присутствие в библиотеке других людей. Листал страницы, делая на широких полях пометки оправленным в серебро старомодным, девятнадцатого ещё века карандашом, курил, пуская дым в жерло холодного камина, отхлёбывал нечто явно алкогольное из высокого стакана. — Я вам так и не представлен, мои друзья слишком увлеклись конкретными делами, чтобы подумать о такой мелочи. Так вот — Удолин, Константин Васильевич, экстраординарный профессор Московского и Петербургского университетов, не нынешних, разумеется, а ИМПЕРАТОРСКИХ! Также — почётный член многих иностранных академий...

— Мм-м... Очень приятно, господин Удолин. Императорских — это каких? Из второй реальности?

— Отнюдь. Самых настоящих, основанных соответственно императрицей Елизаветой Петровной в 1755-м и императором Петром Алексеевичем в 1724-м... С каковых пор и имею честь, а равно и удовольствие...

У Сарториуса голова окончательно пошла кругом, но он ни на секунду не усомнился в том, что профессор говорит правду. Поверили сразу и безус-

ловно. И это наполнило его очередной порцией оптимизма. Вот же человек, живёт уже триста лет, а выглядит на пятьдесят с небольшим, и голос молодой, приятный и убедительный, студентам, наверное, нравится его слушать. С тысяча семьсот какого-то там года...

— Да, да, я понял, очень приятно, — закивал головой, как китайский болванчик, Сарториус. — Ну, а как зовут меня, вы, естественно, знаете...

— Ещё бы, — снисходительно усмехнулся Удолин. — Мог бы рассказать о ваших посмертных путях, что вас ждали, если бы мои товарищи вовремя не вмешались. Но, я думаю, у нас ещё будет повод... Нет, нет, не сегодня и не завтра, — замахал он рукой, увидев, что собеседник снова покрываются меловой белизной с прозеленью. — Ещё очень не скоро, а точнее не скажу, а то всё равно ведь начнёте дни считать... Давайте о другом. Вы что-нибудь слышали о такой организации — «Дети американской революции»?¹

Лицо Сарториуса искривила мгновенная, тут же спрятанная гримаса.

— Что такое? Вам неприятно об этом говорить. Но всё-таки придётся. — Удолин широким жестом

¹ На самом деле в США существует организация «Дочери американской революции» (Daughters of the American Revolution), женская общественная организация, основана в 1890 г. Членами её могут быть только прямые потомки участников Войны за независимость США (1775 – 1783). Её главные цели — «сохранить идеалы американства», «беречь, поддерживать и распространять институт американской свободы». Общество поощряет изучение и исследование американской истории, крайне консервативно в трактовке вопросов внешней политики и гражданских свобод в Америке.

указал на ближайшее к себе кресло. — Вы садитесь, садитесь. И это, Александр, — обратился он уже к Шульгину, — пусть наш «дворецкий» озабочится обедом. Вы когда-нибудь о завтраке говорили...

— Сделаем, Константин Васильевич. По большому протоколу? — кивнул и чуть прищёлкнул каблуками Сашка. Пусть гость ещё раз задумается, кто же здесь есть кто?

— Коньяк будете? — спросил Удолин Сарториуса. — Нет? Напрасно. Чрезвычайно способствует укреплению жизненных сил и долголетию, посмотрите хоть на меня. Это я, кстати, завёл в кругах тогдашней научной интелигенции моду на хорошие коньяки. А то, словно кучеры, водку хлестали, причём плохую... Так вот, о «Детях». Эта организация мне с самого начала очень не нравилась, когда они там появились, в семьсот девяностом, кажется? Неприятные люди, фанатики, кальвинисты, жестоки и жадны до невозможности. Куда до них пресловутым «сионским мудрецам» и поклонникам богини Кали...¹

Удолин внимательно посмотрел в глаза Сарториуса.

— Вижу, они вам тоже не нравятся. А как же так получилось, что эти ортодоксы оказались вне сферы вашего влияния? Неужели так трудно было справиться? Или — что?

Профессор подался вперёд, наклоняясь к собеседнику, и стал вдруг очень похож на Ленина с од-

¹ В самой упрощённой трактовке Кали — богиня смерти и разрушения в индуистском пантеоне (на самом деле всё гораздо сложнее), по кино и литературе широко известна секта тугов, поклонников Кали, приносящих человеческие жертвы.

ной из многочисленных, посвящённых вождю знаменитых картин художника (не поэта) Бродского¹.

— Вы же сами должны всё знать, — ответил Сарториус, отстраняясь.

— Мы-то знаем, а вот почему вы в наших беседах *мягко обошли* эту тему? — поинтересовался Новиков. — Вроде договорились о полной откровенности в обмен на...

Сарториус печально вздохнул:

— Видите ли, эта тема как бы и не имеет отношения к нашим делам...

— Не вам судить, — голос Андрея стал ощутимо жёстче. — По какой причине вы не можете контролировать этих «деток» и какую часть реальной американской политики контролируют они?

Отвечать Сарториусу сильно не хотелось, но деваться было некуда:

— Больше ста лет назад моими предшественниками было заключено соглашение о разделе сфер влияния. «Дети» оставили за собой полное право решать, что есть «истинный американализм», и принимать любые меры к его сохранению. Нам предоставлена полная экономическая и политическая свобода в раз и навсегда установленных рамках. Вот вам пример — в обмен на полученные за военные поставки во время Второй мировой войны миллиарды и «невнимание» соответствующих структур к торговым операциям с Германией нам пришлось

¹ Кроме названных, известен ещё Л. И. Бродский — сахарозаводчик и меценат, статский советник и кавалер многих орденов. В Гражданскую войну был популярен куплет: «Чай Высоцкого, сахар Бродского, а Россия — Троцкого».

согласиться на вице-президента Трумэна¹. И так далее...

— Они настолько сильны? — как бы удивился Удолин, неприятно пощёлкивая пальцами.

— В тех вопросах, что их интересуют, — они всесильны. Любая попытка конфликта с их руководством заканчивается смертью и полным разорением несогласных... Уж на что популярен был Кеннеди и его клан... Одного брата, президента, убили, второй брат, генеральный прокурор, получил недвусмысленный намёк — забыть об этом неприятном инциденте и заняться семейными делами. Не послушался, решил тоже баллотироваться — убили и его. И опять никаких концов. Было ещё несколько случаев, не только в США, но и в других странах. С тех пор установился статус-кво.

— Поэтому вы предпочитаете жить на своём острове и в другой реальности? — догадался Удолин.

— В том числе и поэтому...

— Ну, как говорят в России, не так страшен чёрт... Как я понимаю — вам было просто стыдно признать, что какие-то там... Они что, по-вашему, потусторонние существа? Так я, к вашему сведению, специалист в этом вопросе. Навыками экзорцизма владею...

¹ На выборах 1940 г. Ф. Рузвельт хотел выдвинуть на пост вице-президента своего друга Г. Уоллеса, сторонника рузвельтовского «Нового курса» и своеобразной конвергенции «американского капитализма и русского коммунизма». Однако под давлением консервативных кругов Рузвельту пришлось согласиться на кандидатуру Г. Трумэна, после его внезапной смерти ставшего президентом, который немедленно начал агрессивный антисоветский курс, развязал «холодную войну», приказал бомбить Хиросиму и Нагасаки и т.д.

— Я бы не советовал вам недооценивать противника, — осторожно сказал Сарториус.

— А почему — противника? — вдруг спросил Шульгин. — Очень может быть, что на определённом этапе они окажутся нашими верными союзниками...

— Сами об этом не подозревая, — тихо хихикнул довольно уже расслабившийся Удолин. — А вы — просто о них забудьте. Вам своих забот довлеет...¹

— Только сами как следует поверьте, Магнус, — сказал Новиков, — именно что окончательно поверьте (знание тут ни при чём) — никакие ухищрения и самые хитроумные выдумки, на которые вы мастер, кто же спорит, не в состоянии больше что-то в вашем положении изменить. В ту сторону, которую вы считаете для себя предпочтительной. Выбор прост до удивления — печальный конец от рук хоть «детей», хоть кого угодно, если мы раздумаем вас защищать, или — жизнь, причём настоящая, полноценная жизнь, о какой вы давно успели забыть. Как будто снова вернутся ваши сорок лет, вы поймёте, что бодры, здоровы, полны энтузиазма и вам совсем не хочется круглосуточно просиживать в офисах, перелистывая пыльные бухгалтерские книги и вычисляя проценты со сложных процентов, чтобы пополнить свои активы ещё на миллиард или пять.

¹ Автор снова напоминает, что по-русски «довлесть» — это «быть достаточным». Но никак не «давить» или «нависать». Однако даже нынешние профессора и члены правительства позволяют себе писать и говорить: «Над нами довлеет угроза дальнейшего падения цен на нефть».

Вам захочется скитаться по миру, встречать в портовых тавернах прекрасных женщин и отважных мужчин, которые могут стать вашими друзьями. Вы сможете взойти на палубу парусного клипера и отправиться на другой край света в поисках того, что стоит искать. Прожив свои восемьдесят шесть, вы, кажется, так ни разу и не имели возможности понять, что такое настоящая жизнь... — Андрей произнёс эти слова совершенно искренне, в надежде, может быть, слегка наивной, что они затронут какие-то ещё уцелевшие струны в душе прожжённого циника, человека без принципов, убеждений, имени и родины.

Но скорее всего надежда эта не была такой уж наивной. Андрей за минувшие годы, которых набралось уже раза в три больше, чем биологических лет, узнал, повидал и передумал слишком много, чтобы так примитивно заблуждаться. И вполне наглядно представлял себе состояние человека, последние лет двадцать почти ежедневно задумывающегося — а не последний ли день он сегодня живёт, сам ли ляжет вечером в свою постель или его ложем станет прозекторский стол и каков будет неизбежный конец — мгновенным, от обширного инфаркта, инсульта, оторвавшегося тромба, или затянутся на многие годы в инвалидной коляске, в больничной палате под аппаратом круглосуточного гемодиализа и искусственной вентиляции лёгких.

А то, помилуй бог, случится, как у израильского премьера, Ариэля Шарона, кажется, проклято-

го каббалистами по древнему обряду¹ и десять лет пролежавшего в коме, причём, как утверждают зна-
токи, — парализованным, слепым и глухим, но в
полном сознании.

И вдруг этому человеку предлагаются, практи-
чески бесплатно (подумаешь — всего лишь отказ от
претензии на гипотетическую власть над миром и
контроль над несколькими триллионами условных
денежных единиц), здоровье, молодость, свобода.
Свобода от изнурительного, чисто сизифова бега в
беличьем колесе, погони за недостижимой в прин-
ципе целью.

При этом достаточная часть его состояния оста-
нется при нём — достаточная, чтобы прожить ещё
хоть сто лет, ни в чём себе не отказывая, но готовая
немедленно обратиться в пыль при любой попытке
использовать её «не по назначению».

Вся трудность, с точки зрения Андрея, заключа-
лась только лишь в том, что за свою излишне дол-
гую жизнь Сарториус на подсознательном уровне
уверовал в свою «экстерриториальность» от обыч-
ного мира. И в то, что подконтрольные триллионы
(хоть в долларах, хоть в золотых динарах) способ-
ны решить любой вопрос. Если уж папа римский за

¹ Действительно, Ариэль Шарон был проклят раввином-
каббалистом по обряду «Пульса-де-нур» в 2005 г. После чего
вскоре впал в кому и умер только в 2014 г. До этого подобному
обряду подвергался целый ряд известных еврейских полити-
ческих и иных деятелей, допустивших некие «святотатствен-
ные», с точки зрения ультраортодоксов, действия. В их числе
Л. Троцкий, ещё один премьер — Ицхак Рабин, несколько учё-
ных, архитектор, построивший развлекательный центр на ме-
сте древнего кладбища, и т.п. Во всех известных случаях про-
клытие сработало быстро и эффектно.

сравнительно умеренную мзду послушно выполняет любые просьбы Сарториуса, изложенные даже не лично, а по банальному телефону, то так ли далеко до следующей инстанции?¹

Поэтому даже доводы разума не всегда способны поколебать такой, можно сказать, инстинкт.

Однако «Дети американской революции» эту проблему, кажется, решили?

И на «Земле дуггуро» Андрей с Шульгиным узнали много интересного именно насчёт работы с инстинктами. Человеческими и гораздо более сложными, чем принято думать.

Что ж, «торжественной порке» Сарториуса пока предавать не стоит, но несколько наглядных примеров преподать придётся. А то так и будет терзаться мыслью о возможности перегрызть цепь, на которую его посадили всерьёз и надолго. Тщетные же надежды, как известно, только отвлекают от плодотворной работы. Эта идея была реализована в «шарашках» сталинской поры, а на восемь веков раньше сформулирована Данте в «Божественной комедии». Над воротами ада была помещена сентенция: «Оставь надежды, всяк сюда входящий!» Мол, покорись своей участи и прими как данность, что амнистии не будет. Вообще. Даже при смене власти и политического режима.

— Скажите, Магнус, вы в курсе, каков на сегодняшний день золотой запас Соединённых Штатов? — внезапно спросил Шульгин.

¹ Согласно вердикту папы Иннокентия III (начало XIII в.), римский папа является наместником Бога на Земле и, следовательно, между папой и Богом нет никаких посредников или управлеченческих структур.

— До килограмма не скажу. И чтобы выяснить объёмы частных депозитов, потребуется некоторое время. А насколько известно мне — и это достаточно достоверные данные — в хранилищах Федрезерва на Манхэттене и в форте Нокс на данный момент наличествует от восьми тысяч ста до восьми тысяч девятисот тонн в слитках разного веса и разных стандартов, англо-американских и европейских...

— А откуда такой разнос — восемьсот тонн? Даже так, навскидку — сорок миллиардов долларов по сегодняшнему курсу. Вы балансы своих корпораций тоже с такими допусками сводите? — участливо поинтересовался Новиков.

— Разумеется, нет. Но здесь всё иначе. Это ведь только оценочные данные. По отчётам разных лет. Реальный аудит с взвешиванием каждого слитка не проводился никогда. Попытки были, не скрою. И Конгресс интересовался, и Министерство финансов. Некоторые из президентов тоже любопытство проявляли. Особенно когда в прессе всякие спекуляции на эту тему начинались. То будто никакого золотого запаса вообще нет, он давно распродан, то наоборот, что Америка утаивает сданные ей «на хранение» активы третьих стран. Таких, кстати, почти шестьдесят. Которые своё золото здесь хранят...

— А смысл? — удивился Шульгин. — «Жену отдай дяде, а сам...». — Он постарался перевести эту русскую поговорку на английский максимально близко к менталитету собеседника. Тот коротко хохотнул, уловив скабрёзную составляющую.

— Начиная с предвоенного, то есть до Второй мировой, периода очень многие страны, в стра-

хе перед агрессором, сначала Германией, потом СССР, передавали свои золотые запасы за океан. Вы же примите во внимание и психологию правителей. Если придётся (и удастся) сбежать, то куда? Сюда же, в благословенные и непобедимые Штаты. А будь ты королём или премьером в изгнании, но за тобой, пусть формально, числятся сколько-то тонн «всеобщего эквивалента» — ты не бедный родственник, а вполне почтенная фигура. По крайней мере, на жильё и еду хватит... — Сарториус сказал и задумался. Словно бы примеряя к себе подобную участь.

— Но я так понимаю, что лично вы — не декоративный президент «этой страны», а вполне авторитетная фигура — отчего вы, при ваших возможностях, не знаете точного количества? Это ведь, как ни крути, и финансовый козырь, и геополитический...

Новиков спросил и изобразил нетерпеливое ожидание ответа.

Опять Сарториус перед дилеммой — соврать, рискуя, что спрашивающий сам знает ответ и лишь проверяет «клиента», или сказать правду, теряя последние остатки самостоятельности. Похоже, выбрал второе:

— Прежде всего даже я не в состоянии без лишней огласки организовать столь масштабную ревизию. Как вы себе вообще представляете процедуру пересчёта и взвешивания почти полумиллиона слитков? Заодно тогда уж надо и пробирный анализ провести. Поскольку отчего не предположить, что какая-то часть золота давно подменена на свинец или вольфрам? Поэтому приходится брать на

веру косвенные данные. Но у меня их столько, что я практически не сомневаюсь — золото в наличии, и его примерно столько, сколько значится по инвентарным книгам...

— Кроме того, — как бы подсказал Андрей, — эти самые «плюс-минус восемьсот тонн» — отличный стратегический резерв. Ими можно манипулировать, ничем не рискуя. *Правильно организованная инвентаризация* займёт больше времени, чем один или даже два президентских срока. Так зачем действующему президенту входить в конфронтацию со знающими людьми и искать лишних приключений? А любопытных уровнем пониже заставить молчать ничего не стоит. Так?

— Вы сами знаете, что так, — пожал плечами Сарториус. — Но раз уж мы играем теперь на одной стороне, поделитесь — чем вас заинтересовал этот не столь уж существенный момент? На сегодняшний день округлённая стоимость золотого запаса США — примерно четыреста миллиардов долларов. Но это цена, так сказать, потенциальная: начните вы им торговать в серьёзных объёмах — она сразу покатится вниз. А те активы, что контролирует моя «Система» и о которых вам известно, — больше пятнадцати триллионов.

— Вы ведь сами знаете, Магнус, что это — самый большой из мыльных пузырей, что надувало человечество. И зачем хотите предстать перед нами глупцом — не понимаю. Все ваши деривативы, долговые обязательства, «ценные бумаги», та макулатура, которую гонят станки типографий Федрезерва, — мусор. Опавшие листья в осеннем саду, как

выразился бы наш друг Ойяма-сан. Вы финансист, да и вообще опытный человек, неплохо поживший...

— И мечтающий пожить ещё, — меланхолически уточнил Шульгин.

Сарториус только шумно втянул носом воздух и стиснул зубы, ничего не возразив.

— Вы должны помнить Великую депрессию, захватили хоть краешком, и немецкая гиперинфляция тогда только-только закончилась. Если забыли, могу дать перечитать Ремарка, «Чёрный обелиск», — продолжил Андрей.

— Незачем. Я всё помню. И понимаю, что вы имеете в виду, — со вздохом сказал Сарториус.

— Так точно. Может случиться так, что всю вашу предстоящую долгую жизнь (мы от своих обещаний не отказываемся) вам придётся, как и написано в Библии, «добывать свой хлеб в поте лица». Например, строить очередные автострады, только уже не на американских равнинах, а в местах более отдалённых, там, где будут платить какие-то реальные деньги или просто кормить. Ведь курс вашего «зелёного» может легко сравняться с зимбабвийским — миллиард к одной какой-нибудь «У.Е». А в качестве «у.е.» — буханка хлеба!

— Зачем вы всё это мне говорите? Кажется, соглашение уже достигнуто и я пообещал его выполнять...

— Пообещать — это одно. Жениться на девушке мужчины обещают гораздо чаще, чем реально идут под венец, — долго не куривший Шульгин наконец не выдержал, подошёл к полуздёргнутому шторой окну и, повернув начищенную бронзовую ручку, открыл правую створку.

Стёкла в рамках были, очевидно, очень толстые, со стопроцентной звукоизоляцией, потому что только сейчас, вместе с порывом сырого прохладного ветра, в комнату донеслись мерный гул длинного, скорее всего — океанского прибоя и хаотический перестук перекатываемой волнами гальки.

Потянулся к портсигару и Новиков.

— Нам нужно, чтобы вы раз и навсегда усвоили всю неоднозначность текущего момента. А без демонстрации некоторых физических опытов нормальный человек с трудом верит, что Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот. Вот, смотрите...

Новиков щёлкнул пультом, и засветился экран почти двухметрового по диагонали плазменного монитора.

Сначала камера словно спланировала с километровой высоты, показывая белое двухэтажное здание, похожее на тюрьму, обнесённое несколькими рядами бетонных заборов и колючей проволоки, перемежаемых густыми зелёными насаждениями. Всё это находилось посреди огромного, пустого, как полковой плац, квадрата, по периметру которого шла ещё одна мощная ограда со сторожевыми башнями по углам.

— Узнаёте? — спросил Андрей.

— Конечно. Это и есть форт Нокс. Но что за суматоха там происходит?

Камера опустилась пониже, и стало отчётливо видно, что суматоха действительно имеет место. Примерно как в муравейнике, на который беспечный прохожий бросил непотушенный окурок. И по внешнему периметру, и внутри него бегали солдаты в форме, с оружием и в касках, в воздухе кружили

лись сразу четыре чёрных «Апача». Новиков прибавил звук, и стало слышно завывание мощной сирены.

— Как будто началось внезапное нападение индейцев на блокгауз переселенцев, — предположил Шульгин. — Только масштаб другой, и врага не видно...

Новиков нажал очередную кнопку на пульте, и Сарториус увидел внутренность форта, его нижние уровни, судя по тому, что в длинных бетонных коридорах не было ни одного окна. Зато имелись пекрытые снаружи решётчатыми тамбурами, точнее — шлюзами в виде вложенных друг в друга стальных клеток круглые, трёхметрового диаметра двери. Они напоминали сильно увеличенные герметические люки между отсеками в старых подводных лодках. Но были отчего-то бронзовыми или просто выкрашены в такой цвет.

На дверях имелись мощные, чуть не в половину диаметра дверей, маховики кремальерных замков.

Новиков двинул камеру вперед, и она будто прошла сквозь дверь, показывая то, что так тщательно скрывалось за ними. Несколько длинных, пятидесятиметровых залов с выкрашенными светло-серой краской стенами. И все они были пусты. Совершенно, ни бумажек на полу, ни строительного мусора. Ни-че-го. Словно не просто освободили помещение от мебели и всего, что там ещё хранилось, но и пылесосом прошлись после этого.

Камера развернулась, снова демонстрируя дверь, теперь изнутри.

Края её грубым, едва ли не нарочито неровным

швом были приварены к не менее массивной, чем сама дверь, раме.

А по всем коридорам форта завывали сирены, мигали, словно в фантастическом боевике, красные и синие лампы, бежали по лестницам и переходам люди. В армейской военной форме, каких-то ведомственных, однообразного покроя костюмах и гражданской одежде тоже.

— Ну, что вы на это скажете? — осведомился Новиков, продолжая крупным планом показывать соседние, столь же пустые казематы.

— Что это значит? — недоумённо спросил Сарториус.

— Данный эпизод приключенческого фильма можно назвать: «Охрана внезапно обнаруживает, что сокровищница султана пуста». Или проще: «В форте Нокс выявлена небольшая недостача материальных ценностей». Вы же видите — золота здесь больше нет.

— А возможно, никогда и не было? — впервые за всё время общения подал голос Арчибалд Буллойз.

Эту акцию Шульгин с Андреем обдумывали очень давно, как только наметились первые успехи Левашова в экспериментах над пространственно-временным совмещением. В годы самого что ни на есть цветущего и развитого застоя. Привычно рассуждая на какие угодно темы, в том числе и касающиеся приобретающей всё новые, подчас весьма экзотические формы «холодной войны», кто-то из них, скорее всего Шульгин, высказал подобную идею. «А если взять и одномоментно вывезти к нам

в Союз весь американский золотой запас? Тогда уж точно ихнему империализму полный триндец!»

Как было принято, эту тему обыграли со всех доступных сторон, обсудили механизм — вот уж действительно *ограбление века*. Пуще того — не века, а всех времён и народов. Хотя тут возникли разногласия. Новиков, как специалист, утверждал, что ограбление испанцами индейцев было всё же помасштабнее, а Сашка доказывал, что там — совсем другое дело. Не ограбление вовсе, а процесс эксплуатации колоний, тем более — растянутый на много десятилетий. А вот так, чтобы одномоментно хапнуть «всю кассу» сверхдержавы, — такого в истории не было.

Посчитали и возможную прибыль Отечества (о том, чтобы использовать акцию в корыстных целях, и мысли не было. Казалось забавным перекинуть добычу в кремлёвские подвалы, например, а потом пригласить «лично Леонида Ильича» полюбоваться).

По тогдашним ценам (до отмены Бреттон-Вудской системы)¹ стоимость всего американского золотого запаса составляла около двадцати миллиар-

¹ Бреттон-Вудская система, Бреттон-Вудское соглашение — международная система организации денежных отношений и торговых расчётов, установленная в результате Бреттон-Вудской конференции, проходившей с 1 по 22 июля 1944 года. СССР данное соглашение не ратифицировал. Устанавливалась фиксированная цена золота — 35 долларов за тройскую унцию, а доллар признавался в качестве международной резервной валюты, т.е. национальные деньги США становились одновременно и мировыми деньгами. Конвертация доллара в золото была приостановлена США в 1971 г. Официально Бреттон-Вудская система отменена в 1973 г.

дов долларов, то есть едва ли десятую долю ВВП, и потеря такой суммы едва ли сильно сказалась бы на «реальной экономике». Однако именно в эти годы США переживали серьёзные, налагающиеся друг на друга экономический, политический и, можно так сказать, идентификационный кризисы. Некоторые советские и западные экономисты даже считали, что в середине семидесятых СССР практически выиграл «холодную войну». Не хватило, что называется, последней соломинки, чтобы переломить спину буйволу.

Так что идея Новикова–Шульгина под влиянием тогдашних настроений родилась и в случае реализации имела верный шанс роль этой самой соломинки и сыграть. Если бы ещё у власти в Советском Союзе находились умные, отважные и решительные вожди, способные, по военной терминологии, чётко уловить «мёртвую точку», когда противник уже исчерпал свои ресурсы и продолжает наступать просто по инерции, нанести внезапный контрудар, ввести в прорыв подвижные соединения... Попросту — повторить в «мирных условиях» Сталинград или Курскую битву.

И они ведь тогда действительно были убеждены, несмотря на общепринятые в среде интеллигенции фрондёрские настроения, что поражение США и соответственно победа СССР будут для «всего прогрессивного человечества» несомненным благом. А желанные «свободы» появятся сами собой, когда исчезнет «враг внешний».

На новом витке исторической спирали друзья снова вернулись к этой же мысли, и вдобавок теперь у них на самом деле была реальная возмож-

ность претворить свои «мыслеформы» в объективную реальность.

Нынешнее изъятие золотого запаса у «мирового гегемона» на фоне всех остальных запланированных вмешательств в текущий исторический процесс должно было сыграть прежде всего психологическую роль. Вроде как падение курсов акций в «чёрный вторник» двадцать девятого года¹.

Сама по себе операция особого труда и сложностей не составила, раз уж решено было не ограничиваться в силах и средствах. Воронцов выделил нужное количество андроидов из экипажа «Валгаллы», на которых возложили стратегическую роль, вроде как на «тяжёлый танковый корпус прорыва Резерва Верховного Главнокомандования». Нужно было только провести очередную перенастройку исполнителей.

Старт акции «Антимида»² (тоже словечко из «прежних времён», так Новиков когда-то назвал одного знакомого, в руках которого всё, к чему бы он ни прикоснулся, превращалось в дермо. В переносном, конечно, смысле, но и не совсем) был назначен ровно за сутки до того, как Сарториус стал свидетелем её финала.

Непосредственного участия Новикова с Шуль-

¹ 29 октября 1929 г. считается фактически днём начала Великой депрессии в США и большинстве «развитых стран», за исключением СССР. В этот день фондовый рынок США потерял 30 млрд тогдашних долларов (в десять раз больше государственного бюджета США). За следующие две недели из американской экономики исчезли более 100 млрд (1,5 трлн. \$ по нынешним ценам).

² Мидас — фригийский царь (VII век до н.э.), согласно мифам, всё, к чему он прикасался, превращалось в золото.

гиным здесь не требовалось, свою работу они сделали и могли спокойно заниматься кэмп-дэвидской частью плана. А роль руководителя с удовольствием взял на себя Воронцов. Ему тоже было интересно проявить себя в несколько неожиданной ипостаси «супергангстера». Куда там Аль-Капоне!¹ Масштабы не те.

Детальную проработку операции Дмитрию помогли выполнить «роботы-штабисты». Получив задание, они с помощью Шаров изучили планировку хранилищ, систему электроснабжения, оповещения и связи форта, численность, организацию службы, дислокацию и должностные инструкции военной и ведомственной (этакий спецназ Минфина) охраны.

Андроиды за несколько часов узнали больше любого инженера, двадцать лет обслуживавшего свой участок, напичканного самого разного рода охранными устройствами комплекса хранилищ и всего форта в целом. А равно и тех «администраторов», что разрабатывали, осуществляли и контролировали многослойную и многоуровневую систему безопасности главной сокровищницы страны.

Аналогично тщательно была изучена ими и система обслуживания и охраны хранилища Федрезерва в Нью-Йорке. Там, в гранитных пещерах

¹ Тут Воронцов ошибается. Настоящий Альфонсо Габриэль Капоне (1899–1947) банков не грабил. Сферой его деятельности были рэкет, сутенёрство и бутлегерство. Прославился тем, что стал организатором «гангстерских войн» двадцатых годов. Ввёл в практику использование при «разборках» автоматов, пулемётов, ручных гранат, минирование автомобилей конкурентов. Только в Чикаго между 1924 и 1929 гг. было уничтожено около 500 бандитов противостоящих кланов. См.: к/ф «В джазе только девушки».

Манхэттена, на глубине двадцати пяти метров размещалась вторая половина американских запасов «жёлтого металла». Защищена она была не хуже, чем в форте Нокс, пусть и не с такой театральностью. Одна только дверь в «главный сейф» весила девяносто тонн, а сколько всяких «противоугонных устройств», от суперсовременных до механических, первой половины прошлого века было понатыкано на пути с поверхности к этой самой двери! Ни в какой компьютерной «стрелялке» такого не увидишь. Воронцову при рассмотрении представленных работами документов и видеозаписей сразу вспомнились рассказы грабителя египетских пирамид из ефремовской «Великой Дуги».

Но самое смешное, что сразу отметил Дмитрий, сам опытный технарь по минно-взрывному делу и неплохой военно-морской администратор, — маниакальные усилия создателей этих «пещер Алладина», трудившихся над постоянным совершенствованием систем безопасности больше восьмидесяти лет (получая при этом прекрасное жалованье и неограниченное финансирование), были абсолютно бессмысленны. Они указывали лишь на то, что люди эти, начиная с вполне вменяемого в других вопросах Ф.Д. Рузвельта, в детстве начитались волшебных сказок и другой достаточно низкопробной литературы.

В голове у них засела мысль, что некие злодеи в один прекрасный день попытаются взять штурмом сокровищницы и вывезти тысячи тонн золота в какие-то ещё более тайные и недоступные места. Бредовость такого предположения, элементарное желание смоделировать по степени убывания вероят-

ности линейку угроз для целости своих сокровищ никому не приходила в голову. Напротив, почти каждое высокое должностное лицо, имевшее отношение к проблеме «золотого запаса», чуть не ежедневно придумывало новые фантастические варианты ограблений и спускало вниз проекты всё более безумных директив по их предотвращению.

Целые поколения высококвалифицированных специалистов тратили жизни на эту ерунду. Чего стоила хотя бы система доступа в основное хранилище. Дверь, способная выдержать даже направленный взрыв нескольких тонн (!) пластика, запиралась особо сконструированным кодовым замком, открыть который могли только собравшиеся вместе десять (!) членов правления хранилища, вводя каждый свою часть цифро-буквенной комбинации в определённом порядке. Порядок этот по какому-то алгоритму регулярно изменялся особым, только для этого предназначенным компьютером, не имеющим никакой связи с внешним миром и включаемым в нужное время специально на то поставленным оператором, тоже до невозможности засекреченным. Сами же члены правления каждый раз, непосредственно в шлюз-тамбуре перед дверью, получали свой «номерок» и предупреждение, что паузы между набором фрагментов кода не должны превышать одной минуты, иначе система блокируется и начинается расследование причин...

Жалея, что роботам доступна только имитация чувства юмора, а на самом деле рассмешить их невозможно, Воронцов хохотал в одиночку, по мере поступления всё новых и новых элементов этого безумного пазла, порождённого не то бюрократи-

ческой паранойей, не то утончённым, в чисто британском стиле, сюрреалистическим остроумием некоторого «сумрачного гения», озвевшего от беспространной тупости окружающего мира.

Адмирал без всякого калькулятора, в уме, как привык на службе, посчитал восьмидесятилетние затраты на этот абсурд и получил итог. Не меньше четверти стоимости бдительно охраняемых сокровищ уже улетело как раз на собственную охрану. И никому из финансово-надзорных ведомств как-то не пришло в голову, что за сравнительно смешную сумму можно этих десять членов правления вкупе с оператором просто купить. Хранилище они откроют. А дальше-то что делать с грузом, требующим для своей перевозки сто пятьдесят железнодорожных вагонов или триста восьмисотных трейлеров? Спрятать похищенные сокровища негде, а довезти до ближайшего морского порта и погрузить на пароход — более чем малореально. Дмитрий вполне серьёзно думал, что просто сложить все эти слитки штабелем на подходящей площадке и назначить для охраны караульную роту было бы в тысячи раз дешевле и не менее безопасно.

Заодно он снова удивился, как нация с таким уровнем мышления своих «лучших представителей» смогла выиться в «мировые гегемоны», даже при наличии теоретически почти невозможного сочетания природно-географических, политических и экономических условий. Словно на самом деле кто-тоставил эксперимент с гипотезой исследования «А что будет, если?..».

Ну, теперь «Братство» тоже переходит от локальных, вынужденных вмешательств в сюжет довольно-

но бездарно написанной пьески к масштабной его правке. Как раньше режиссёры это делали, тот же Мейерхольд с гоголевской «Женитьбой» или «Лесом» Островского¹.

С курсантских лет, а то и раньше Воронцов помнил чеканную формулу: «Все самые сильные крепости берутся изнутри» (хотя и не совсем был с ней согласен). Но сейчас операция планировалась именно так. Ничего не штурмую, не взламывая и уж тем более не вынося на поверхность.

Первым делом его андроиды отследили всю систему видеонаблюдения внутри хранилищ. Как Дмитрий и предполагал, девяносто процентов камер, а также масс-детекторов, инфракрасных барьераов и прочей следящей техники было установлено на пути от предзонника охраняемого периметра, на всём протяжении внутренних коридоров, маскирующих подземные этажи здания, на лестницах и в лифтовых шахтах.

Надёжно, с многократным перекрытием контролировались шлюз-тамбуры перед дверями хранилищ и подходы к ним. Имелись даже спрятанные в торцах коридоров пулемёты, простреливающие подходы к дверям сплошь, без «мёртвых пространств».

А вот внутри хранилищ — совсем другое дело. Видеокамеры там, конечно, тоже были, но всего по четыре на зал. И всё. Причём включались они только после того, как начинались манипуляции с двер-

¹ С творческим методом В. Мейерхольда, не углубляясь в театральные монографии, можно познакомиться по «Двенацати стульям». Театр «Колумб» — это как раз «ГосТИМ» (Государственный театр им. Мейерхольда).

ными замками. Вот, пожалуй, единственное рациональное решение, отмеченное Воронцовым. На самом деле всё просто и разумно. Те, кому положено, вошли. Любой их шаг наблюдается в режиме реального времени и вдобавок записывается. И картина, и звукоряд. Люди уходят. Сколько вошло, столько и вышло. Дверь закрывается. Освещение гаснет. Камеры выключаются. За чем и за кем наблюдать? Останься в хранилище некто «неучтённый», он просто-напросто умрёт через несколько часов — подвалы герметичны, вентиляция отключается вместе с освещением.

Вот оно и найдено, то самое «слабое звено».

О возможности проникать в наглухо запертые помещения, через пятиметровые бетонные стены и девяностотонные броневые двери, не догадывался даже «великий Гудини»¹.

Но с помощью всё того же совмещения, сейчас только пространственного, андроиду требовалось несколько секунд, чтобы оказаться в хранилище. В полной, абсолютной в буквальном смысле темноте. Ни единого фотона здесь не было и не могло быть. Кстати, когда робот уже начал действовать, руководствуясь только запечатлённой в памяти картинкой зала и расположения объективов видеокамер, Воронцов испытал что-то вроде недоумения. Физику он знал в пределах училищного курса, ну и кое-что сверх того понаслыше. Общаясь с Лева-

¹ Гудини, Гарри (Эрик Вайс, 1874 — 1926) — всемирно известный американский фокусник, прославился умением освобождаться от оков и из запертых помещений. На гастролях в России легко выходил из камер смертников Петропавловской крепости и Бутырской тюрьмы.

шовым и в дни совместной службы, и уже в «Братстве», Дмитрий многое чего от того нахватался. Но вот задуматься о проблеме «запертой комнаты» (не в детективном, а в физическом смысле) ему ни разу не представилось необходимости. А ведь есть над чем!

Фотон, насколько известно, элементарная частица, квант света, так сказать. Долгоживущая, фактически — вечная. Сквозь непрозрачные преграды не проходит вроде бы. Следовательно, наполненное фотонами помещение даже после выключения внешнего источника должно всё равно оставаться освещённым? Ибо деться веноживущим фотонам некуда, они и должны бы метаться со скоростью света от стены к стене, для них непроницаемой. Никуда же не девается из закрытой ёмкости вода, тоже состоящая из атомов, но те — всё равно из элементарных частиц.

Воронцов решил непременно расспросить об этом Олега. Как только закончит с этой операцией.

Работ за пять минут на ощупь нашёл все камеры и заклеил их толстым светонепроницаемым пластирем. Хотя и было установлено, что они включаются автоматически при открытии двери, но вдруг американцы придумали какой-нибудь необнаруженный датчик, включающий камеры при попадании света в объективы. В принципе это была совершенно излишняя предосторожность, потому как именно многоуровневая и медлительная система безопасности не позволит вовремя принять действенные меры против неизвестно как проникших внутрь хранилища похитителей. Только для того, чтобы собрать вместе всех «членов правления»,

владеющих кодом, может потребоваться не один час. Они же не сидят круглосуточно в форте, у них и личная жизнь имеется.

Но по замыслу акции требовалось сохранять её в тайне до нужного момента.

Всё. Робот включил фонарик, проверяя качество своей работы и одновременно подавая сигнал, что дело сделано. Теперь можно открывать «окно» с поста управления СПВ на «Валгалле» и приступать к следующему этапу. Даже получив свободный доступ в хранилище, выгрузить из него, пусть и с помощью андроидов, во много раз более сильных и быстрых, чем человек, триста с лишним тысяч слитков (если принять за стандарт вес в семьсот девяносто пять унций, или двадцать пять килограммов) — задача непростая. Воронцов просчитал и это. Если установить в хранилище ленточный транспортер и подавать на него по два слитка в секунду — потребуется почти двое суток непрерывной работы. И ещё столько же — чтобы повторить то же в Нью-Йорке. Многовато для операции, смысль которой именно в секретности и молниеносности.

Время — вот самый лучший защитник набитых золотом пещер, чего тоже не смог сообразить прямолинейный, как рельс, американский ум.

Дмитрий перебрался внутрь подвала. Воздух там был затхлый и какой-то «выдохшийся», словно «Нарзан» в долго простоявшей открытой бутылке. Как будто молекулы кислорода фильтровались сквозь бетон быстрее, чем азот и углекислый газ. И пахло как-то странно. «Золотом», — с внутренней усмешкой подумал Воронцов. А почем бы и нет? За столько лет такая масса металла должна же хоть насколь-

ко-то испаряться? В трюмах кораблей, особенно немолодых, всегда ведь пахнет ржавым железом.

Пусть и имел он привычку к глухим отсекам, трюмам и коффердамам, где сухопутному человеку обычно очень не по себе — клаустрофobia сразу начинается, но здесь и Дмитрий чувствовал себя некомфортно. Едва ли только от того, что вокруг немыслимая толща бетона и скал. Очевидно, кроме специфического запаха золото испускало какую-то эманацию, влияющую на психику. Где-то Воронцов читал, что в состав современных слитков входит значительная доля металла, много веков и тысячелетий назад существовавшего в виде согдийских, парфянских, римских и греческих монет, священных сосудов и украшений египетских красавиц эпохи Древних царств¹. Вот каким-то образом и аккумулировалась тогдашняя аура, а при такой концентрации золота она, наверное, фонит не хуже урана или плутония. Бог знает что от этой радиации подцепить можно.

Надо бы поторапливаться.

Хорошо, что ещё в 1921 году Югоросской реальности они с Ириной, занимаясь модернизацией старых черноморских броненосцев, придумали способ демонтажа и выгрузки на берег взорванных англичанами машин и котлов. Те, уходя из Севастополя в 19-м, без всякой военной необходимости, просто чтобы досадить русским, хоть красным, хоть белым, привели в полную негодность четыре сравнительно боеспособных додредноута, а единственный уцелевший новый линкор, «Воля» (бывший «Импе-

¹ Древние царства — IV — III тысячелетия до н.э.

ратор Александр Третий», будущий «Генерал Алексеев»), увели с собой в Стамбул.

По всем техническим канонам без вскрытия палуб и разборки надстроек, требовавших огромной и оттого бессмысленной затраты времени и сил, задача эта была невыполнима. Воронцов, решивший во что бы то ни стало восстановить Чёрноморский флот и одновременно понимавший всю утопичность этой затеи, буквально измучился, пытаясь найти какое-нибудь нетривиальное решение.

И в какой-то миг его осенило, преисполнив самоуважением и гордостью. Решение было простым и гениальным. А подсказало его воспоминание о том, как аггры, охотясь за Ириной, запеленговали исходящее из квартиры излучение оставленных ею там приборов и каким-то образом вырезали из дома всю квартиру целиком. Хорошо ещё, что сам Олег сумел выскочить без потерь.

Дмитрий отправился тогда к Ирине и изложил ей свой замысел. Она всё поняла сразу, но разочаровала — с одним блок-универсалом изъять нужную деталь возможно, но переправить в нужное место и потом вернуться за следующей помешает принцип неопределённости. Промахнёшься или пространственно, или по времени. Но остановиться Воронцов уже не мог, он чувствовал, что решение всё равно где-то рядом. Так и оказалось.

Это вроде как с тем классом простых по сути задач, для решения которых всего и нужно, что выйти за пределы с детства усвоенных стереотипов.

С одним универблоком не получится, а если использовать ещё и левашовскую СПВ? То есть ра-

ботать внутри уже созданного канала, находящегося в континууме вне обычного времени и пространства.

Повторяя то, что однажды уже получилось, Воронцов набрал заранее определённую комбинацию на клавиатуре блок-универсала (теперь и он имел собственный, подаренный Фёстом из той добычи, что они с Секондом взяли на базе Дайяны). Словно театральный прожектор на сцене, слегка флюоресцирующий луч выставил часть подвала, попадающую в зону захвата. Вопреки всем законам физики зона имела чётко очерченные прямоугольные границы. Метров по пять в ширину и высоту, около десяти в глубину. Осталось поместить внутрь этой «коробки» участок хранилища с несколькими рядами стеллажей, не задевая краёв соседних, нажатием следующей кнопки ввести заранее заданные координаты точки назначения. И свернуть поле здесь, в подвале.

Вот и всё. Яркое, уже забытое солнце Валгаллы-Таорэры сияет в глаза, едва заметно перейдя полуденный рубеж в не по-земному синем небе. Давно Дмитрию не приходилось здесь бывать, всё ходил по морям на стальной тёзке планеты.

После «золотого подвала» воздух поражал свежестью, густотой и обилием запахов. Будто у Воронцова вдруг резко обострилось обоняние, почти как у собаки-ищейки.

Он посмотрел на знакомые башенки терема, сверкающую под солнцем не хуже настоящего золота бериллиевую бронзу крыши, отсвечивающие оконные стёкла. Захотелось войти внутрь, подняться в свою комнату, просто вспомнить...

«Ладно, зайду, но не сейчас», — пообещал он сам себе.

Временную точку перехода Воронцов выбрал так, чтобы не влететь в никчёмный парадокс, не встретиться с самим собой и с кем-то из их компаний. Где-то посередине между последним посещением форта Шульгиным и переселением сюда Удolina с компанией. А то есть и ещё микропараллель, локальный мирок, в котором живут, ни с кем не со-прикасаясь, жена наркома Шестакова с детьми и егерь — бывший старший лейтенант Российского Императорского флота Власьев. А может, и не живут уже, на каком-то пересечении миров тот Шульгин в роли Шестакова вернул их домой, в Москву. А там как раз война собирается, и что с ними всеми, включая наркома и Сталина, будет? А может, на этой ветке их же стараниями ничего и не случится?

Дмитрий отмахнулся от не к месту пришедших реминисценций¹.

Повинуясь одному движению пальца и воздействию непостижимых, но объективных законов природы, тонн пятьсот (двадцать пять кубометров) золота аккуратно переместились на лужайку перед оградой. Вместе с металлическими стеллажами. Вот что значит глазомер — уровень пола хранилища точно совпал с поверхностью планеты. Только один трёхтонный стеллаж опасно накренился, попав опорой на участок земли помягче. Остальные стояли, как тут всегда и были. Дмитрий хмыкнул, подивившись сюрреалистичности картины, и вновь открыл переход.

За пять приёмов весь товар был переправлен,

¹ В данном случае реминисценция — отзыв иного произведения в музыке, литературе, живописи.

а залы хранилища стали пустыми и гулкими. Два андроида, протянув с парохода кабели, наскоро, но прочно приваривали изнутри дверь к раме. Это уже просто так — искусство ради искусства. Интригу всегда нужно закручивать поинтереснее. Воронцов посмотрел на ручной хронометр и приказал одному из роботов замкнуть контакты тревожной сигнализации. Будет гарнизону форта «внезапная проверка боеготовности».

…Дмитрий вспомнил историю, рассказалую давным-давно одним сослуживцем, у которого отец работал на Московском Монетном дворе. Дело было ещё в шестидесятые годы. Из вполне герметичного хранилища, не такого навороченного, как это, но с вполне себе серьёзной системой охраны вдруг начали пропадать мешочки с металлическими рублями. По пятьсот штук в каждом. И пропадали они с пугающей регулярностью. Никто ничего не мог понять чуть ли не год. Что там творилось на всех уровнях — невозможно описать. А монеты продолжали пропадать. И неизвестно, сколько бы это длилось, если бы не случай. После очередной пропажи сыщик заметил валяющийся неподалёку от двери юбилейный рубль¹. И только тогда догадались. Под броневыми дверями склада готовой продукции имелись вентиляционные щели шириной примерно в два пальца. Сообразительные охран-

¹ В советское время регулярно выпускались особо оформленные монеты, посвящённые разным революционным и историческим датам. В отличие от нынешних коллекционных монет находились в повседневном обращении по номинальной цене.

ники одной из смен изготавлили особый крюк, которым сдёргивали с полок и подтаскивали к двери мешочек. Прорезали его бритвой и всю ночь по одному вытаскивали эти самые рубли. Потом забирали и сам брезент. Как уж они их потом выносили «на волю» — другой разговор. А не откатился бы случайно тот рубль в сторону — так и осталась бы в веках легенда о «запертой комнате».

Теперь у американцев будет аналогичная.

В следующие два часа Воронцов с роботами очистили и манхэттенское хранилище. А на Валгалле перед оградой терема выстроились несколькими неровными группами (всё же стопроцентной точности перемещения достичь не удалось) полки, уставленные брусками «жёлтого металла». Наверное, никогда ещё с товаром такой стоимости не обращались столь небрежно. Бросить под открытым небом, без охраны четыреста кубометров, если по объёму. Хорошая получилась производительность труда. Обычные матросы всем экипажем едва ли за неделю бы управились.

Вот и пусть здесь пока полежит. Никуда не денется. Разве что кванги доберутся в одной из своих экспедиций. Но они народ честный, у друзей-благодетелей воровать не станут. Разве один брускочек в научных целях прихватят. Золотовалютного обращения у них ведь не существует.

— Я точно знаю, что было, — с жаром ответил на шутливую реплику Арчибальда Сарториус. — Тонна туда, тонна сюда, но было же! Все разговоры в Интернете, что золотой запас США давно распродан, —

полная чушь и дешёвая провокация. Технически невозможно вывезти и продать такое количество золота, чтобы мировой рынок этого не заметил...

— Да как вам сказать, — почесал подбородок Новиков. — Говорят, что перед смертью Сталина золотой запас СССР составлял почти три тысячи тонн, а после Горбачёва осталось всего триста...

— Ну, это совсем другое дело. Все знали, кому следовало, где, сколько, кому и почем Советы продавали свой металл. И длилось это почти тридцать лет.

— У вас тоже — минимум с сорок пятого года, — не согласился Андрей.

— Но здесь же нет вообще ничего, даже свинцовых муляжей... — не успокаивался магнат.

— Букара выхлебала, — вдруг вспомнил Шульгин сценку из фильма «Мичман Панин», где кочегар Камушкин (артист Куравлёв) демонстрирует корабельному врачу исчезновение бинтов, ваты и прочих медикаментов с хирургического столика.

— Что такое «Букара»? — почти дословно повторил реплику штабс-капитана Баха Сашка.

— «Над этим много лет бьются профессора чёрной и белой магии. Пока — безуспешно», — блеснул памятью Шульгин, а ведь фильм смотрел ещё будучи школьником. Но вот запомнилось¹.

— Вас же не очень удивило не так давно, каким образом танковую роту и батальон террористов перебросили в параллель князя Олега? — спросил Новиков. — Вы ведь тогда к этому руку приложи-

¹ «Мичман Панин», к/ф, «Мосфильм», 1960 г. Режиссёр М. Швейцер. В главных ролях: В. Тихонов, Л. Куравлёв и др.

ли? Ну, тогда туда, сейчас отсюда. Сие знаменует гармонию природы...

— Это не я. Это вот он. — Сарториус, испугавшись, что ему станут «шить» ещё и то забытое дело, указал на Арчибальда.

— Но вы же были в курсе? Правда, сейчас это неважно. Как вы считаете, шум большой поднимется по поводу такой пропажи?

— А это уж как вам угодно. Прикажете — никто ничего не узнает.

— Вот и хорошо. Сейчас свяжитесь, с кем надо, пусть панику прекращают. Двери им всё равно не открыть, они изнутри заварены, сами видели. Не знаю, сколько дней бетон долбить придётся. Скажите — тревогу считать учебной, а всех, кто излишнее любопытство проявит, — убедите помолчать. Как — на ваше усмотрение. — Шульгин подвинул Сарториусу стоявший на столе старомодный, начала XX века, телефонный аппарат. — Звоните...

— Как? — не понял Сарториус.

— Да как обычно. Считайте — это обычный проводной аппарат. Набирайте нужный номер, каким бы он ни был, и говорите...

Шульгин снова встал и подошёл к окну.

Воронцов сидел в своей каюте, смотрел в переднее окно на каскады белой пены, вылетающие из-под форштевня после каждого схода парохода с волны, и на золотой слиток, водружённый на откидной столик для карт у правой переборки. Трофей, можно сказать, или сувенир. Как повторял артист Бурков в фильме «Зигзаг удачи»: «Будет что вспомнить!»

Интересно, для чего можно приспособить переброшенный на Валгаллу «всеобщий эквивалент»? России оно не нужно, разве что для шантажа. Любое количество золота и в любом виде можно изготовить дубликатором прямо в кремлёвских подвалах, если возникнет в том необходимость. Может — действительно квангам отдать для всякого рода технических и ювелирных поделок? На это они мастера.

Крышу ещё можно на тереме перекрыть, чтобы как у Высоцкого: «Купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал». Листами толщиной в сантиметр. Воронцов опять усмехнулся. Теперь уже Лермонтов вспомнился. «А жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, — такая пустая и глупая шутка».

Для нас-то, выходит, действительно «шутка», а для остальных? Ведь то, что они сейчас делают, по своим масштабам обещает перекрыть последствия «Великой Октябрьской социалистической». В целом, если разобраться, человечеству, а главное — России, хуже не будет. Лучше — пожалуй. Но вот сотням миллионов так называемых простых людей в цивилизованных странах, чьё благополучие так или иначе связано с полвека уже надуваемым гигантским мыльным пузырём?

Он вспомнил, как полгода назад на несколько дней они с Натальей выбрались в нынешнюю Москву, где не были вдвоём ни разу со всё того же восемьдесят четвёртого года. Просто развеяться, погулять, посмотреть, как теперь люди живут.

Впечатления, конечно, остались, как говорится, сложные, но в целом, пожалуй, лучше того «ком-

мунизма», который представлялся в молодости. Не далёкий, через тысячелетия, как у Ефремова или Мартынова, не «Мир Полдня» Стругацких, а «рeальный», обещанный XXII съездом партии и лично Никитой Сергеевичем на 1980 год. Если не вдаваться в подробности здешней жизни, а просто, как туристы, смотреть по сторонам, на улицах, в магазинах, прочих «достопримечательных объектах» — очень даже впечатляет.

Сидя в кафе с Фёстом и его девушкой, любуясь на перспективу Гоголевского бульвара и восстановленный храм Христа Спасителя, они как раз коснулись заинтересовавшего Воронцова момента — отчего так много среди всяческой obsługi, продавцов, барменов, охранников, зазывал при бесчисленных кабаках и трактирах молодых, крепких, гвардейского роста и «призывающего возраста» парней. Иногда неприятно услужливых, иногда глядящих на клиента с почти пролетарской ненавистью.

— Вы ж поймите, Дмитрий Сергеевич, это и есть «общество потребления», к которому все так стремились. Особенно — родители этих самых ребят. Ваши ровесники, кстати...

Вряд ли Вадим собирался «старшего брата» поддеть, но прозвучало именно так.

Воронцов сделал вид, что не обратил внимания.

— И хорошо «потребляют»? В наше время, кстати, — повторил он словечко и интонацию Ляхова, — всякого рода обслуживающие, при дефиците состоящие, официанты, продавцы вообще, а уж мясники в особенности, богачами считались. Но уважением не пользовались. Заискивали перед

ними некоторые, но от того ещё больше презирали. А у вас как?

— Ну, акценты сместились, конечно. И не богачи, и насчёт уважения... В открытую не презирают, но люди, серьёзными делами занятые, таких не уважают, это точно. А с другой стороны — куда им всем деваться-то? И работы настоящей на всех нет, да и психология... Вот этот пацан — Фёст указал на широкоплечего парня лет двадцати пяти, разливавшего пиво, — тысяч двадцать здесь получает, Ну, чаевые кой-когда. Кормится бесплатно. Но и всё. А пойди он в армию на контракт — тысяча пятьдесят заработает, а то и больше. И служба опять — уважаема, только далеко не всеми. Вот и выходит... — Вадим махнул рукой.

А сейчас Воронцов думал, что в «новом мире», который может возникнуть в ближайшее время, огромному количеству парней, подобных тому бармену, придётся всё же идти или на военную службу, или к станку, или в поля — трактористом, комбайнером, чабаном.

Потребность в лакеях не исчезнет совсем, конечно, но испарятся, «впадут в ничтожество» девяносто процентов тех, кто сейчас обеспечивает их работой. Слесарям, трактористам, настоящим людям «умственного труда» просто некогда будет слишком часто по кабакам и клубам болтаться. Всё придёт в некое соответствие.

Только один вопрос: как пройдёт эта очередная «перестройка»? Согласятся ли эти «профессиональные», или, как выразился один здешний госдепятель, «квалифицированные» потребители и их obsłуга на мирный переход из бесчисленных офисов и кон-

тор к станкам и в поля? Или опять начнётся очередной период смуты и бунта, как всегда — «бессмысленного и беспощадного».

Но и оставлять всё как есть, опять «отойти в сторону», удалиться «под сень струй», на Валгалле или в Югороссии, — уже невозможно. Правильно сказал недавно Новиков — чувство вины и долга не даёт покоя.

Так что пусть всё идёт, как идёт, с Божией и нашей помощью. Это ведь своего рода теодология¹, всё, что случилось или произошло. Существовавшее для каждого из членов «Братства» предназначение сначала свело их вместе, а потом (или одновременно) запустило тот самый процесс, что и продолжается до нынешнего момента. Отказаться, сойти с этого пути невозможно по определению. Как раз потому, что никто не знает — способен ли твой **отказ** хоть что-нибудь изменить или окажется всего лишь ещё одним шагом в предписанном направлении, но уже с противоположным знаком.

Похоже, думал Воронцов, пора всю мощь «Братства» к делу подключать. Новиков с Шульгиным, как и в самый первый раз, процесс инициировали, а теперь им одним не справиться. Что бы они сами по этому поводу ни думали. Начинается, как бы это поделикатнее сказать, — «головокружение от успехов», как некогда товарищ Сталин свою статью об итогах первого года коллективизации озаглавил.

Только, чтобы обид никаких не было, нужно

¹ Телевология — философское учение, приписывающее процессам и явлениям природы некие цели (целесообразность или способность к целеполаганию), которые или устанавливаются Богом, или являются внутренними свойствами природы.

кое-какие моменты предварительно согласовать. А то решали всё больше моменты, «непосредственно вытекающие», а теперь вот на оперативный простор выходим, тут другая степень взаимодействия сил и средств нужна.

В Замок Воронцов переместился, никого не беспокоя, с помощью «синхронизатора», что Антон вручил ему ещё в Сухуме, в преддверии всего за той «случайной встречей» последовавшего¹. Сарториус как раз говорил по телефону, раздавая инструкции боссам подконтрольных структур, иногда не имевшим никакого формального отношения к той теме, что им поручалась.

— Докладаю, господа-товарищи, товар успешно доставлен во франко-порт, — вспомнил давнюю манеру общения с этими именно «товарищами» Воронцов. — Вот, наконец, и сбылось гениальное предвидение Владимира Ильича. Пролетариат наконец может понастроить себе нужников из пресловутого металла. Не банальных унитазов, как некоторые сейчас, а именно классических нужников, о которых у Даля написано: «Нужник — отхожее место, куда отходят за нуждой, сортир». Целиком, и стены, и крыша, и пол с очком...

— Ну да, только в профильные листы прокатать надо, — согласился Сашка.

— А жарковато летом не будет? — засомневался Андрей.

Минут пятьё поизощрялись на «заданную тему», выпили по рюмочке. *Сварганили дельце на*

¹ См.: роман «Одиссей покидает Итаку».

много миллиардов, отчего бы этот случай не отмечать? Тут бы и шампанского не грех спросить, закурили.

— Я, собственно, не совсем по этому вопросу к вам заскочил, — заметил Дмитрий. — Хотел предложение сделать...

— Кому? — заозирался Шульгин. — На данный момент незамужних барышень поблизости не наблюдается...

— Придётся тебе, за неимением. Как там у ваших глубокопочитаемых? «Предлагаю считать сумерки сгустившимися»!¹ А я предлагаю первый этап затеянной нами операции считать выполненным и ближайшую задачу — достигнутой...

— Ну-ка, поясни, — заинтересовался Шульгин.

— Извольте-с. Президента Юэсэй в известное положение поставили. Деваться ему теперь некуда. Этого господина тоже к общему знаменателю привели, — указал он на Сарториуса. — Механизм переформатирования не только наших со Штатами отношений, но и самого «объекта акции» запущен. Я правильно понимаю?

— Ну, в общих чертах, — осторожно сказал Новиков. Воронцов был такой человек, в общении с которым расслабляться не стоило. Как и в невинных на первый взгляд беседах с Сократом, что наглядно изобразил Платон в своих «Диалогах».

Дмитрий удовлетворённо кивнул.

— А вот тот самый «общий резерв», что необходим для решительного развития наметившегося успеха, мы предусмотрели?

¹ См.: А. и Б. Стругацкие. Сказка о тройке.

— То есть? — снова спросил Новиков, по глазам Сашки поняв, что тот уже начинает соображать, к чему ведёт речь адмирал.

— Да вы же уже всё поняли, — с видом преподавателя, которому больше не нужно разжёвывать студентам прописную истину, сказал Воронцов. — За дальнейшим развитием событий нам просто не уследить. Физически. Как всем известному Штирлицу, завербовавшему, кроме Бормана, ещё Кейтеля с Кальтенбруннером. Получал бы он информацию о делах в рейхсканцелярии, ОКВ, РСХА. Отслеживал что-то там на уровне гауляйтеров и штабов армий. А что ниже? Приказ не дошёл до исполнителя, не-правильно понят, просто проигнорирован, ибо «на местах виднее»... А тут ведь нужен постоянный мониторинг — что сделано, какой результат, соответствует ли замыслу или срочно надо что-то менять. Объёма внимания и времени не хватит...

— Ах, вот ты о чём, — согласно кивнул Новиков. — Пожалуй. Тут нам и Сарториус с Арчибалльдом плохая подмога.

— Что и требовалось доказать.

— И с каким предложением ты пришёл?

— Как будто можно придумать что-то новое. На «внутреннем фронте» немедленно замкнуть все существующие спецслужбы друг на друга. Пусть начинают взаимную «охоту на ведьм». Пресса соответственно переключается на беспрерывное освещение постоянно раскрываемых заговоров, тайных сетей исламистов, буддистов, сионистов, сторонников возрождения империи ирокезов, возвращения Техаса Мексике и так далее. Лютенс поднимает ар-

хивы эпохи маккартизма¹ и повторяет всё, что тогда было — в десятикратном масштабе. Как у нас в тридцать седьмом. Чем бессмысленнее и страшнее, тем лучше. Но — никаких упоминаний о России, коммунизме и тому подобном. Только коррупция, борьба за передел сфер влияния внутри страны, превращение Америки в тоталитарное государство, исламский терроризм... Масоны, сионские мудрецы, «Чёрные пантеры»², «мировая закулиса», да кто угодно подняли головы, чтобы совместными усилиями сокрушить «американскую мечту»...

Воронцов закончил свой пассаж и с интересом ждал реакции друзей и Арчибальда. Сарториус продолжал говорить по телефону в дальнем углу библиотеки и ничего этого не слышал.

---

¹ Маккартизм — реакционное движение в США (с конца 40-х до 1957 г.), названное по имени его организатора, сенатора Дж. Маккарти, явившееся ответом наиболее консервативных кругов на союзнические отношения с СССР в годы Второй мировой войны. Характеризовалось крайним антикоммунизмом, поиском «врагов» Америки в правительственные учреждениях, учебных заведениях, средствах массовой информации, Голливуде. Была создана «Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности». К заподозренным в таковой применялись репрессии от смертной казни до внесения в «чёрные списки», лишение работы, изгнание из страны. Жертвой маккартизма стали многие известные политики эпохи Рузвельта, учёные, артисты, в т.ч. даже Чарли Чаплин.

² «Чёрные пантеры» — негритянская леворадикальная организация, действовавшая в США в 60 — 70-е годы XX века. Ставила своей целью ликвидацию сегрегации чернокожих, вывод их из-под юрисдикции «белых», отмену службы в армии США, создание вооружённых отрядов негритянской самообороны. Отрицала теорию Мартина Лютера Кинга о «ненасильственном сопротивлении». Включала в себя широкий спектр радикалов, от маоистов до «чёрных нацистов». Движение было подавлено силой, многие его лидеры физически уничтожены, сотни членов осуждены на длительные сроки.

— Долго готовился? — спросил Новиков.

— Да как тогда с вами на пароходе поговорил, так и начал размышлять. Помните, был у Ленина такой труд — «Заметки постороннего»? Вот и я как некий «посторонний» начал проигрывать «на картах» разные варианты. Думаю, дойдут ребята до «точки невозврата», тут и мои соображения на что-то пригодятся...

— Пригодятся, отчего бы нет? — кивнул Новиков. — Что ж мы, по-твоему, совсем в детство впали? Рановато ещё. Мы и сами примерно так же, как и ты, мыслили. Сейчас не двадцатый год в России, когда лёгкого толчка хватило, чтоб всю историю поменять. Ни вдвоём, ни впятером Штаты на шестнадцать румбов не развернуть. Как и нашу «Валгаллу» рулевым веслом. И соображения на «вторую фазу операции», как ты выразился, у нас есть. Интересно бы сравнить, что у тебя ещё, кроме прозвучавшей декларации. Насчёт маккартизма и «пантер» подсказка к месту. Про мексиканцев мы думали, собирались даже кое-что покруче завернуть... А что ты под «общим резервом» понимаешь?

— То же, что и учебник стратегии генерала Лепера. Не учтённые противником силы, превосходящие возможности обороняющейся стороны парировать наносимый ими удар...

— То есть? — до сих пор не понимая, что Дмитрий имеет в виду, спросил Шульгин. Арчибалльд тоже не выглядел школьником-отличником, с трудом удерживающимся от того, чтобы не закричать: «А я знаю, а я знаю!» Один Удолин по-мефистофельски усмехался, довольный, что его идеи с ис-

пользованием «Детей американской революции» чем-то совпадают с соображениями Воронцова.

Похоже, Дмитрий действительно придумал нечто, выходящее за плоскость обыденных представлений. Словно бы житель двухмерного мира, догадавшийся, что такое «высота», и научившийся ею пользоваться. А сами они слишком долго общались с представителями если и гуманоидной, но только по некоторым внешним признакам, цивилизации, в действительности полностью и совершенно чуждой человеческому мышлению.

Даже нобелиат Скуратов испытал острый приступ комплекса неполноценности, догадавшись, что те «нечеловеческие логики», что он исследовал в своих трудах, так же соотносятся с действительностью, как излюбленные математиками N-мерные пространства или физиками — «абсолютно чёрное тело».

Вывихивая мозги в попытках осознать, что на самом деле собой представляет мышление «высших даггурров» (а те людей, похоже, в общебытовом плане воспринимали гораздо адекватнее)¹, участники экспедиции, в какой-то мере и временно, конечно, утратили привычную связь с земной реальностью. Отчего и не смогли, как это умели раньше, с лёту уловить ход мыслей Воронцова.

Впрочем, следует признать, Дмитрий с первых дней знакомства ухитрялся ставить в тупик оригинальностью и вызывающей нестандартностью сво-

¹ Здесь уместна такая аналогия — европейский разведчик при соответствующей подготовке вполне способен длительное время изображать дикого бедуина (пресловутый Лоуренс), но никакой бедуин не в силах хоть несколько минут имитировать европейского офицера.

его мышления не только компанию своего сослуживца Левашова, но даже и самого Антона.

— Вы, по-моему, слышали о завершении автономного существования мадам Дайяны с её пансионом благородных девиц и не менее благородных юношей...

— И слышали, и видели, — осторожно сказал Шульгин.

— Так вот, означенная мадам Дайяна, с которой вы знакомы гораздо ближе, чем я...

— Ну, не настолько уж ближе, — с двусмысленной улыбкой сказал Шульгин, которого с первого дня знакомства, несмотря на все неприятности, что она им доставила, главная агтрианка весьма интересовала в весьма прозаическом плане. Действительно ли она может оказаться столь же интересна как женщина, как обещает её внешность и некоторые детали поведения, или это всего лишь иллюзия, и она — не более чем зримое воплощение возложенной на неё функции. Вроде Арчибальда.

— Это — твоя проблема, — сочувственно сказал Воронцов. — Никто не мешает дерзнуть...

— Где уж нам. Ещё превратит в козлёночка...

— И это в лучшем случае, — согласился Дмитрий, сохраняя полную серьёзность. — Но в остальном она пошла нам навстречу до крайних пределов. Признала свой вассалитет по отношению к «Братству» и предложила использовать возможности возглавляемой ею Школы в полном объёме...

— Вон ты о чём, — даже слегка присвистнул Новиков. — Лихо!

— На том стоим, — пожал плечами Воронцов. — Начинал бы ты трудовую биографию не в

белом врачебном халатике, а вроде меня — безвестным летёхой, ещё без самостоятельного допуска, да при командире — дураке и садисте... Или повесился бы, или научился мыслить нестандартно.

Дмитрий повернулся к окну, которому, согласно антуражу, следовало бы выходить на Неву с Петропавловской крепостью на том берегу. На самом же деле из него виден был безбрежный серый океан слева и цепь невысоких холмов, поросших редкими, деформированными постоянными ветрами соснами вдоль тянувшегося примерно к юго-востоку полуострова. Унылое, но завораживающее зрелище.

— А вот и снежок пошёл, — сказал он.

Действительно, с низкого рыхлого неба цвета махорочного пепла довольно густо сыпал снег, на волнах и на мокром пляже исчезающий бесследно, а на сухе уже не тающий.

— Зима пришла, а мы и не заметили, — с какой-то грустью продолжил он. — Но зима или лето, а воевать всё одно надо. Означенная мадам Дайяна предоставляет в наше распоряжение (я с ней вчера на эту тему уже говорил) две сотни своих курсантов и курсанток, подготовленных как раз к подобной деятельности. Кое-кто из них специализировался на европейских и даже азиатских странах, но это дело поправимое. И даже сама готова возглавить Северо-Американскую резидентуру. Уж чего-чего, а опыта ей не занимать...

— Кто бы спорил, — согласился Шульгин. — Только как-то это...

— Не по правилам, ты хочешь сказать?

— В этом роде. Только вроде бы избавили Зем-

лю от инопланетного нашествия, и снова? Выходит, аггры всё-таки выигрывают свою партию?

— Вот Арчибалд с нами за одним столом сидит. Вы оба ничего не имеете против Ирины и.. — он многозначительно глянул на Сашку, — Сильвии. Дайяна ни на что большее не претендует. Вы же ничего не имели против самостоятельности Сильвии в Англии, и не только?

— Ну, так, значит, так, — неожиданно быстро согласился Шульгин. Очевидно, намёк на его бывшие «особые отношения» с леди Спенсер достиг своей цели.

— Как ты это видишь?

— А что тут видеть? Для начала все они, кого мы отберём, переправляются в Штаты в качестве совершенно частных лиц. По мере необходимости Лютенс, да и камрад Сарториус подскажут, на каких участках им потребуются легальные сотрудники. Ну и мы, со своей стороны, тоже подумаем. Представляете, они, имея Шары, да под руководством Дайяны, которая будет свободна от ограничений, что на неё прежний статус и должностные инструкции накладывали, смогут взять под контроль все узловые точки и все ключевые фигуры Штатов. Конгресс, Сенат, Госдеп — всё...

— Эк ты разошёлся, — покачал головой Новиков. — Остапа понесло... Не так всё просто. Мы тоже картинку немного по-другому видим. Полторы сотни помощников и помощниц нам, натурально, не помешают, но...

— Пускать козла в огород... — из глубины своего кресла бросил Удолин.

— Да я же пока так, в плане общих рассужде-

ний. Подработаем детали, диспозиции напишем, — слегка сдал назад Воронцов.

— И тебя над Дайяной смотрящим поставим, — улыбнулся Новиков.

— Я могу и сам справиться, — возразил Шульгин. — Зачем усложнять контуры управления?

— Друзья, друзья! — воззвал Удолин. — Любите вы поговорить. А наш уважаемый Арчибалд жестами показывает, что обед готов и столы накрыты. Может быть, прервёмся на какое-то время?

— Абсолютно правильная мысль, — согласился с профессором Воронцов. — Заодно вопрос у меня, уже на другую тему. Вы не слышали, что там с американским авианосцем приключилось? Мне вахтенный сказал — по радио что-то очень кратко и бессвязно передали. Я и подумал...

— Неизбежная на море случайность, — ответил излюбленной присказкой Воронцова Сашка.

---

*—————
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

олович не успел наклонить горлышко бутылки над стопкой, как «железнодорожник» твёрдо, но без излишней грубоści отобрал у него коньяк.

— Достаточно, пожалуй. Не в кабаке всё же. Вам вопросы задали. Ну и начинайте отвечать. По порядку. Волович Михаил Иосифович. Это мы знаем. Возраст, род занятий, происхождение, сословие... Так, чисто справочно.

На первые два пункта он ответил честно — тридцать шесть лет, журналист. Дальше запнулся. Происхождение? Не дворянин точно. Не купец, не крестьянин. Раньше писал в анкетах — «из служащих». А здесь как?

— Родители — педагоги, — попробовал он выкрутиться. — Предыдущие два поколения тоже. А ещё раньше — мещане, пожалуй.

«Пенсне» хмыкнул и что-то записал карандашом в блокнот. Михаила всегда раздражало в чужих текстах распространённое: «Сделал пометку». Пометки коты и собаки делают, а люди пишут.

На какую ерунду внимание отвлекается, чтобы хоть на несколько секунд оттянуть «момент истины». Или, как в том анекдоте — «Пока не началось».

— Забыли, в каком сословии числились? А ведь не мальчик уже к семнадцатому году были, университет, наверное, окончили. Какой, кстати?

— Московский, разумеется, — ответил Волович, тут придумывать ничего не надо.

— Факультет?

— Филологический.

— У кого учились? — изобразил живой интерес «пенсне». — С какого года по какой?

Михаил впал в ступор. Сказать правду, что поступил в девяносто шестом? Не поверят. Ему тогда пять лет должно было быть, если «тысяча восемьсот». А про «девятьсот» лучше и не заикаться.

— Не помню, — только и выдавил он.

— Удивительно. С чего бы вдруг такая амнезия? Сословия не помните, когда и у кого учились — тоже забыли. Однако говорите грамотно, культурно, ни в каких житейских реалиях не путаетесь, рубли в валюту и обратно переводите без усилий. Сигареты вон американские выбрали, а не папиросы «Ира», «что остались от старого мира». Интересно это всё. И товарищ Агранов вас не в больницу Кащенко отправил, а сначала в тюрьму, потом в своё общежитие. На вольное поселение, так сказать... Вас самого это не удивляет?

Волович, в голове у которого слегка плыло всё, и не от коньяка поверх водки и пива, а просто так, словно перед обмороком, обречённо пожал плечами:

— Устал удивляться. В тюрьме четыре дня в потолок смотрел, только этим и занимаясь...

«Железнодорожник» сочувственно вздохнул:

— Ну хоть где работали, в каких газетах и журналах? Пусть не название, пусть только направле-

ние... Специальные, ведомственные или для широкой публики? Фельетоны писали, уголовную хронику или про политику? За большевиков, против?

Волович помотал головой.

— Как хотите — не помню. Чтобы не растягивать допрос — сразу скажу: не помню ничего с момента появления на окраине Москвы. Причём в воде. Как бы очнулся от холодной воды. Вылез на берег, стою, озираюсь. Тут автомобиль подъезжает. С чекистами. Сажают и везут. На Лубянку. К тому, кого вы назвали Аграновым. Он меня расспрашивал почти о том же, что и вы. Потом в тюрьму отправил. Из тюрьмы — в общежитие. Я спросил коменданта — мне разрешили прогуляться в город. Там встретились ваши люди. Доставили сюда. Вот всё, что я могу вам честно сообщить... Про газеты? Тоже не могу сказать. Ни названия, ничего. Кажется, политикой я занимался. Про выборы какие-то писал... Про демонстрации несогласного с властями народа...

Сказал и, внутренне сжавшись, стал ждать, что будет дальше. Последние фразы он приплёл специально. Насколько он помнил историю, последнее «свободные выборы» здесь были только в Учредительное собрание. Десять лет назад. Тогда же и демонстрации антибольшевистские были. В то же время говорил он чистую правду. На борьбе за «чистые выборы» и против «антинародного режима» имя, можно сказать, себе сделал. Тут хоть на детекторе лжи проверяй — честен он, как на духу.

Вообще люди, к которым он попал, казались ему гораздо страшнее Агранова. Если только они не подосланы Аграновым же, чтобы взять его, так сказать, с другого конца. Но верилось в это слабо.

Зато Михаил каким-то верховым чутьём понимал, что по-любому говорить и им, кто он и откуда, никак нельзя. Поверить-то они скорее всего поверят (как и Яков), люди серьёзные и явно неглупые, сообразят, что никакой вражеский агент такую «легенду» лепить не станет. Разве что за сумасшедшего примут, но нет, эта тема уже поднималась и отработана.

А раз поверят, то начнут вытягивать из него абсолютно всё, что он знает о «другом мире». А главное — будут добиваться, чтобы выдал секрет «перехода». И цель. Ну и что он ответит? Значит, единственная разумная тактика — до последнего изображать потерю памяти. Как бы нелепо это ни выглядело. Впрочем, почему так уж нелепо?

Он много чего читал и слышал о самых разных вариантах амнезий, ретроградных и антироградных, полных и «мозаичных», о выпадениях памяти строго выборочных. Бывают ещё и конфабуляции, сиречь ложные воспоминания при полностью сохранных качествах личности, опровергнуть которые при отсутствии документальных доводов невозможно. И ряд других, крайне интересных повреждений мыслительного процесса. То есть подкован был Михаил в этой теме гораздо лучше, чем бухгалтер Берлага со своими жалкими магараджами, кунаками и слонами. А что вы хотите — XXI век, время всеобщего увлечения психическими расстройствами, извращениями и психоанализом.

«Железнодорожник» встал и, перегнувшись через стол, два раза быстро, сильно и очень больно ударил Воловича по лицу раскрытой ладонью. В го-

лове зазвенело, как от хорошего нокдауна, и было это вдобавок гораздо обиднее, чем удар кулаком.

— За что? За что вы меня бьёте? — откинулся Михаил на спинку стула, чувствуя, что из носа по текла кровь. Ему захотелось сжаться в комочек и спрятаться под стол. Вдруг не найдут. Или — ока заться в уютной и спокойной тюремной камере ГПУ. О Москве XXI века отчего-то даже не вспомнил. Мир вокруг сжался до сиюминутной реальности, какие там прошедшие и будущие времена! Чистый инфинитив¹.

— А чтобы дурака не валял, — спокойно отве тил «пенсне». — Давай я тебе чуть подробнее обстоятельства времени и места изложу, раз ты филолог. Как и я. Окончил тот же факультет в девяносто десятом. Так что кое-что ещё помню. И что ты с университетским образованием — вижу. Тут не прикинешься. Что в ту, что в другую сторону.

— А я вот помню, как бывший камергер двор ником успешно много лет прикидывался, — неизвестно к чему сказал Волович. Видимо, просто по привычке не оставлять без ответа ни одну реплику собеседника.

— Чушь! Час-другой — ещё можно, да и то немыслимо театрально выйдет. А больше нет — простая моторика выдаст. О вербальных сбоях и принципах построения силлогизмов говорить даже не будем.

Михаилу всё здесь было дико и невероятно, но этот разговор, после двух ужасных пощечин, вообще выходил за любые рамки. Кафка, натуральный Кафка.

¹ Инфинитив — неопределенная форма глагола (лат.).

«Железнодорожник» усмехнулся каким-то своим мыслям и ещё раз ударил Воловича. Прежним образом.

— Так о чём я? — как бы не заметил этого «пенсне». — Меня, кстати, Ардальон Игнатьич зовут, а товарищ заместитель управляющего дорогой — Станислав Стефанович. Так вам удобнее будет и заодно понятнее, что только полное и чистосердечное признание и согласие на сотрудничество обеспечат вам дальнейшее существование. Иначе какой нам смысл перед вами раскрываться? То есть или вы с нами, или...

— Паровозная топка, — без выражения продолжил его мысль Станислав Стефанович. — Никаких следов, даже запаха не останется, дым из трубы с хорошей тягой идёт, и сразу в атмосфере рассеивается. Куда удобнее, чем в стационарном крематории...

Михаилу стало совсем плохо, он с удовольствием провалился бы в беспамятство, но не получалось. И сфинктеры, на удивление, сохраняли тонус, хотя услышанное сейчас было куда страшнее того, что сказал ему Ляхов на прощание.

— Да товарищи, дорогие, — рыдающим голосом проговорил он, — всё же я прекрасно понимаю. Но нечего мне вам сказать, как вы не хотите поверить? Агранов три часа меня допрашивал и убедился, что не вру я! Сказал, расставаясь: «Живите, вспоминайте, нам спешить некуда. Тюрьма не хуже клиники Ганнушкина...¹ А то и к нему са-

¹ Ганнушкин П. Б. (1875 — 1933), знаменитый врач-психиатр, основатель научной школы, профессор МГУ, создатель клиники своего имени.

мому обратимся». Думаете, мне самому легко? Ну это как спросонья бывает. Помнишь, кажется, сон во всех деталях, а попытаешься удержать — сразу как туман рассеивается. И у меня сейчас так же. Кажется — была у меня жизнь, как у всех людей, учился, работал, вот язык культурный сохранился, вы правильно заметили, и всё, что умел, — вроде бы умею. Увидел сигареты в «Торгсине» — потянуло купить, знал, что вкуснее и удобнее папирос. Но где их курить научился, где раньше покупал — полный мрак. Ничего не могу воспроизвести из прошлого. Как мать звали — и то не скажу, а четыре дня промучился, вспоминая. Помню, однажды на праздник какой-то, Новый год, кажется, напился сильно — и тоже утром ничего понять не мог. Ни где я, ни что за женщина со мной лежит, и почему она совсем раздетая, а я совсем одетый, даже в туфлях... Сейчас — почти то же самое.

Арdal'yon Igнатич кивнул боевику-автоматчику, тот исчез в ближнем тамбуре, вернулся с метровым куском резинового садового шланга. И без всякого предупреждения начал наотмашь хлестать Воловича по чуму придётся, не трогая при этом головы.

Больно было до невероятности, даже через одежду. Михаил вывалился из полукресла, упал на пыльную ковровую дорожку в позе эмбриона, пряча голые кисти рук между колен. Откуда-то в голове билось знание, что таким шлангом легко можно перебить тонкие кости, а тогда будет совсем плохо.

— Хватит пока, — услышал он голос Арdal'yon'a. — Для вразумления — хватит...

Напрасно люди выдумывают всякие изощрённые методики пыток. От иголок под ногти до маг-

нето полевого телефона. Не говоря уже о химии. На самом деле если есть какая польза от прогресса в пыточном деле, так это экономия сил самого дознавателя. А так результат одинаковый. Волович уже готов был сказать всё, что угодно, и подписать, что подсунут, если б потребовалось. Одно останавливало — сознание того, что «признание» только ухудшило бы его положение. Обычно пытаемый только ради этого и начинает говорить — чтобы перестали мучить. Хоть расстрельную статью на себя взять, лишь бы вот сейчас перестали.

А в его положении? Чем больше скажешь, тем больше дашь палачам повода продолжать, в надежде узнать «главную тайну». И ничем их не убедишь, что как раз её-то и не знаешь. Раз сначала молчал, а потом признаваться начал, а теперь снова замолчал, значит, нужно ещё добавить. И расколовшись, до донышка, никуда не денешься.

Не так стройно и логично рассуждал Михаил, пока шланг изощрённо гулял у него по почкам, по рёбрам, по ягодицам и бёдрам. Но если бы перенести клочья раздёрганных мыслей на бумагу, в стройном порядке, отделив от всплесков тёмной вегетатики, получилось бы нечто похожее. По сути.

Его подхватили под руки, кое-как утвердили в углу поездного дивана, на стуле бы он не усидел. «Путеец» помахал перед его лицом картонной папкой вместо веера, посмотрел в зрачки, хмыкнул удовлетворённо:

— В порядке клиент. Здоровущий, соответственно фамилии...

Михаилу сунули в рот зажжённую сигарету. Его собственный «Кэмел». Губы и зубы были целы, по-

этому затянулся он нормально, только рукой сумел дотянуться до сигареты с третьего или четвёртого раза. Тремор, боль в плечах и дискоординация. Но ничего, получилось.

Бил автоматчик умело, ничего не скажешь. Пока хлестал — глаза на лоб от боли вылезали, а сейчас вроде и ничего, так, ноет, саднит кое-где, но вполне терпимо.

Очевидно, эти мысли отразились на его лице, потому что Ардальон, присевший напротив, сказал участливо:

— А вы не обольщайтесь, Михаил Иосифович. Это вас для первого знакомства приласкали просто. Чтобы в курс дела ввести. А если Валерьян всерьёз возьмётся, как раз всё время между «сеансами» будете от боли волком выть и кровью мочиться. А чтоб с собой чего богопротивного не сделали, наручнички на ночь надевать будем. Вот и думайте, что оно лучше — форс держать или по-хорошему сказать, о чём спрашиваем...

— Да нечего мне сказать, нечего, понимаете вы это? — почти заорал Волович, едва успев подхватить выпавшую сигарету. — Вы ж умный на вид человек, образованный. Неужели не видите — никакой я не шпион, не агент белых и иностранных разведок. И не Джордано Бруно — не из-за чего мне на костёр идти, муки терпеть. Про Агранова всё сказал, как было. А больше нечего! И ни про каких представителей Югороссии ничего не знаю. И что такое — Югороссия ваша...

— Стоп, стоп, уважаемый. Тут язык чуть придержите. Ничего, значит, не знаете. И про Югорос-

сию тоже. Даже не слышали? А где ж вы жили всё это время?

Похоже, господин «пенсне» только сейчас задумался всерьёз. Поначалу ему всё казалось простым и понятным. Взяли человека, неизвестно откуда доставленного прямо в «Центральный аппарат» ОГПУ, а не в рай- или даже губотдел, к примеру. С которым сам Агранов беседовал долго и с глазу на глаз. Такого удостаивались лишь «весыма важные персоны». Резиденты зарубежных разведок, например, или контрреволюционеры с именем, как тот же Савинков. А потом совсем непонятное началось. Подержали три дня во «внутрянке», на допросы больше не вызывали, это достоверно известно. И сидел в одиночке, ни к кому его не подсаживали, ни в роли «насадки», ни, наоборот, для «раскрутки». Надзиратель за непомерные для него сто рублей каждую минуту отсидки «загадочного узника» им по полочкам разложил.

А потом вдруг взяли и отпустили. Пусть и под «гласный надзор», но отпустили же! И что это может значить?

Потому и решили взять этого человечка к себе, поработать с ним. В борьбе с ренегатской властью нельзя ни одного шанса упускать, а этот шанс представлялся весьма и весьма перспективным.

Только сработали, теперь Ардальону это стало понятно, топорно до крайности. Что поделаешь, все опытные товарищи повыбиты или перебежали на сторону Троцкого с Аграновым. Импровизировать приходится с теми, кто есть. Но задача трудной не казалась. Изъять человека, поговорить с ним по-доброму или как получится, повлиять на струны, те

или иные, он и выложит что-нибудь важное и интересное. Наверняка. Тогда и дальше *работу* планировать можно.

Но сразу всё не так пошло. Наперекос. И всерьёз думать приходится начинать в самой невыгодной позиции.

Ардалон Игнатьевич, фамилию имевший почти фельетонную — Лютиков, был человеком одновременно и умным, и моментами жестоким, почти до патологии. Отчего знающие его поближе люди за глаза называли — «Злютиков», и он, когда нужно, умело маневрировал между двумя этими прозваниями, а также и ипостасями.

Подпольный свой нынешний псевдоним придумал тоже без затей, но со смыслом — «Шило». И он, и напарник его, Станислав Стефанович Выдревич («Тормоз»), принадлежали к глубоко законспирированному, на словах и по материалам партийных съездов давно разгромленному, идеально и физически, «левому уклону» в партии. Левее некуда. Но не совсем того плана, что имел место в «настоящем» СССР, при товарище Сталине.

Здесь «левые», они же «твёрдокаменные ленинцы» (почему должны были бы считаться скорее «правыми»), полностью отрицали всё, что происходило в стране и в партии с того самого рокового дня, когда «белые» нанесли «красным» сокрушительное поражение в Таврии, а товарищ Ленин скоропостижно скончался. Бессовестно поступил, нужно сказать, — бросил соратников на произвол судьбы и под власть «Иудушки» Троцкого.

А тот, понятное дело, тут же и проявил всю свою

подлую сущность «межрайонца»¹, заключил с белыми мир, ещё более «похабный», чем пресловутый «Брестский», отдал им самые населённые и плодородные губернии и оставил в «помещичье-буржуйском рабстве» миллионы рабочих и крестьян. При этом никого из «твердокаменных» не интересовало то, что в Югороссии помещиков не существовало в принципе и вся земля была поделена «по едокам» среди вполне свободного крестьянства. И было оно вполне довольно наконец наступившим «мужицким счастьем».

Поначалу ждали, что возмущённые трудящиеся сметут и в Стране Советов ненавистного «Иудушку», но — не вышло. Если Брестский мир сам собой через полгода «приказал долго жить», то Харьковский держится уже почти семь лет.

А в РСФСР пышным цветом расцвел так называемый НЭП (хотя правильнее было бы — расцвела), то есть тот же, слегка задрапированный красной материей капитализм. И партия перерождается на глазах. Революционные лозунги заменили троцкистские «Учитесь торговать!» и «Обогащайтесь!», несмотря на то что X съезд РКП заявил, будто НЭП является только «тактическим отступлением», при сохранении за партией «командных высот в политике и экономике» и курса на «полную и окончательную победу в мировом масштабе».

¹ Один из уничтожительно-оскорбительных терминов, которыми обзывали друг друга сторонники разных фракций и течений РКП (б) и РСДРП (м). За давностью времени смысл всех этих инвектив (от лат. — брань) практически утрачен. Желающие углубить свои познания могут перечитать «Краткий курс истории ВКП (б)».

Первый раз «левые» попытались исправить положение и вернуть власть в свои руки в начале двадцать первого. Второй — в двадцать пятом. Не получилось¹. Дошло до того, что Троцкий позвал на помощь против бывших «товарищей» врангелевских золотопогонников, которые и залили Москву святой пролетарской кровью.

Однако не смирились истинные революционеры. Царских застенков, виселиц и каторги не боялись, три года рубились с «беляками» на просторах России, от Каменец-Подольска до Читы, так не склонять же голову перед предателем «рабочего дела»!

Нет, склонить-то можно, признать «былые ошибки», «разоружиться перед партией», а там посмотрим, чья возьмёт. Не может же миллионная партия и многомиллионный народ так и жить покорно, набивая брюхо «кулацкими подачками»² и «объедками с барского стола»³, неотвратимо скатываясь туда, откуда Ильич, не жалея сил и самой жизни, тащил их и тащил, к свободе и свету?!

Лютиков и Выдревич, как и многие сотни таких же «леваков», сумели в своё время не подставиться, не попасть в мясорубку и молотилку чуть не ежеквартальных «чисток» и «месячников критики и са-

¹ См.: романы «Вихри Валгаллы», «Андреевское братство».

² Имеется в виду сеть магазинов потребкооперации, через которые по льготным ценам «отпускалось» продовольствие «местных сельхозпроизводителей» (т.е. так называемых «кулачков», поскольку бедняцкие хозяйства не были «товарными») для представителей городских трудящихся.

³ А это уже о финансовой и материальной помощи со стороны Югороссии, предоставляемой в обмен на всякого рода концессии и по ряду «секретных протоколов» для поддержания боеспособности Красной Армии на западных и восточных рубежах РСФСР.

мокритики». Наоборот, как большевики с дореволюционным стажем, вполне заслуженно состояли членами ЦК и занимали серьёзные административные должности, вполне справляясь с возложенными на них обязанностями.

И параллельно продолжали беспощадную подпольную борьбу, заново восстанавливая разгромленные ячейки, накапливая силы, внедряя своих людей во все структуры не до конца разложившейся партии. «Сдавали» ОГПУ продавшихся нэпманам бюрократов-ренегатов, не за страх, а за идею трудясь в РКИ¹ и партгосконтроле, до абсурдных пределов расширяя их права и компетенцию. При случае — физически уничтожали тех не подлежащих перевоспитанию «предателей», до кого могли дотянуться. Находили и «в своём коллективе воспитывали» новых единомышленников, жаждущих справедливости и «всемирной коммуны», писали программные статьи и поощряли творческую молодёжь, мыслящую в *правильном направлении*. Один перспективный юнец написал и даже напечатал в университетской многотиражке поэму, где были прошедшие мимо внимания редактора слова:

Но мы ещё дойдём до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя!²

Вот такие и подхватят ленинское знамя, сегодня испохабленное «проституткой Троцким». Прав был Ильич, когда заклеймил его так, на века, задолго до

¹ РКИ — рабоче-крестьянская инспекция.

² См.: П. Коган. Лирическое отступление. «Гроза». 1963.

того, как всё случилось. Рассмотрел своим всевидящим взором его подлую натуру...

Нашлись свои люди и в ОГПУ, в близком окружении самого хитрого и опасного из предателей, Якова Агранова. Доложили они немедленно, что подобрали где-то люди из секретно-политического (а почему именно из него, кстати?) отдела странного человека и что лично начальник ГУГБ им занимался. А всем известно — главный инквизитор на мелочовку не разменивается.

Вот о чём говорили чекист с беспамятным бродягой — неизвестно, прослушки в аграновском кабинете не имелось. И потом в тюрьму ненадолго посадили «гостя из ниоткуда», а потом совсем отпустили. Вопрос — зачем?

Самое простое решение — взять, да и поспрашивать.

Ну вот, взяли. И что? Молчит, говорит, что не помнит ничего.

А если правда? И Агранов на самом деле умнее их всех. Не сумел ничего добиться, не стал пытать до смерти, а взял, да отпустил. Пусть погуляет. Глядишь — найдётся кто-то, кто «гостем» заинтересуется.

И зачем-то этот самый Агранов вышел на связь с югорссами. С непонятной их «полпредшей» и жандармом кадровым. На него материалы нашлись, и довольно подробные, в архивах Петроградского охранного отделения. Про довоенную службу. И про военную нашлось, и про службу у белых. На расстрел гражданин Кирсанов давным-давно заработал. А вот даже и не маскируется. Под прежней фамилией по Москве ходит. Дипломатический па-

спорт его защищает. Ничего, придёт время, от пролетарской пули не спасётся.

Но что-то ведь этих персон в личности «гостя» заинтересовало?

Значит, и не их он агент?

Лютиков сам решил заняться этим непонятным персонажем. А он ведь не просто «какой-то там»! Он руководитель МГК¹ «коммунистов-ленинцев», он же по совместительству заведующий «партийной контрразведкой», он же, легально и официально, — заместитель директора² МГУ «по общим вопросам». Проверенный товарищ, с дореволюционным стажем, давно бы ему прямой путь в наркомы или секретари ЦК, а не хочет. «Пролетарскую скромность» проявляет.

А для подпольщика его нынешний пост хороший, удобный — оклад жалованья очень приличный, паёк «академический», квартира при университете, где, как и в его служебном кабинете, под разными предлогами десятки людей ежедневно бывают, не уследишь. График работы — свободный, масса времени и одновременно неограниченные возможности работать с тысячами студентов и студенток, которые есть самый подходящий, перспективный материал для грядущей, четвёртой по счёту и окончательной революции.

То стихотворение про Ганг и прочее как раз один из членов университетского литобъединения

¹ МГК — Московский городской комитет.

² При советской власти старорежимные ректоры были заменены директорами. Вплоть до конца 50-х годов.

написал. Разве согласятся такие ребята до старости «общество всеобщей средней зажиточности» строить? А кроме «Общества Самых Молодых Гениев» ещё сотен пять уже подготовленных идейных бойцов-практиков в университете имеется, некоторые — с опытом Гражданской войны. Прочие в кружках Осоавиахима и Всевобуча занимаются¹. И оружия припасено достаточно. Половина военных складов Московского военного округа под контролем. Момент бы только нужный пришёл.

«Но если этот Волович — не гэпэушный агент и не белогвардейский — тогда чей? И агент ли вообще? Агентов разве так готовят и забрасывают? — Лютиков только сейчас к этой простейшей мысли пришёл. До этого азарт голову закружила, как же, большая тайна в руки сама идёт! С самим начальником ГУГБ связанные! — И легенды у них всегда — не подкопаешься: и снаряжение по легенде, да и сами по себе люди другие. А этот — жирный хлюпик. И голова пустая, и карманы. Во взгляде никакого характера не просматривается. А разве без характера в шпионы можно? Нет, в шпионы-то можно, если на своём месте сидишь и какие-то секреты связнику сбрасываешь, деньги за то получая. А вот в «закордонники», в диверсанты, в резиденты, допустим, в «агенты глубокого залегания» — таких самый последний дурак не возьмёт».

«Стоп, стоп, — мелькнула хвостиком мысль. —

¹ Осоавиахим — созданное как раз в 1927 г. «Общество содействия обороне, авиации, химизации», предшественник ДОСААФ. Всевобуч — система всеобщего военного обучения трудящихся, действовала с 1918 г.

Карманы, говоришь, пустые? А доллары тогда откуда?»

Об этом он вполне дружелюбно спросил Михаила, даже ещё полную стопку налил, чтобы, значит, зла не держал.

...Не следует всё же забывать, что Волович, при всех его негодяйских качествах, был человеком из следующего столетия, на генетическом уровне усвоивший его ни с чем не сравнимый опыт. Об истории, в том числе и новейшей, и о психологии знал больше, чем все здешние учёные и политики. С теми аспектами этих наук, о которых в двадцать седьмом году ещё и задумываться не начали.

Поэтому дать нужный ответ ему труда не составило.

— Когда в тюрьме переобувался, под стелькой бумажку нашёл. Как туда попала — понятия не имею. Но довольно давно она там лежала — сильно грязная и на сгибах потёртая была. Воняла, прошу прощения. Мыть пришлось и сушить, да и то кассирша в Торгсине долго купюру в руках вертела...

— Ботинки ж ваши были?

— Мои, без сомнения. Понял, о чём вы. Значит, сам я деньги туда и положил. Когда и зачем — упали бог, не знаю. Не помню и этого.

— Почему «упаси»? «Ей-богу» надо говорить, — машинально поправил Ардальон.

— Наверное, вы правы. Но уж как сказалось. А знаете что? — вдруг загорелся идеей Михаил. — Давайте вместе моей загадкой займёмся. Как Шерлок Холмс и Ватсон у Конан Дойла. Вы заинтересованы, а уж я — неизмеримо больше хочу истину, значит,

установить. Я буду вам говорить всё, что вспомню, вы — анализировать и силлогизмы строить.

— Слыши, Шило, а парень дело говорит, — вдруг вмешался Выдревич. — Забить его мы завсегда сможем, хоть насмерть, а кому от этого лучше станет? А если вместе помаракуем, он, даже если и вражина настоящая, куда больше вольно или невольно выболтает, да и нас на мысли какие наведёт...

— Какая из него вражина? — резонно спросил Лютиков. — Ни беляк, ни из троцкистов, на простого вора — и то не тянет. Просто — «Таинственный незнакомец». И ты, Тормоз, сегодня же найдёшь в своих энкапэсовских больницах самого лучшего психиатра. Или правда, самого Ганнушкина — пусть они этого перца нам на молекулы разложат...

Вагон, после короткой остановки на каком-то полустанке, вышел за пределы очень тогда компактной Москвы, фактически — в пределах Окружной железной дороги, и резвее застучал колёсами по частым стыкам. За окнами потянулись то берёзовые, то осиновые, то еловые перелески.

— Мне вот чрезвычайно интересно, как это при полной потере памяти вы ухитрились сохранить свою личность нетронутой, и даже такие хитрые вещи не забыли, что такое доллары, как их до «товарного вида» довести, куда с ними бежать и на что потратить... Удивительная прямо избирательность, — задумчиво сказал Выдревич, вернувшись к уже затронутым Воловичем моментам. Сейчас он как-то незаметно утратил вид жестокого пыточных дел мастера и стал вполне располагающим к себе

путейским инженером. — Правда, я и не психиатр. У них там, бывает, такое случается...

— Меня тоже это удивляет. Знаете, есть впечатление, что в меня будто какая-то программа вложена... не та, о которой вы подумали, — предупредил Волович, заметив недоумение в глазах собеседников, — не школьная программа и не какая нибудь «Готская»...¹ В моём понимании «программа» — это нечто вроде диска, что вставляется в «механическое пианино». Понятно? Или проще сказать — как бы глубоко загипнотизирован я. Велено всё лишнее забыть, а что для чего-то нужно — оставили. И я ни малейшего понятия не имею — человек ли я ещё или неведомо чей инструмент, умеющий говорить и двигаться...

«Вон как хорошо завернул! — с гордостью подумал Михаил. — Пусть теперь мозгами ворочают. Объясню им, что самое правильное теперь — ждать, когда «программа» снова себя покажет. То есть повторить то, до чего Агранов уже додумался...»

Но Лютиков и без него понял, к чему клонит не-понятный персонаж. Только подобный вариант его совсем не устраивал. Ждать неизвестно чего, неизвестно сколько и что получить взамен? Пшик! Как в известной сказке?

¹ «Готская программа» — программа эволюционного перехода к социализму, выдвинутая германскими социал-демократами. «Критика Готской программы» — последний значительный труд К. Маркса, датированный 1875 г., где он разъясняет «действительно правильный» путь к социализму и коммунизму. Считается одним из важнейших теоретических трудов в марксизме-ленинизме.

Дверь, ведущая в тамбур, тихо открылась, и в салон неуловимо-стре́мительными движениями, словно бы даже и несвойственными обычным людям, скорее — каким-то тропическим змеям, втесли сразу три человека, вооружённых короткими пистолет-пулемётами, раза в три более компактными и лёгкими, чем американский «Томпсон», чудо техники двадцатых годов.

— Всем не двигаться, — скомандовал один из ниоткуда возникших бойцов, лицом удивительно напомнивший Воловичу тех морских пехотинцев, что защищали дачу президента во время неудачного путча. — Руки за голову. Все! Стреляем по коленям, если что, а это больнее, чем в лоб...

Спорить никто не стал, только у Лютикова быстро-быстро задёргалась щека. За старелый тик, в нормальных обстоятельствах себя не проявлявший. Волович как-то сразу понял, что для него, похоже, события поворачиваются к лучшему. Эти парни с автоматами, похожими на милицейские «АКСУ», явно из «нашего» времени.

Но вошедший вслед за ними человек к «нашим» никак не относился. Одетый в элегантное сиреневое летнее пальто, широкополую шляпу, с лицом «нордическим», но вполне современным для начала двадцатого века, с пронзительно-синими глазами, он вызывал невольное уважение и некоторый холодок в животе.

— День добрый, коллеги, — поздоровался он с Лютиковым и Выдревичем, стягивая тонкую кожаную перчатку с правой руки. — У вас здесь курят? — Он потянул носом. — Ну, тогда и я. Куда едем, кстати?

— Да так, просто по окрестностям катаемся, — ответил Лютиков, справившийся с тиком. — А что у нас заинтересовало белую контрразведку?

— Я присяду? — так же вежливо спросил закуривший толстую папиросу из золотого портсигара, неоднократно виденного Воловичем у своих московских «знакомых», очередной гость.

— Да ради бога, Павел Васильевич, — заулыбался Выдревич. — Пусть ваши люди опустят оружие. Мы сопротивляться не собираемся. Так понимаю — у нас появились некие общие интересы?

— Как вы хорошо умеете угадывать, товарищ, — ответил яркой улыбкой гость. — Именно общие интересы, о которых следует говорить конфиденциально. Пусть ваши люди в тамбур отправляются. Но без глупостей. Мои ребята за ними присмотрят. А мы поговорим обстоятельно и не торопясь... На темы, могущие представлять весьма серьёзный и взаимный интерес для всех присутствующих.

Волович не поверил себе, но странный, явно знакомый его похитителям гость, представляющий ещё большую, чем они сами и, наверное, Агранов, силу, краешком губ улыбнулся ему и вроде бы даже подмигнул.

---

*—————
ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава двенадцатая	5
Глава тринадцатая	41
Глава четырнадцатая	79
Глава пятнадцатая	118
Глава шестнадцатая	156
Глава семнадцатая	195
Глава восемнадцатая	232
Глава девятнадцатая	266
Глава двадцатая	299
Глава двадцать первая	333
Глава двадцать вторая	392

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

ТОМ 2

«МИТТЕЛЬШПИЛЬ»

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *Д. Фирстов*

Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Әндируші: «Э» АҚБ «Баспасы», 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Казакстан Республикасында дистрибутор және айнан бойынша арзы-таларапарды қабылдаушының екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский кв., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 ви. 107.

Әннінің жарымдасты мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы акттар сайтта Әндируші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Әндирушін мемлекеттік: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 04.03.2016.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Baltica».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 9 000 экз. Заказ № 2028.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.**

**Оптовая торговля бумаги-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,

Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

**Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.**

**В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).**

**В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.**

**В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.**

**В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.**

**В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.**

**В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.**

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.**

Звонок по России бесплатный.

**В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.**

ISBN 978-5-699-88432-2

9 785699 884322 >

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Фазовый переход

Операция «Мангуста» по свержению существующего режима в Российской Федерации предотвращена. Подача отбита. Отныне тайные «боевые действия» будут вестись на территории стратегического противника, и фокус внимания «Андреевского братства» сосредотачивается на Соединенных Штатах, где немедленно начинают происходить события, способные изменить двухвековой устоявшийся порядок на континенте и положение во всем мире. Снова Андрею Новикову и Александру Шульгину приходится вступать в большую Игру и вмешиваться в ход истории. Но иначе они уже не могут, потому что сфера их ответственности — Будущее.

